

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Писковец Татьяна Андреевна

Национально-культурная специфика австралийских художественных текстов и
ее межъязыковая передача

Специальность 10.02.20 –
«Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
ИРИНА ОЛЕГОВНА МАЗИРКА

Москва – 2016

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Понятие национально-культурной специфики и ее межъязыковая передача.....	13
1.1. Понятие национально-культурной специфики	13
1.2. Культурологические аспекты художественного перевода	19
1.3. Проблема переводимости	23
1.4. Критерии оценки качества перевода	29
1.5. Сохранение национального колорита при переводе художественной литературы.....	34
Выводы по Главе 1	41
Глава 2. Анализ языковой картины мира Австралии	44
2.1. Исторические предпосылки формирования современного английского языка Австралии.....	44
2.2. Особенности австралийского варианта английского языка.....	48
2.3. Языки коренного населения Австралии	55
2.4. Особенности австралийской художественной литературы	62
Выводы по Главе 2	67
Глава 3. Передача национально-культурной специфики австралийских художественных текстов на русский язык	69
3.1. Реалии в австралийской художественной литературе	70
3.1.2. Способы передачи реалий в художественной литературе.....	94
3.1.3. Выбор способа передачи реалий в художественной литературе	99

3.1.4. Способы передачи реалий в переводах произведений австралийской художественной литературы на русский язык	102
3.2. Семантические неточности при передаче национально-культурной специфики австралийских художественных текстов	146
3.3. Передача иноязычных вкраплений австралийского происхождения на русский язык	154
3.3. Передача отклонений от литературной нормы в австралийской художественной литературе на русский язык.....	165
Выводы по Главе 3	172
Заключение	175
Список сокращений и условных обозначений.....	179
Список литературы	181
Приложение А. Краткий словарь этнографических и географических реалий из австралийских художественных текстов, послуживших материалом для исследования.....	200
Приложение Б. Частотность анализируемых реалий по лексико-тематическим группам.....	208

Введение

В последнее время перевод все чаще рассматривается как особый вид коммуникации, в котором тесно соприкасаются не только два языка, но и две культуры. Наиболее полно и ярко взаимодействие различных национальных культур проявляется в сфере художественного перевода. Особенность работы переводчика с художественным текстом заключается в том, что он должен не только донести до читателя авторский замысел, но и сохранить в тексте специфику чужой для него культуры, избегая при этом чрезмерной «экзотизации». Такая задача требует от переводчика не только владения языком оригинала, но и знания особенностей быта, традиций, мировоззрения и культуры народа-носителя этого языка.

Национально-культурная специфика в художественной литературе представляет собой своеобразный временной, местный и исторический контекст произведения. В качестве главных выразителей культурного своеобразия художественного произведения обычно рассматриваются слова-реалии. Однако понятие «национально-культурная специфика» охватывает более широкий пласт лексики: обращения, междометия, каламбуры, иноязычные вкрапления, фразеологические единицы, отклонения от литературной нормы и др. С этой точки зрения австралийские художественные тексты представляют собой большой интерес для исследования в силу многоплановости своей национально-культурной специфики (слова-реалии, иноязычные вкрапления, отклонения от литературной нормы и т.д.).

Актуальность исследования обусловлена тем, что лексика австралийских художественных текстов весьма специфична и не всегда находит отражение в отечественных лексикографических пособиях, в результате возникают сложности при передаче подобного рода культурно-

окрашенных лексических единиц. Следует отметить, что особые трудности при переводе вызывают вкрапления из племенных языков Австралии.

Степень разработанности темы диссертации. В современной теории перевода уделяется большое внимание разработке принципов межкультурной адаптации художественного текста: [Влахов, Флорин, 2012], [Сдобников, Петрова, 2007], [Смирнов, 2002], [Тимко, 2007], [Федоров, 2002], [Хухуни, Валуицева, 2003], [Чайковский, Воронежская, Лысенкова, Харитонова, 2014] и др. Однако исследования в этой области не всегда затрагивают частные проблемы перевода, возникающие при межъязыковой передаче национально-культурного своеобразия текста художественного произведения.

На сегодняшний день существует большое количество трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей по изучению австралийского варианта английского языка: Ю.А.Акопян [Акопян, 2003], Л.И.Аполлоновой [Аполлонова, 1991], Т.М.Беляевой, И.А.Потаповой [Беляева, Потапова, 1961], Е.М.Григорьевой [Григорьева, 2014], В.Мурат [Муратз, 1975], Г.А.Орлова [Орлов, 1978], В.В.Ощепковой [Ощепкова, 2004; Ощепкова, 2014; Ощепкова, 2015; Ощепкова, 2016], Л.Д.Почепцовой [Почепцова, 1973], S.J.Baker [Baker, 1978], F.Cox [Cox, 2012], A.Delbridge [Delbridge, 1965], D.Holbrook [Holbrook, 1973], G.Leitner [Leitner, 2004], S.Murray-Smith [Murray-Smith, 1989], J.O'Grady [O'Grady, 1966], W.S.Ramson [Ramson, 1966], G.W.Turner [Turner, 1972], G.A.Wilkes [Wilkes, 1986] и др.

Национально-культурные особенности произведений австралийской художественной литературы рассматриваются в работах Е.В.Самсоновой [Самсонова, 2000] и В.С.Ширососовой [Ширососова, 2014]. Однако следует отметить, что в настоящее время недостаточно освещены аспекты межъязыковой передачи национально-культурной специфики австралийских художественных текстов. Этот факт и обуславливает актуальность данного исследования.

Указанная проблематика предопределила выбор объекта и предмета исследования.

Объектом исследования в настоящей диссертации являются компоненты национально-культурной специфики австралийской художественной литературы и варианты их перевода на русский язык.

Предметом настоящего исследования является межъязыковая передача национально-культурных особенностей языка австралийской художественной литературы.

Цель исследования – выявить культурно-маркированную лексику художественной литературы Австралии и изучить механизмы преобразования этих языковых единиц при переводе на русский язык.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

1. Определить понятие «национально-культурная специфика», в частности уточнить понятие «межвариантная национально-культурная специфика»;
2. Исследовать ключевые аспекты межкультурной адаптации художественного текста;
3. Определить основные особенности языковой картины мира Австралии;
4. Систематизировать реалии из австралийской художественной литературы и определить частотность их употребления;
5. Описать основные способы перевода реалий;
6. Исследовать способы передачи реалий в русских переводах австралийской художественной литературы;
7. Проанализировать проблему передачи иноязычных вкраплений австралийского происхождения на русский язык;
8. Рассмотреть проблему передачи отклонений от литературной нормы в переводах произведений австралийских писателей.

Материалом для исследования послужили оригинальные художественные тексты австралийских авторов: К.С.Причард [Prichard, 1973; Prichard₁, 1975; Prichard₂, 1975], П.Уайта [White, 1975], Г.Лоусона [Lawson₁, 1975; Lawson₂, 1975; Lawson₃, 1975], С.Радда [Rudd₁, 1975; Rudd₂, 1975], В.Палмера [Palmer₁, 1975; Palmer₂, 1975; Palmer₃, 1975], Ф.Д.Дэвисона [Davison, 1975], К.Герберта [Herbert, 1975], А.Маршалла [Marshall₁, 1975; Marshall₂, 1975; Marshall₃, 1975] и др., а также переводы их произведений на русский язык. Общий объем проанализированной художественной литературы составляет 3512 страниц.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных специалистов в области лингвистики и переводоведения: Н.Ф.Алефиренко [Алефиренко, 2009], Л.С.Бархударова [Бархударов, 2013], Л.И.Борисовой [Борисова, 1999; Борисова, Парфенова, 2005], В.С.Виноградова [Виноградов, 1978], С.И.Влахова, С.П.Флорина [Влахов, Флорин, 2012], Г.Р.Гачечиладзе [Гачечиладзе, 1972], Д.И.Ермоловича [Ермолович, 2005], И.А.Кашкина [Кашкин, 1977], В.Н.Комиссарова [Комиссаров₂, 2002; Комиссаров, 1973], И.Левого [Левый, 1974], А.Лиловой [Лилова, 1985], Л.Л.Нелюбина, Г.Т.Хухуни [Нелюбин, Хухуни, 2008; Нелюбин, Хухуни, 2006], А.А.Реформатского [Реформатский, 2006], Я.И.Рецкера [Рецкер, 2010], А.В.Федорова [Федоров, 2002], А.Д.Швейцера [Швейцер, 1988], S.Bassnett-McGuire [Bassnett-McGuire, 1980], C.J.Catford [Catford, 1965], E.Gentzler [Gentzler, 1993], E.A.Nida, C.R.Taber [Nida, Taber, 1969], T. Savory [Savory, 1968], M.Snell-Hornby [Snell-Hornby, 1988-1995], G.Steiner [Steiner, 1975] и др.

В ходе работы применялись следующие **методы** исследования: сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки, метод классификации и систематизации языкового материала, количественный метод.

Результаты исследования позволили сформулировать следующие **основные положения, выносимые на защиту**:

1. В ряде произведений австралийской художественной литературы широко представлена лексика, отражающая национально-культурную специфику страны. Среди составляющих ее единиц выделяются слова, обозначающие явления жизни и быта населяющих Австралию народов, наименования характерной для природы этого континента флоры и фауны и др.

2. Одним из наиболее существенных компонентов этнокультурной специфики австралийских художественных текстов являются так называемые иноязычные вкрапления – слова и выражения из различных племенных языков, понимание которых рассчитано на наличие у читателя оригинала соответствующих фоновых знаний.

3. Другим заметным элементом национально-культурной специфики исходных текстов является ломаная английская речь, воссоздание которой при переводе представляет значительные сложности.

4. Поскольку в существующих отечественных лексикографических пособиях и англо-русских словарях указанная безэквивалентная лексика отражена далеко не всегда, ее межъязыковая передача представляет собой достаточно сложную задачу, не всегда получающую адекватное решение в переводе.

5. Преимущественными приемами перевода, которые применяют переводчики австралийской литературы при передаче реалий, являются транскрипция, транслитерация и функциональный аналог. Помимо указанных приемов при передаче исследуемых реалий используются также следующие способы: компромиссный перевод (сочетание транскрипции и транслитерации), генерализация, калькирование, полукалька, описательный перевод и контекстуальный перевод.

6. При переводе иноязычных вкраплений из племенных языков в проанализированных нами произведениях австралийской художественной литературы переводчики применяют транскрипцию, транслитерацию и сочетание этих приемов по правилам английской фонетики, добавляя перевод

соответствующего комментария автора. При передаче ломаной речи аборигенов и малообразованных персонажей переводчики прибегают к средствам литературного языка, сохраняя в речи героев намек на сниженный стиль.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Проблема межъязыковой передачи художественных произведений австралийских писателей впервые становится объектом систематического анализа в отечественном переводоведении;

2. Впервые осуществлен анализ австралийских художественных текстов с целью выявления наиболее распространенных компонентов, отражающих их национально-культурную специфику;

3. Впервые представлена классификация наиболее распространенных компонентов национально-культурной специфики австралийской художественной литературы;

4. Впервые разработана классификация слов-реалий в австралийской художественной литературе;

5. Впервые проведен анализ переводческих закономерностей при передаче на русский язык таких компонентов национально-культурной специфики австралийской художественной литературы как слова-реалии, иноязычные вкрапления из языков австралийских аборигенов и отклонения от литературной нормы.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что содержащийся в работе материал и результаты его анализа позволяют выявить основные тенденции передачи культурно-маркированных лексических единиц на переводной язык (ПЯ). Кроме того, работа уточняет такие аспекты теории художественного перевода как: 1) сохранение национально-культурного колорита произведения при межъязыковой передаче; 2) проблема оценки качества художественного перевода.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что материал исследования и полученные в результате его анализа выводы могут быть

использованы в разработке пособий и вузовских курсов по теории и практике художественного перевода, лингвострановедению, культурологии и лексикологии.

Апробация. Теоретические положения и практические результаты данного диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (2011 – 2016 гг.). Положения работы были изложены в докладе «Австралийские реалии как переводческая проблема» на V международной научной теоретической конференции «Перевод и когнитология в XXI веке» Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (27-30 апреля 2012). Основные положения исследования отражены в четырех публикациях (в том числе три из них – в изданиях, включенных в Перечень ВАК при Минобрнауки России).

Структура и содержание диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, выводов по каждой из них, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованной литературы и двух приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются предмет, объект, цель и задачи исследования, раскрываются его новизна, теоретическая и практическая значимость, а также положения, выносимые на защиту.

В первой главе уточняется понятие национально-культурной специфики и анализируются общие вопросы, связанные с межъязыковой передачей национально-культурных особенностей художественного текста. В главе уделяется внимание вопросу взаимодействия культур в художественном переводе, а также анализируются основные концепции художественного перевода, в частности проблема переводимости и вопрос о соотношении оригинального и переводного текстов. В данной части исследования рассматриваются традиционные подходы к сохранению колорита художественного произведения при межъязыковой передаче.

Вторая глава посвящена специфике языковой картины мира Австралии. В ней дается краткая характеристика истории Австралии, при этом уделяется внимание именно тем событиям, которые оказали влияние на формирование австралийского варианта английского языка. В главе также рассматриваются ключевые особенности английского языка Австралии по сравнению с английским языком Великобритании. Описываются характерные черты племенных языков австралийского континента, а также предлагается характеристика жанрово-специфических и национально-культурных особенностей австралийской художественной литературы.

В третьей главе рассматриваются национально-культурные особенности лексических единиц в австралийских художественных текстах. В главе предлагается классификация реалий из австралийской художественной литературы по лексико-тематическим группам. Уточняются основные приемы передачи культурно-маркированных языковых единиц и анализируются переводческие закономерности при передаче австралийских реалий. В ходе анализа материала исследования выявляются семантические неточности, допущенные переводчиками в результате недостатка фоновых знаний по исследуемой тематике. В главе также анализируются способы передачи иноязычных вкраплений из языков коренного населения Австралии на русский язык. Кроме того, в данной части диссертации рассматриваются особенности перевода на русский язык тех отклонений от литературной нормы английского языка, которые часто встречаются в австралийской художественной литературе.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются основные выводы.

Список использованной литературы содержит научные труды отечественных и зарубежных исследователей, использованные при написании диссертации, а также список словарей, список художественной литературы и список электронных источников.

В Приложении А представлен краткий словарь этнографических и географических реалий из австралийских художественных тестов, послуживших материалом для исследования.

В Приложении Б приведены таблицы, демонстрирующие частотность анализируемых реалий по лексико-тематическим группам.

Глава 1. Понятие национально-культурной специфики и ее межъязыковая передача

1.1. Понятие национально-культурной специфики

Одной из ключевых проблем в языкознании является вопрос взаимосвязи языка и культуры. Эта проблема всегда привлекала внимание огромного числа исследователей в области культурологии, философии, лингвистики и психологии. Различные аспекты взаимодействия языка и культуры освещаются в трудах отечественных и зарубежных ученых: А.Вежбицкой [Вежбицкая, 1997], Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова [Верещагин, Костомаров, 1980; Верещагин, Костомаров, 1973], О.А.Корнилова [Корнилов, 2013], В.А.Масловой [Маслова, 2010], Г.П.Нещименко [Нещименко, 2000], М.К.Петрова [Петров, 1991], Т.Г.Поповой [Попова, 2003], З.К.Сабитовой [Сабитова, 2013], Э.Сепира [Сепир, 1993], Е.Ф.Тарасова [Тарасов, 2000], А.Т.Хроленко [Хроленко, 2004] и др.

На данный момент существует три основных подхода к решению вопроса о соотношении языка и культуры [Маслова, 2010, с. 60–62].

Согласно первому подходу, взаимодействие языка и культуры оказывается движением в одну сторону. Поскольку язык отражает действительность, а культура является неотъемлемым ее компонентом, с которым сталкивается человек, то и язык в свою очередь представляет собой отражение данной культуры. С изменением действительности меняются культурно-национальные стереотипы, а, следовательно, подвергается изменению и сам язык. Таким образом, данный подход объясняет воздействие культуры на язык, однако вопрос об обратном воздействии языка на культуру при таком подходе остается открытым [Маслова, 2010, с. 60].

Сторонники второго подхода (В.Гумбольдт, А.А.Потебня) понимали язык как духовную силу. Язык представляет собой такую окружающую нас среду, вне которой и без участия которой мы жить не можем. Язык не существует вне нас как объективная данность, а находится внутри сознания и памяти каждого человека [Маслова, 2010, с. 60].

В рамках этого подхода была разработана так называемая гипотеза лингвистической относительности (гипотеза Сепира-Уорфа). В основе этой гипотезы лежит убеждение, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка. Реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинами мира». Таким образом, язык всегда обуславливает способ мышления говорящего на нем народа. Кроме того, способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты [Маслова, 2010, с. 61].

Согласно третьему подходу взаимосвязь языка и культуры обусловлена следующими положениями: 1) язык является составной частью культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка, поскольку для понимания сущности культуры, то есть науки, религии, литературы, необходимо рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, т.к. естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка [Маслова, 2010, с. 62].

По замечанию С.Г.Тер-Минасовой, «язык как средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находятся в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии, что и определяет их развитие» [Тер-Минасова, 2008, с. 19]. Взаимодействие языка и культуры является важнейшим фактором развития человеческого общества. Язык является зеркалом культуры, в котором отражается не только окружающий

мир, не только реальные условия жизни человека, «но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Там же. С. 19].

Культура и язык существуют в диалоге между собой и представляют собой формы сознания, отображающие мировоззрение человека. Субъектом культуры и языка всегда является индивид или социум, личность или общество. К общим свойствам языка и культуры относятся нормативность, историзм и антиномия «динамика-статика» [Маслова, 2010, с. 60].

Одним из важнейших свойств языка и культуры «является их способность сохранять социально значимую информацию и передавать ее от поколения к поколению» [Сабитова, 2013, с. 23]. Так проявляется кумулятивная или накопительная функция языка и культуры. В основном, трансляция культуры осуществляется посредством языка. Язык хранит культуру, обеспечивая тем самым диалог поколений.

Однако следует выделить и несколько основных различий языка и культуры. Во-первых, в языке преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; во-вторых, несмотря на то, что культура, как и язык, является знаковой системой, она не способна самоорганизовываться; в-третьих, язык и культура представляют собой разные семиотические системы [Маслова, 2010, с. 60].

К.Леви-Стросс отмечает, что «язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» [Цит. по: Маслова, 2010, с. 62].

Указывается, что попытки определения языка через культуру и наоборот «свидетельствуют об отношениях двунаправленной взаимозависимости и взаимовлияния: язык не может существовать вне культуры, культура не может существовать без языка. Язык прорастает в культуру, развивается в ней и

выражает ее, он воплощает своеобразие народа, национальной культуры, национального видения мира. Неповторимость, оригинальность языка создается культурой, ментальностью, «духом народа» [Сабитова, 2013, с. 24].

Г.А.Антипов, О.А.Донских, И.Ю.Марковина и Ю.А.Сорокин выделяют следующие национально-специфические компоненты культуры: традиции, обычаи, обряды; бытовая культура, тесно связанная с традициями; повседневное поведение и принятые нормы общения; «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира; художественная культура [Приводится по: Сабитова, 2013, с. 26]. Эти базовые компоненты культуры позволяют ее носителям идентифицировать себя с определенным коллективом и противопоставлять себя всем остальным. З.К.Сабитова уточняет, что «к национально-специфическим относятся предметы, понятия, связанные с территорией проживания народа (со способами освоения пространства, взаимодействия с природой, а значит, с преобладающим методом хозяйствования); с особенностями коммуникации, взаимоотношений между людьми (коммуникативным поведением, в том числе речевым); с одеждой (ср. понятие «национальная одежда, костюм»); с питанием («национальная кухня»); с жизненными ценностями и нормами; верованиями; способами познания окружающего мира; традициями, связанными с работой и др.» [Сабитова, 2013, с. 26].

Традиционно выделяют три формы взаимоотношения человека с окружающим миром: реальная картина мира (внечеловеческая данность, окружающий мир), культурная картина мира (мировоззрение человека, сформированное в результате физической и духовной деятельности) и языковая картина мира (отражение реальности средствами языка) [Гер-Минасова, 2008, с. 23].

В сознании разных народов формируется особая картина мира, которая обусловлена неодинаковым жизненным опытом представителей разных языковых коллективов [Сдобников, Петрова, 2007, с. 121]. Этот опыт находит

отражение в принципах категоризации действительности и фиксируется в лексике, фразеологии и грамматике. Таким образом, язык выражает ту картину мира, которая формируется в нашем сознании.

В общем смысле национально-культурную специфику языка можно определить как «совокупность особенностей средств одного национального языка по сравнению с другими языками, обусловленную своеобразным национально-культурным бытием определенного национального социума» [Юрьев, 2007, с. 13].

В.А.Маслова отмечает, что «специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь *специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа*» (выделено В.А.Масловой) [Маслова, 2010, с. 66].

В исследовании взаимоотношений языка и культуры важное значение приобретают единицы языка, выражающие не только языковое содержание, но и культурную информацию. Так, в лингвокультурологии принято выделять «культурно нагруженные» единицы языка, которые содержат в себе компонент, выражающий особенности национальной культуры и этнического сознания [Сабитова, 2013, с. 25].

Одним из базовых понятий в лингвокультурологии является понятие «культурной коннотации», которая представляет собой способ воплощения культуры в языковом знаке. «Культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры» [Маслова, 2010, с. 51].

З.К.Сабитова отмечает, что «национально-культурный компонент семантики (культурная коннотация) слова связывает его непосредственно с культурой, ментальностью его носителей. В национально-культурном компоненте слова находят отражение базовые категории культуры, например, предметы, понятия, относящиеся к способам освоения пространства, взаимодействия с природой, одеждой, питанием, традициями, связанными с работой и др.» [Сабитова, 2013, с. 120].

Национально-культурная специфика лексического значения языковой единицы обнаруживается при ее сравнении с соответствующими единицами в других языках. Следует особо отметить, что национально-культурная специфика может различаться не только при сопоставлении разных языков, но и при сравнении разных вариантов одного и того же языка. Н.М.Фирсова отмечает, что «при изучении полинациональных языков <...> не менее важно постижение национального своеобразия коммуникации носителей **разных национальных вариантов одного и того же языка**» (выделено Н.М.Фирсовой) [Фирсова, 2000, с. 23]. Так, национально-культурная специфика английского языка проявляется при его сопоставлении с другими языками, то есть проявляется межъязыковая национально-культурная специфика. При сравнении же отдельных национальных вариантов английского языка между собой (в нашем случае британского и австралийского) проявляется «межвариантная национально-культурная специфика» [Там же. С. 24]. Национальное своеобразие вербальной коммуникации в английском языке выражается в наличии в нем специфических признаков, которые могут отражать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. При этом отдельные языковые единицы могут быть маркированы одновременно лингвистической и экстралингвистической национально-культурной спецификой.

1.2. Культурологические аспекты художественного перевода

Одной из областей, способствующих сближению и взаимодействию национальных культур при сохранении ими своей идентичности, является сфера художественного перевода как особого вида межкультурной коммуникации.

В общем смысле под термином «перевод» принято понимать либо сам процесс перевода (некую интеллектуальную деятельность), либо результат деятельности переводчика – текст или высказывание. В.В.Сдобников и О.В.Петрова определяют перевод как «вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении» [Сдобников, Петрова, 2007, с. 92]. Целью перевода является создание текста, который выступал бы в качестве полноправной замены оригиналу. Отмечается, что перевод позволяет удовлетворить «постоянно возникающую потребность общения между людьми, не владеющими общим языком, или, иначе говоря, людьми, разделенными лингвоэтническим барьером» [Там же. С. 93].

Художественный перевод как особый вид творческой деятельности рассматривается в работах многих отечественных и зарубежных исследователей: Г.Р.Гачечиладзе [Гачечиладзе, 1972], А.Н.Гиривенко [Гиривенко, 2002], Т.А.Казаковой [Казакова, 2006], И.А.Кашкина [Кашкин, 1977], Л.И.Копанева [Копанев, 1972], И.Левого [Левый, 1974], Н.М.Любимова [Любимов, 1982], И.О.Мазирки [Мазирка, 2003], В.С.Модестова [Модестов, 2006], М.М.Морозова [Морозов, 1956], Ю.Л.Оболенской [Оболенская, 2006], А.Поповича [Попович, 1980], Ю.П.Солодуба, Ф.Б.Альбрехта, А.Ю.Кузнецова [Солодуб, Альбрехт, Кузнецов, 2005], А.В.Федорова [Федоров, 1983],

Р.Р.Чайковского [Чайковский, 2008], К.И.Чуковского [Чуковского, 2014], E.Grossman [Grossman, 2010] и др.

Обобщая известные определения художественного перевода, В.С.Модестов предлагает следующую трактовку данного понятия: «...художественный перевод – это вид оригинального художественного творчества, в процессе которого литературное произведение, существующее на одном языке, максимально полно воссоздается на другом языке его художественными средствами, становясь новым единством содержания и формы в условиях другого языка и другой этнокультуры, полноценным литературным произведением интерпретационного искусства; художественный перевод должен максимально соответствовать оригиналу по силе интеллектуального и эмоционального воздействия на читателя» [Модестов, 2006, с. 28].

По словам Ю.Л.Оболенской, переводческая деятельность «представляет собой особую специфическую разновидность творчества, поскольку по природе своей это творчество *вторично*, переводчик в сущности не создает, а воспроизводит уже существующую в виде оригинала эстетическую ценность; задача переводчика *отразит* отраженное в оригинале с возможной полнотой и без ощутимых потерь» [Оболенская, 2006, с. 91]. Продукт его творчества может стать эстетической ценностью, но его новизна и оригинальность носят относительный характер. Далее автор замечает, что «до сих пор не совсем ясен вопрос о том, что же является источником этого специфического вида искусства: оригинальное художественное произведение, впечатление, произведенное им на переводчика, некая информация, содержащаяся в оригинале, его смысл или действительность, отраженная писателем в оригинале» [Там же. С. 91].

В последнее время исследователи в области переводоведения все чаще фокусируют свое внимание на культурологических аспектах перевода. В.Н.Комиссаров замечает, что «в условиях взаимосвязи и взаимозависимости

современного мира различные культуры не изолированы друг от друга, а постоянно контактируют и взаимодействуют. Представители одной культуры сталкиваются с особенностями других культур при непосредственном общении с носителями этих культур у себя в стране и за ее пределами или получают соответствующую информацию устно или письменно с экрана, с газетных страниц, из литературных произведений и иных источников. Одним из таких источников, получившим широкое распространение в современном мире, являются переводы. Раскрывая своеобразие и многообразие культурных ценностей, обычаев и традиций, переводы способствуют взаимопониманию и взаимоуважению, обогащают культуру каждого народа, вносят большой вклад в развитие его языка, литературы, науки и техники» [Комиссаров₂, 2002, с. 72].

По замечанию А.В.Федорова, «перевод всегда – в той или иной мере – окно в другой мир, в мир другого народа, иногда в другую эпоху, – окно, в которое мы, например, смотрим то на Запад, то на Восток <...>. В этом – специфика перевода в пределах той литературы, на почву которой средствами ее языка перенесен иноязычный оригинал. Язык же во всяком подлинно художественном переводе, как бы своеобразен он ни был – в соответствии со стилем подлинника, – составляет то общее, что роднит перевод с принявшей его литературой» [Федоров, 1983, с. 13–14].

В процессе художественного перевода и в созданном переводчиком тексте соприкасаются и взаимодействуют не только два разных языка, но и две разные национальные культуры: культура, к которой принадлежит оригинальное художественное произведение, и культура, к которой относится переводное произведение. Задача переводчика заключается в том, чтобы, не отрываясь от родного языка и своей культуры, донести до читателя существенные элементы и другой, «чужой» культуры, отраженные в исходном языке и оригинальном художественном тексте [Смирнов, 2002, с. 380]. Следует отметить, что в отличие от оригинального художественного произведения, которое в данной национальной литературе представляет собой, как правило,

определенную константу, его перевод на другой язык может быть многовариантным, то есть одно и то же произведение может быть переведено на данный язык разными авторами и в разное время (иногда с довольно большим временным интервалом). В связи с этим можно говорить о специфическом ракурсе проявления взаимодействия культур в художественном переводе [Там же. С. 381].

Рассматривая культуру как семиотическую систему, можно утверждать, что существование культуры в значительной степени обусловлено «верификацией ее знаков другими знаками», то есть переводом, который определяется (в когнитивном аспекте) как трансляция образов сознания из одной культуры (исходной) в другую (принимающую) [Фесенко, 2002, с. 179]. В контексте взаимодействия культур перевод предстает как непрерывный процесс интерпретации знаков одной культуры через знаки другой культуры, обеспечивающий установление эквивалентных отношений между взаимодействующими объектами (культурами) [Там же].

Отмечается, что в практическом плане «фактор культуры» предстает перед переводчиком как «список специфических особенностей культуры носителей исходного языка (ИЯ), которые либо невозпроизводимы в переводе, либо при их прямом (неадаптированном) проецировании на культуру носителей переводящего языка (ПЯ) способны вызвать неадекватный коммуникативный эффект (КЭ), то есть непонимание, недопонимание, ложное понимание, неравноценные эмоции и т.д. К данному перечню можно отнести также затрудненное восприятие текста перевода, потери в эмоциональном и эстетическом восприятии» [Тимко, 2007, с. 41].

Под специфическими особенностями культуры часто понимают область экстралингвистических понятий, то есть неких событий или явлений, свойственных определенной лингвокультурной общности. Однако вопрос об отражении культуры в языке следует рассматривать и с позиции лингвистики.

Языковые средства, в которых отражается национальная культура, достаточно разнообразны и охватывают элементы всех уровней структуры языка. Наиболее заметно различие культур, истории и языкового сознания разных народов проявляется в лексике и фразеологии. В связи с этим важную роль приобретает перевод так называемой безэквивалентной лексики (названия реалий, обозначающих своеобразные черты культуры, религии, быта, общественной жизни и т.д.), а также идиоматических выражений, пословиц и поговорок. Некоторые грамматические формы и словообразовательные средства также способны приобретать специфические национальные черты.

Важно также учитывать неоднородность культурно-языковых коллективов, которая проявляется в особенностях употребления языковых средств отдельными группами людей (национальные варианты одного языка, территориальные диалекты, социальные диалекты, профессиональные диалекты и т.д.). Кроме того, в каждом языке следует выделять функциональные стили, которые представляют собой совокупность языковых средств, применяемых в определенных сферах общения. Перечисленные явления так или иначе находят отражение в оригинальном произведении и часто вызывают ряд практических проблем при межъязыковой передаче.

1.3. Проблема переводимости

Одной из главных теоретических проблем переводоведения является проблема переводимости. Переводимость определяется как «объективно существующая возможность передать сообщение в условиях коммуникации с использованием двух языков» [Нелюбин, 2003, с. 148].

Сама возможность осуществления перевода всегда вызывала немало споров среди теоретиков и практиков перевода, что привело к формированию противоположных теорий: с одной стороны, концепция непереводимости,

требующая тождественности текстов оригинала и перевода, с другой – концепция полной переводимости, которая основана на общности понятийных категорий, свойственных всем народам. С развитием теории перевода концепция непереводимости постепенно отвергалась исследователями. Как замечают в предисловии к своей книге «Непереводимое в переводе» С.И.Влахов и С.П.Флорин: «Теорию непереводимости опровергла живая переводческая практика» [Влахов, Флорин, 2012, с. 8]. В то же время концепция полной переводимости также вызывает ряд вопросов в силу своего относительного характера и исторической обусловленности. Следует также выделить концепцию неполной переводимости, которая основана на том, что при любой коммуникации происходит некоторая потеря информации.

Для достижения более полной переводимости необходимы два фактора: развитие народов в широком смысле, которое в свою очередь ведет к развитию национальных языков, а также увеличение числа межэтнических контактов, которое способствует более глубокому познанию народами друг друга [Сдобников, Петрова, 2007, с. 119].

По замечанию А.В.Федорова «каждый высокоразвитый язык является средством достаточно могущественным для того, чтобы передать содержание, выраженное на другом языке в его единстве с формой» [Федоров, 2002, с. 167]. Однако исследователь указывает, что некоторые элементы языка подлинника могут ограничивать переводимость. Речь идет об отклонениях от общей нормы языка оригинала (диалектизмы и социальные жаргоны, имеющие ярко выраженную «местную» окраску). Однако и в этих случаях перевод возможен, пусть и не в полном объеме, а лишь в пределах одной из функций элемента оригинала. Таким образом, ученый приходит к выводу о том, что «принцип переводимости в полной мере применим при передаче материала, соответствующего норме языка подлинника» [Там же. С. 168–169].

Невозможность передать отдельный элемент, отдельную особенность оригинала также не противоречит принципу переводимости, поскольку

отдельные элементы произведения существенны не сами по себе, а только в системе, образуемой их сочетанием и составляющей единство с содержанием произведения. Поэтому «утрата отдельного элемента, не играющего организующей роли, может не ощущаться на фоне обширного целого» [Там же. С. 169–170]. Ключевым моментом при определении роли отдельного элемента в подлиннике, а также возможности его пропуска или замены является единство содержания и формы. Подчеркивается, что принцип переводимости осуществим только в отношении тех произведений, которые содержат в себе это единство и, соответственно, «не распространяется на формалистические эксперименты и трюки, лишенные содержания или нарочито затемняющие его предполагаемый смысл, на различную заумь, на произведения, представляющие распад формы» [Там же. С. 170].

Следует выделять два типа ограничений, препятствующих переводимости: лингвистические, которые обусловлены неизбежной языковой асимметрией, и экстралингвистические, определяемые межкультурными различиями.

Кратко рассмотрим лингвистические факторы, препятствующие переводимости, предложенные В.В.Сдобниковым и О.В.Петровой [Сдобников, Петрова, 2007, с. 120–136]:

1. Неодинаковая категоризация действительности разными языками.

Данное явление часто проявляется в несовпадении грамматических и семантических структур двух языков. Среди факторов, способствующих преодолению подобных расхождений, можно выделить контекст, а также общность фундаментальных категорий мышления, которые всегда отражаются в языке.

2. Существование этнографических лакун – лексических единиц, обозначающих реалии носителей ИЯ и не имеющих соответствий в ПЯ.

Отмечается, что «слова-реалии обозначают объекты материальной культуры, явления жизни, быта, духовной культуры одного народа,

отсутствующие у других народов» [Там же. С. 124]. В данном случае переводимости будет препятствовать тот факт, что иноязычная лексическая единица пока еще неизвестна представителям другой культуры и не имеет эквивалента в соответствующем языке. Поскольку на данный момент разработаны различные приемы перевода безэквивалентной лексики (транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод и т.д.), использование одного из них позволяет в той или иной степени передать значение слова-реалии. Следует указать, что непереводаемыми остаются коннотативные ассоциации, возникающие у носителей ИЯ при употреблении слов-реалий. В этом случае непереводаемость обусловлена культурными различиями.

3. Ориентация текста на использование специфических особенностей низших уровней данного языка.

В этом случае речь идет о фонемном и морфемном уровнях языка. Ономапоэя (звукоподражание), а также определенные сочетания разных звуков или регулярные повторения одного и того же звука используются авторами для создания некоего эстетического воздействия на читателя. Эффект от использования звукоподражания может зависеть от языковой принадлежности читателя. Поэтому при межъязыковой передаче подобных единиц важно подобрать звук, выполняющий аналогичную функцию в текстах на языке перевода.

4. Придание диалектам ИЯ, которым нет соответствий в ПЯ, стилистической значимости в художественном тексте.

В данном случае «имеются в виду, в основном, территориальные диалекты и в меньшей степени – социальные диалекты (жаргоны, аргю)» [Там же. С. 131]. В тексте диалект может использоваться для того, чтобы, например, указать на социальный статус говорящего. Для передачи этой особенности речи важно найти в языке перевода функциональный аналог диалекта, использованного в оригинале. При этом использование диалекта переводящего

языка недопустимо, поскольку приводит к стиранию национального колорита произведения.

5. Установка автора оригинала на формалистические трюки и заумь.

Для передачи данного явления необходимо сохранить в тексте перевода аналогичный коммуникативный эффект. С этой целью предлагается при помощи средств языка перевода создать текст, обладающий теми же характеристиками, что и оригинал (например, та же степень непонятности, та же эстетика).

6. Использование в тексте игры слов.

Данный фактор вызывает существенные затруднения при межъязыковой передаче. В этом случае предлагается отказаться от поиска прямых соответствий слов, обыгрываемых в оригинале. Таким образом, игру слов в тексте оригинала заменяют при переводе другой, несущей тот же смысл.

7. Употребление в тексте варваризмов.

Подобный вид заимствований может использоваться в тексте для создания определенного коммуникативного эффекта, который достаточно сложно сохранить в переводе.

Следует отметить, что указанные ограничения лингвистического характера могут серьезно осложнить работу переводчика, однако они не являются непреодолимыми препятствиями при переводе.

Рассматривая проблему переводимости в контексте межкультурной коммуникации, важно учитывать не только особенности языков оригинала и перевода, но и сложности, обусловленные «когнитивным диссонансом культур» [Чайковский, Вороневская, Лысенкова, Харитонова, 2014, с. 35]. Вслед за авторами монографии «Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации» мы также различаем следующие межкультурные барьеры, препятствующие переводимости [Там же. С. 36–40]:

1. *Сопrotивление принимающего языка*, которое находит выражение через культурно-маркированные реалии исходного языка.

2. *Глубина контекста.* Указывается, что основная сложность для переводчика «заключается не в переводе слов, предложений или фрагментов текста, а в передаче глубины содержания исходного текста» [Там же. С. 37].

3. *Этноцентризм восприятия инокультурного текста* подразумевает оценку явлений окружающего мира «сквозь призму традиций и норм своей этнической группы» [Там же]. Подчеркивается, что этноцентризм восприятия осложняет межкультурную коммуникацию, но не всегда является серьезной помехой при переводе.

4. *Ментальность нации.* Различия в менталитете могут привести к конфликту культур: например, то, что является значимым и закономерным для носителей культуры текста оригинала, может вызвать непонимание или безразличие у представителей принимающей культуры.

5. *Культурная дистанцированность коммуникантов.* Возможность перевода текста зависит от того, насколько ярко в нем отражена национальная культура, а также от пространственной, временной и культурной дистанции языков оригинала и перевода.

6. *Социальная маркированность исходного текста.* Использование в исходном тексте различных социальных диалектов (жаргон, арготизмы, сленг, субязыки и т.д.) вынуждает переводчика решать сразу две задачи: 1) верно интерпретировать единицы социальных диалектов, 2) найти подходящие способы передачи этих единиц.

7. *Этнодифференцирующие культурологические признаки,* которые представляют собой различия, возникающие «при сопоставлении вербального и невербального поведения носителей контактирующих лингвокультурных сообществ, обусловленные своеобразием традиций, обычаев, норм поведения и т.д.» [Там же. С. 40]

Особую сложность при переводе приобретают те барьеры, которые не имеют конкретного языкового воплощения. В целом, рассмотренные межкультурные препятствия могут быть успешно преодолены благодаря

использованию подходящих способов перевода, среди которых выделяются адаптивный, резистивный и интерпретативный виды перевода [Там же. С. 40–41].

1.4. Критерии оценки качества перевода

В теории перевода огромное внимание уделяется разработке принципов межъязыковой передачи иноязычных художественных текстов, и, в частности, вопросу соотношения оригинального и переводного текстов. Указанная проблема так или иначе затрагивается в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей: [Гарбовский, 2007], [Гачечиладзе, 1972], [Кашкин, 1977], [Комиссаров, 1980; Комиссаров, 1999; Комиссаров₁, 2002; Комиссаров₂, 2002], [Оболенская, 2006], [Попович, 1980], [Сдобников, Петрова, 2007], [Солодуб, Альбрехт, Кузнецов, 2005], [Топер, 2000], [Швейцер, 1988], [Федоров, 2002], [Юрьев, 2007], [Jäger, 1975], [Nida, Taber, 1969], [Reiß, 1978], [Reiß, Vermeer, 1984], [Toury, 1995] и др. В данном разделе рассмотрены общие аспекты проблемы оценки качества перевода в рамках отечественного переводоведения.

Наиболее распространенными терминами, используемыми для оценки качества перевода, являются «адекватность» и «эквивалентность». Указывается, что «само появление этих понятий обусловлено тем, что оригинал и перевод никогда не являются [и не могут являться] полностью идентичными. При переводе неизбежно происходят – на разных языковых уровнях – более или менее существенные трансформации, которые не могут не сопровождаться некоторой потерей смысла» [Юрьев, 2007, с. 33]. Следует также отметить, что до середины 60-х гг. XX в. понятия адекватности и эквивалентности употреблялись как синонимы, различаясь лишь географией использования. Так, отечественная школа перевода, а за ней болгарская и словацкая отдавали

предпочтение термину «адекватность», школы Западной Европы и Америки – термину «эквивалентность» [Оболенская, 2006, с. 137].

В 1920 г. создатели отечественной теории перевода выдвинули понятие адекватности в качестве основополагающего принципа перевода. В статье Ф.Д.Батюшкова «Задачи художественных переводов» отмечается, что «принцип настоящего художественного перевода – один: стремление к адекватности. Условия его достижения различны. Переводчик находится в зависимости не только от своего умения пользоваться средствами родного языка, но и от общего характера этого языка, его гибкости и общих свойств нации» [Цит. по: Оболенская, 2006, с. 133].

В 1934 г. в статье «Перевод» в «Литературной энциклопедии» А.А.Смирнов предложил первое теоретическое обоснование понятия адекватного перевода: «Адекватным мы должны признать такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определённого идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности [путём точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов (подстановок)] всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т.п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта. Несомненно, что при этом приходится кое-чем жертвовать, выбирая менее существенные элементы текста» [Цит. по: Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 326].

Несмотря на то, что это определение признается современными исследователями новаторским для того времени, поскольку включает в себя «текстологические, коммуникативные и психолингвистические аспекты перевода» [Оболенская, 2006, с. 136], оно все же подверглось критике, прежде всего из-за явного противоречия: с одной стороны, предлагается передавать все намерения автора, в том числе и бессознательные, с другой – указывается на необходимость жертвовать менее существенным.

А.В.Федоров, отмечая недостаточность определения адекватного перевода, предложенного А.А.Смирновым, заменил иностранный термин «адекватность» понятием «полноценность», которое применительно к переводу означает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [Федоров, 2002, с. 173]. Полноценность перевода заключается в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы при помощи использования в языке перевода таких языковых средств, которые, даже не совпадая по своему формальному характеру с элементами подлинника, выполняли бы аналогичную смысловую и художественную функцию в системе целого. При этом важную роль играет соотношение части и целого, поскольку именно оно определяет специфику произведения в единстве содержания и формы. Детальная передача отдельных элементов не означает полноценной передачи целого, поскольку оно представляет собой не просто сумму этих элементов, а определенную систему. В то же время воссоздание общего содержания и облика произведения, игнорирующее характерные частности, может привести к утрате его индивидуальной окраски [Там же. С. 173–174].

Следует отметить, что некоторые исследователи ставят под сомнение обоснованность использования термина «полноценность» вместо «адекватности», поскольку «прилагательные *полноценный* и *адекватный* различаются прежде всего тем, что первое дает качественную оценку чему-либо безотносительно к другим предметам и явлениям, в то время как второе непременно предполагает сравнение, соотнесение одного явления с другим, не определяя их качеств» (выделено курсивом Н.К.Гарбовским) [Гарбовский, 2007, с. 288]. Таким образом, отсутствие возможности соотнесения и сравнения объектов заставляет отказаться от термина «полноценный» в применении к переводу.

С развитием лингвистической теории перевода многие исследователи отказались от термина «адекватность» в пользу термина «эквивалентность». В

литературе по переводоведению принято выделять различные аспекты категории эквивалентности. Так, В.Н.Комиссаров разработал известную теорию уровней эквивалентности в зависимости от способа репрезентации в переводе тех или иных частей исходного текста. Согласно этой теории выделяются следующие уровни: 1) цели высказывания; 2) ситуации; 3) способа описания ситуации; 4) синтаксических структур; 5) семантики слова [Комиссаров₂, 2002, с. 120–134].

Рассматривая перевод как сложный психолингвистический процесс, Ю.Л.Оболенская в качестве основного критерия оценки перевода (результата и самого процесса) предлагает понятие эквивалентности «как равноценности и равнозначности оригиналу при *определенных условиях*, в отличие от адекватности как соразмерности и равенства» (выделено курсивом Ю.Л.Оболенской) [Оболенская, 2006, с. 136–137]. Автор приходит к выводу о том, что «выдвигать *адекватность* в качестве критерия оценки перевода можно лишь исходя из возможности существования «идеального» (абсолютного, конечного) перевода, предполагая гипотетическую тождественность текстов оригинала и перевода, в то время как *эквивалентность* – категория исторически изменчивая, критерии которой обусловлены прежде всего прагматическими аспектами перевода как особого вида эстетической коммуникации. Ведь перевод никогда «не равен» тексту оригинала, и серьезный читатель сознает, что перед ним один из «субститутов» оригинала, который может быть заменен другим, удовлетворяющим другим требованиям, соответствующим другому культурно-историческому контексту. Таким образом, даже самый лучший перевод художественного текста следует рассматривать всего лишь как временный его эквивалент» (выделено курсивом Ю.Л.Оболенской) [Там же. С. 138–139].

Рассматривая различные точки зрения на проблему соотношения оригинального и переводного текстов, можно прийти к выводу, что указанный вопрос до сих пор еще не получил однозначного решения в современной

теории перевода. Считаем, что для данного исследования наиболее подходящим представляется подход, согласно которому понятия адекватности и эквивалентности совмещаются в одной концепции. В этой связи мы принимаем точку зрения В.В.Сдобникова и О.В.Петровой, содержание которой приводится ниже.

По мнению В.В.Сдобникова и О.В.Петровой, определение термина «адекватность» основывается на положениях общей теории коммуникации, в которой выделяется так называемая функционально-коммуникативная адекватность перевода. Она предполагает максимальное воспроизведение доминантной функции текста, которая формируется на основе коммуникативной интенции отправителя сообщения и ориентирована на реакцию со стороны получателя сообщения. Таким образом, адекватным можно считать перевод, в котором «воспроизводится функциональная доминанта исходного сообщения в соответствии с коммуникативной интенцией отправителя исходного сообщения» [Сдобников, Петрова, 2007, с. 202–203].

Поскольку прийти к пониманию коммуникативной интенции автора можно «только через анализ языкового материала в сочетании с анализом экстралингвистических условий порождения высказывания» [Там же. С. 204], возникает необходимость в применении категории эквивалентности. Таким образом, на качество перевода влияют адекватность, которая означает воспроизведение в переводе функции исходного сообщения, и эквивалентность, предполагающая максимально возможную лингвистическую близость текстов оригинала и перевода. Эти категории находятся в отношениях иерархии: эквивалентность оказывается категорией, подчиненной по отношению к адекватности. Следует также указать, что понятие адекватности используется применительно к тексту перевода как таковому, а эквивалентность относится только к отдельным сегментам текста [Там же. С. 209–212].

Следует отметить, что для каждого вида перевода существуют разные способы соотношения адекватности и эквивалентности. Эквивалентность

может быть представлена в разной степени в зависимости от ситуации. В отношении же степени адекватности можно сказать, что перевод либо адекватен, либо не адекватен [Там же. С. 212].

1.5. Сохранение национального колорита при переводе художественной литературы

Проблема передачи национальной окраски художественного произведения представляет собой сложную задачу как с практической, так и с теоретической точек зрения и до сих пор еще недостаточно исследована. Как уже отмечалось выше, каждый язык отражает особенности культуры и менталитета народа, который на нем говорит. Поскольку каждое художественное произведение создается в рамках определенной культуры, некоторые элементы культуры ИЯ могут быть неизвестны и непонятны представителям культуры ПЯ. Поэтому нередко переводчику приходится прибегать к национально-культурной адаптации текста для того, чтобы сделать его понятным читателю перевода.

Вопрос сохранения национального и культурного своеобразия подлинника напрямую связан с проблемой переводимости. Чешский ученый И.Левый отмечает, что «форму оригинала <...> нельзя при переводе сохранить механически, можно лишь воспроизвести ее смысловую и эстетическую ценность для читателя; <...> невозможно сохранить при переводе все элементы оригинала, содержащие историческую и национальную специфику, но, безусловно, следует вызвать у читателя впечатление, иллюзию исторической и национальной среды» [Левый, 1974, с. 129]. По замечанию А.В.Федорова, «именно художественная литература отражает в образах определенную действительность, связанную с жизнью конкретного народа, язык которого и дает основу для воплощения образов» [Федоров, 2002, с. 378].

Вот почему вопрос о возможности передачи национального своеобразия оригинала является одним из самых главных в теории художественного перевода.

По замечанию И.Леваго, «трудность для переводчика при передаче исторического и национального колорита возникает уже из того, что здесь перед ним не отдельные, конкретно уловимые, выделяющиеся в контексте элементы, а качество, в той или иной мере присущее всем компонентам произведения: языковому материалу, форме и содержанию» [Левый, 1974, с. 127].

Как правило, чем ближе произведение по своей тематике к народной жизни и быту, а по своей стилистике – к фольклору, тем ярче проявляется его национальная окраска [Федоров, 2002, с. 381]. При этом задача переводчика усложняется еще и тем фактом, что национальный колорит оригинала воспринимается как нечто привычное, родное и естественное для носителей языка подлинника. Нередко переводчик встает перед выбором: сохранить специфику оригинала и при этом, по выражению А.В.Федорова, «впасть в «экзотику», или же сделать перевод более привычным, но утратить колорит произведения [Федоров, 2002, с. 381].

Следует подчеркнуть, что национальная специфика не сводится к некоей отдельной формальной особенности произведения или к одному из элементов лексической или грамматической систем языка. «Национальная окраска всегда затрагивает всю совокупность черт в литературном произведении, целое сочетание особенностей, хотя некоторые из них могут быть более ярко отмечены ее печатью, чем другие» [Федоров, 2002, с.381]. Поэтому невозможно указать какой-либо универсальный и единственно верный прием перевода, позволяющий в полной мере воспроизвести колорит произведения.

При передаче национально-культурной специфики важную роль играют так называемые фоновые знания. Под фоновыми знаниями принято понимать «общие для участников коммуникативного акта знания», которые

обеспечивают взаимопонимание при общении [Верещагин, Костомаров, 1973, с.126]. Фоновые знания могут быть общечеловеческими, региональными или страноведческими [Там же]. Опираясь на расширенную трактовку фоновых знаний В.С.Модестова [Модестов, 2006, с. 91–92], подробнее рассмотрим каждую из групп и приведем примеры:

1. Общечеловеческие знания представляют собой общие знания о смене дня и ночи, об элементарных физиологических процессах, о простейших арифметических и физических действиях и т.п., т.е. об условиях существования, общих для всего человечества.

2. Региональные знания, т.е. знания, общие для нескольких языковых коллективов. Например, жители северных районов располагают определенными сведениями о привычных для них погодных и климатических явлениях, которые, однако, могут быть совершенно неизвестны жителям тропических районов и наоборот.

3. Страноведческие знания, т.е. знания, которые присущи лишь членам данного языкового коллектива. Например, не каждый русскоязычный читатель может быть знаком со вторым названием Нью-Йорка – «Большое Яблоко» (*Big Apple*).

Отметим, что в рамках нашего исследования особый интерес представляет понятие страноведческих фоновых знаний. С этим понятием также соотносится термин «фоновая информация», предложенный В.С.Виноградовым [Виноградов, 1978, с. 87]. Фоновая информация – это «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [Там же]. Далее исследователь уточняет, что фоновая информация – это «не просто знания повадок животных, обитающих лишь в одной географической зоне, или музыкальных ритмов данной этнической группы, или рецептов приготовления национальных блюд, хотя все это в принципе тоже составляет часть фоновых знаний, важно, что это только

те знания (сведения), которые отражены в национальном языке, в его словах и словосочетаниях» [Там же].

Фоновые знания можно разделить на долговременные (основные), которые являются основой национальной культуры и передаются из поколения в поколение, и кратковременные (второстепенные), которые быстро входят в употребление, но так же быстро забываются носителями языка и редко находят отражение в словарях. Как правило, лексические единицы, содержащие в себе долговременные фоновые знания, не вызывают сложностей при переводе и восприятии текста. Особые трудности для переводчиков представляют слова, содержащие актуальные и исторические кратковременные фоновые знания (коллоквизмы, недолгие эвфемизмы, названия популярных заведений, ресторанов, кафе и т.д.) [Виноградов, 1978, с. 105–106].

Как замечает В.С.Виноградов, сохранить «национальное своеобразие подлинника в переводе – задача особой трудности. Она выполняется не только и, может быть, не столько за счет различных приемов передачи фоновой информации средствами переводящего языка, сколько творческим воссозданием всего идейно-художественного содержания произведения, передачей мироощущения автора, его стиля и манеры письма средствами родного языка, который тоже детище и творец национальной культуры. Воспринимая оригинал как целостную художественную систему, переводчик пытается создать равноценное литературное произведение и выразить в нем отраженные в подлиннике национальные формы жизни, психологию народа и его культуру» [Там же. С. 100].

В переводоведении можно отметить два противоположных подхода к передаче национального колорита. Так, Л.Н.Смирнов предлагает различать «экзотизацию» и «натурализацию» [Смирнов, 2002, с. 384].

Для первого подхода характерно использование в переводе языковых и стилистических средств, отражающих национально-культурное своеобразие оригинала, но непривычных для системы языка перевода. Несмотря на внешнее

сближение оригинального и переводного текстов, недостатком этого способа является переизбыток иностранных слов и форм, что ведет к неоправданному смешению контактирующих языков, а также к нарушению некоторых норм языка перевода [Там же. С. 384–385].

При натурализации переводного текста некоторые специфические языковые элементы оригинала замещаются языковыми средствами языка перевода, в результате чего недостаточно передается национально-культурный колорит исходной языковой структуры [Там же. С. 385].

В.В.Сдобников и О.В.Петрова подробно рассматривают проблему национально-культурной адаптации художественного текста при переводе. Авторы отмечают, что для теории художественного перевода важно найти ответ на вопрос, «должен ли читатель перевода получать от текста такое же впечатление, как и читатель оригинала, или же он должен все время чувствовать, что он читает текст, написанный на чужом языке и отражающий чужую для него культуру» [Сдобников, Петрова, 2007, с. 392].

Согласно первому подходу, перевод должен читаться так, чтобы не возникало ощущения, что это перевод. Поскольку читатель оригинала владеет такими же фоновыми знаниями, что и автор произведения, ему понятно все то, что читатель перевода может воспринять как чужую для него национальную специфику. Элементы национального колорита, сохраненные в переводном тексте, неизменно привлекают внимание читателя перевода, даже если переводчик сделал их достаточно понятными. Так в переводном тексте появляется новый компонент, о котором даже не подозревал автор оригинального произведения. Поэтому переводчик стремится сохранить в тексте только то, что по замыслу автора должен был воспринимать читатель оригинального произведения. Подобное осторожное отношение к авторскому замыслу достигается ценой стирания национально-культурной специфики оригинального текста. В целом, такой подход имеет право на существование и нашел отражение в целом ряде достаточно вольных переводов и так

называемых пересказов, в то же время он вызывает как теоретические возражения, так и определенные практические проблемы [Сдобников, Петрова, 2007, с. 392–393].

При противоположном подходе переводчик стремится сохранить всю национально-культурную специфику оригинального произведения. Однако в этом случае также складывается неоднозначная ситуация. С одной стороны, вся информация, заложенная в текст автором, сохраняется, но у текста появляется еще и дополнительная, «страноведческая» функция, не предусмотренная автором оригинального текста. С другой стороны, сохраненная информация может в действительности не представлять интерес для читателя, если он не знаком с культурой страны ИЯ. В таком случае текст перегружается непонятными для этого читателя словами, значение которых нуждается в дополнительных пояснениях. В результате читатель не может воспринять целостный художественный образ из-за того, что он вынужден постоянно отвлекаться на «чужие» для него реалии и комментарии переводчика к ним. Кроме того, сообщение читателю большого количества лингвострановедческой информации вряд ли входило в намерение автора, который создавал свое произведение для соотечественников, владеющих общими с ним фоновыми знаниями [Сдобников, Петрова, 2007, с. 396–397].

В некоторых случаях переводчики стараются передать своеобразие оригинального текста, сохраняя в переводе синтаксис языка оригинала или калькируя иноязычные фразеологизмы. Однако такой механический перенос чужой языковой модели делает перевод громоздким и сложным для восприятия.

В.В.Сдобников и О.В.Петрова приходят к выводу, что «для создания колорита в переводном произведении чаще всего бывает достаточно личных имен, географических названий и прочих имен собственных, названий растений и животных, ассоциирующихся у читателя с описываемой страной, – т.е. единиц, не нуждающихся в разъяснении и не отвлекающих тем самым

читателя. Если при этом верно передана психология героев, мотивы их поступков и т.д., то не возникает опасности, что читатель «забудет» об иноязычном и инокультурном происхождении текста» [Сдобников, Петрова, 2007, с. 399–400].

Таким образом, в переводе следует сохранять в первую очередь те элементы специфики, которые читатель может воспринять как характерные для культуры подлинника. При этом элементы национальной специфики, для которых в языке перевода нет эквивалента и которые в подлиннике не способствуют созданию своеобразного колорита, можно заменить в переводе нейтральными по своей окраске субститутами. Нередко в результате временной и пространственной дистанции некоторые характерные черты действительности, отраженной в оригинальном произведении, бывают полностью непонятны носителям иной культуры. В этом случае возникает необходимость в пояснении, которое может быть как сжатым, так и довольно развернутым [Модестов, 2006, с. 92–95].

Итак, можно сделать вывод, что решение проблемы передачи национального колорита художественного произведения требует взвешенного и осторожного подхода. При национально-культурной адаптации оригинального текста важно избегать крайностей. Отмечается, что переводной текст «не должен восприниматься читателем ни как «свой», ни как «чужой». Читатель должен воспринимать его как «иной», т.е. понятный, но в то же время не ассоциирующийся со своей родной национально-культурной средой. Перевод должен содержать количество страноведческой информации, достаточное для создания национально-культурного колорита и для объяснения мотивов действий и переживаний персонажей. Но читатель не должен «продираться» к содержанию через частокор неведомых и непонятных ему реалий и чужого синтаксиса. Необязательно перевод должен читаться так, чтобы не чувствовалось, что это перевод, но он обязательно должен читаться так же легко и естественно (или — в некоторых случаях — также сложно), как

оригинал» [Сдобников, Петрова, 2007, с. 400]. Как замечает А.Лилова, ценность любого перевода «заключается не в подчеркивании национальной специфики оригинала, а в правдивом воссоздании его целостности, в нахождении соответствующей конкретной формы, которая должна помочь выявлению единства национального и общечеловеческого в оригинале» [Лилова, 1985, с. 107].

Выводы по Главе 1

1. Национально-культурную специфику языка можно определить как совокупность особенностей средств одного национального языка по сравнению с другими языками, обусловленную своеобразным национально-культурным опытом определенной национальной общности людей.

2. Национально-культурная специфика может различаться не только при сопоставлении разных языков, но и при сравнении отдельных национальных вариантов одного и того же языка.

3. Под специфическими особенностями культуры часто понимают область экстралингвистических понятий, то есть неких событий или явлений, свойственных определенной лингвокультурной общности. Однако вопрос об отражении культуры в языке следует рассматривать также с позиции лингвистики.

4. Художественный перевод представляет собой особый вид межкультурной коммуникации, способствующий сближению и взаимодействию разных языков и национальных культур. Передача национально-культурной специфики в процессе художественного перевода связана с проблемой переводимости, которая представляет собой объективно существующую возможность передать сообщение в условиях коммуникации с использованием двух языков. Переводимости препятствуют два типа

ограничений: лингвистические, вызванные языковой асимметрией, и экстралингвистические, которые обусловлены межкультурными различиями.

5. Для оценки качества перевода традиционно используются термины «адекватность» и «эквивалентность». В современной теории перевода наблюдается тенденция совмещения понятий адекватности и эквивалентности в одной концепции. Так, на качество перевода влияют адекватность, которая означает воспроизведение в переводе функции исходного сообщения, и эквивалентность, предполагающая максимально возможную лингвистическую близость текстов оригинала и перевода. Эти категории находятся в отношениях иерархии: эквивалентность оказывается категорией, подчиненной по отношению к адекватности.

6. Поскольку национально-культурная специфика не сводится лишь к отдельным элементам лексической и грамматической систем языка, а представляет собой совокупность культурных и лингвистических особенностей в художественном произведении, возникает необходимость в выборе подходящей переводческой стратегии. При этом невозможно указать какой-либо универсальный и единственно верный прием передачи национального колорита.

7. При передаче национально-культурной спецификации важную роль играют фоновые знания, т.е. общие знания для всех участников коммуникации.

8. В отношении передачи национального колорита художественного произведения можно отметить два основных подхода: натурализацию, которая представляет собой замену специфических элементов оригинала средствами языка перевода, и экзотизацию, которая заключается в сближении оригинального и переводного текстов при помощи использования языковых и стилистических средств, непривычных для системы языка перевода.

9. При межкультурной адаптации художественного текста следует сохранять в первую очередь те характерные элементы национально-культурной специфики подлинника, которые не нуждаются в разъяснении и не отвлекают

читателя. Перевод должен быть понятен читателю, но в то же время не ассоциироваться со своей национальной культурой.

Глава 2. Анализ языковой картины мира Австралии

2.1. Исторические предпосылки формирования современного английского языка Австралии

При анализе национально-культурной специфики австралийской художественной литературы нельзя не коснуться истории формирования австралийской нации в целом. По одной из распространенных версий история Австралии берет свое начало с 1770 г., когда экспедиция английского мореплавателя Джеймса Кука достигла восточного побережья континента, а через 18 лет была основана первая британская колония – Новый Южный Уэльс.

Согласно другой версии, сведения о жизни и традициях австралийских аборигенов являются свидетельством доисторического развития континента. Как отмечает австралийский исследователь и историк С.Макинтайр, латинский термин «*ab origins*» буквально означает «те, кто были здесь с самого начала» [Макинтайр, 2011, с. 17].

Предполагается, что «первоначальное заселение Австралии человеком произошло около 30 тыс. лет назад» [Кабо, 1969, с. 354]. Численность австралийских аборигенов к началу европейской колонизации в 1788 г. находилась в пределах от 247,5 тысяч до 352,5 тысяч человек [Роуз, 1989, с. 55]. На всей территории континента существовало примерно 500 различных племен, каждое из которых в среднем состояло из 500-600 человек. Предполагается, что предками австралийских аборигенов были переселенцы из юго-восточной Азии. Племена аборигенов вели полуоседлый образ жизни, занимались охотой и собирательством. Аборигены использовали традиционные для первобытного общества инструменты: палка-копалка, бумеранг, копьеметалка, копье, топор с

рукояткой, а также различные каменные орудия труда. Особенности окружающей среды, в частности периодическое отсутствие дождей, вынуждали местных жителей непрерывно перекочевывать с места на место в поисках новых источников для существования.

В 1605 г. голландский мореплаватель Виллем Янсзон стал первым европейцем, достигшим берегов Австралии, однако материк долгое время не вызывал интереса у европейцев. К концу XVIII в. Британия утратила свои североамериканские колонии и находилась в поиске новых мест для ссылки своих заключенных. В 1770 г. экспедиция Джеймса Кука обследовала восточное побережье Австралии и признала его пригодным для заселения. Через 15 лет после возвращения Д.Кука Британией было принято решение о создании новой исправительной колонии на территории австралийского континента [Макинтайр, 2011, с. 43].

Первыми белыми поселенцами в Австралии стали ссыльные каторжники, большинство из которых были англичанами, пятую часть составляли ирландцы и совсем небольшое количество – шотландцы. Первоначально в колонию ссылались исключительно уголовные преступники, и только немного позже там появились и политические заключенные, в том числе участники чартистского движения в Англии. Повсеместное распространение городского просторечия, жаргона и арго деклассированных элементов, а также вариантов английского языка других представителей социальных низов не могло не сказаться на лингвистической ситуации в Австралии. Пополнение белого населения за счет заключенных продолжалось вплоть до середины XIX в. Таким образом, на континент было всего ввезено около 600 тысяч осужденных.

Как отмечает С.Макинтайр, Британская империя определила статус Австралии как «*terra nilius*», то есть «ничья земля» [Макинтайр, 2011, с. 48]. Однако, оказавшись впервые на пятом континенте, европейцы совсем не ожидали столкнуться так близко с многочисленными первобытными племенами аборигенов, издавна живущими на этой территории.

С появлением первых европейских поселенцев на континенте началось массовое истребление коренного населения Австралии. Колонизаторам было необходимо осваивать новые территории, поэтому аборигенов изгоняли с обжитых земель и оттесняли в пустынные и малопригодные для жизни районы континента. Большое количество аборигенов также погибло от завезенных европейцами болезней, к которым у коренного населения не было иммунитета. По свидетельствам некоторых исследователей, имели место неоднократные случаи столкновений коренных австралийцев с белым населением. Так, например, период с 1820 по 1830 года иногда называют периодом «черной войны». Однако, несмотря на активное сопротивление вторжению белого населения на континент, аборигены нередко охотно делились с европейцами своими знаниями о земле, а также обменивали продовольствие и сырье на непривычные, но привлекательные для них британские товары.

Конец XVIII в. и весь XIX в. для Австралии – время первых и наиболее значительных географических открытий. Существенный вклад в исследование австралийского континента внес английский гидрограф М.Флиндерс, который занимался изучением берегов Тасмании и Южной Австралии, а также северного и восточного побережий материка. В начале XIX в. были предприняты первые попытки исследования внутренних районов материка, а также организовывались экспедиции с целью пересечь и сам континент, однако не все из них увенчались успехом. В ходе масштабных экспедиций на континенте были обнаружены огромные по территории пастбищные угодья. С этого момента в Австралии берет начало так называемая «земельная лихорадка» или «скваттерство» – это был период, когда вольные переселенцы захватывали огромные участки земли и превращали их в многотысячные овцеводческие хозяйства [Аничкин, 1983, с. 35–36]. В дальнейшем крупные овцеводы-скваттеры стали играть важную роль в политической жизни страны.

Открытие месторождений золота на континенте в 1851 г. ознаменовалось началом периода так называемой «золотой лихорадки». В Австралию хлынул

огромный поток свободных иммигрантов, стремящихся к быстрому обогащению. Большинство из них были британцами, однако немалую их часть составляли также американцы, французы, итальянцы, немцы, поляки, венгры и китайцы. С многократным увеличением притока иммигрантов белое население Австралии возросло почти втрое. Таким образом, «золотая лихорадка» и активное распространение овцеводства на огромных земельных территориях привели к быстрому развитию экономики и росту населения Австралии.

Период «золотой лихорадки» также ознаменовался массовым истреблением коренного населения континента. Многочисленные карательные экспедиции привели к тому, что аборигены оказались фактически на грани вымирания. В итоге, к концу XIX в. многие племена восточной и западной Австралии были практически полностью истреблены. В этот период получили широкое распространение так называемые резервации, которые представлялись тогда единственным способом защиты коренных жителей Австралии. Однако подобная изоляция от белого населения имела лишь негативные последствия для аборигенов, которые были практически лишены всех прав на свою собственную землю. До сих пор взаимоотношения переселенцев и коренного населения сохраняют определенную напряженность и некоторую неопределенность.

До середины XIX в. в качестве единственного источника образования на континенте выступала церковь. Первые университеты в Австралии были открыты в Сиднее (1850 г.), Мельбурне (1853 г.) и Аделаиде (1874 г.). Тесные связи с метрополией оказывали существенное влияние практически на все стороны жизни австралийского общества, в том числе и на такую важную его сферу деятельности как образование. Так, среди чиновников и государственных служащих было принято отправлять своих детей в высшие учебные заведения именно Великобритании.

1 января 1901 г. австралийские колонии объединились в Австралийский Союз, включавший в себя шесть штатов (Виктория, Квинсленд, Новый Южный

Уэллс, Западная Австралия, Южная Австралия, Тасмания), а в 1907 г. Союз получил статус доминиона Британской империи.

После Второй мировой войны в Австралию прибыла новая волна иммигрантов из центральной и южной Европы, а также из Индии и Новой Зеландии. Следует отметить, что тесные взаимоотношения Австралии и США в этот период оказали огромное влияние как на политическое, так и на культурное развитие континента.

Отмечается, что с начала 1970-х гг. «в самосознании австралийцев происходят существенные изменения: Австралия постепенно стала восприниматься ими не как часть Британии в Тихом океане, а как независимая поликультурная страна, в которой культуры и языки людей, прибывших из всех уголков мира, занимают свое законное место; страна все яснее осознает свое азиатско-тихоокеанское окружение» [Ощепкова, 2004, с. 69].

2.2. Особенности австралийского варианта английского языка

Известно, что инструментом для выявления специфических и своеобразных черт территориальных вариантов языка является язык-эталон. В толковом словаре Л.Л.Нелюбина указывается, что «язык-эталон является лингвистическим средством или системой, при помощи которого происходит сравнение структур различных языков» [Нелюбин, 2003, с. 265]. Например, британский английский принято считать эталоном при анализе различных локальных и территориальных вариантов английского языка. Поэтому в дальнейшем в нашем исследовании в качестве стандарта при описании ключевых особенностей английского языка Австралии будет использоваться именно британский вариант английского языка. Примеры в данном разделе приводятся по следующим источникам: [АНЗЛС, 2001], [Бабич, 2008],

[Вейхман, 2014], [Головчинская, 1973], [Зыкова, 2006], [Муратз, 1975], [Орлов, 1978], [Baker, 1978], [The Macquarie Dictionary, 1982].

Язык, используемый на территории Австралии, принято определять как австралийский вариант английского языка. Перенесенный на новую землю, английский язык Великобритании развивался и изменялся под воздействием новых географических, природных, общественных и культурных условий. Особую роль в процессе формирования языка на этой территории сыграл и тот факт, что первыми поселенцами здесь стали каторжники и представители социальных низов общества. Кроме того, «более чем полуторавековое существование Австралийского доминиона, оторванного от метрополии несколькими тысячами миль, а также слабая культурная связь с метрополией, с одной стороны, и все возрастающее чувство национального самосознания и национальной независимости, с другой, безусловно не могли не оставить определенного отпечатка на словарном составе, произношении и даже в грамматическом строе английского языка в Австралии» [Беляева, Потапова, 1961, с. 82].

В австралийском варианте английского языка принято выделять три разновидности произношения: “*General*” (общий тип произношения, на котором говорит большинство населения), “*Cultivated*” (литературное произношение) и “*Broad*” (просторечный тип произношения, на котором говорит около 30% населения). Исходным типом произношения принято считать просторечный, в то время как общий и литературный являются результатом сближения с британским вариантом английского языка.

Фонематическая система австралийского варианта почти полностью совпадает с британской системой. Основной особенностью фонетики австралийского варианта английского языка является расхождение в системе гласных. Для австралийской речи характерно движение к более кратким и более закрытым звукам.

Грамматическая система австралийского английского практически не отличается от системы британского английского. Наиболее заметным расхождением можно считать различную частотность в употреблении некоторых грамматических форм. Например, глагол *to shear* (стричь овец) в австралийском английском имеет форму *shear – shore – shore* (в отличие от *shear – sheared – sheared* в британском и американском вариантах) [Вейхман, 2014, с. 157]. Можно выделить некоторые расхождения в системе именных форм, связанных с категорией числа, а также расхождения в употреблении *shall* и *will, should* и *would*.

Сопоставление лексических систем обоих вариантов английского языка позволяет сделать вывод о том, что значительная часть австралийского словарного состава совпадает с британским. Вместе с тем именно для лексического состава английского языка Австралии характерны специфические черты, которые находят отражение в отдельных наиболее актуальных для австралийской действительности областях. В лексическую систему английского языка Австралии входят: а) слова и словосочетания, составляющие основной фонд английского языка, б) австрализмы, или специальные слова, обозначающие австралийские реалии; в) туземная лексика. Следует отметить, что в отдельных случаях некоторые слова в австралийском варианте могут отличаться от британского по частотности употребления или по своей функциональности. Кроме того, известны случаи, когда отдельные слова сохраняются в употреблении на территории Австралии, но не используются в речи жителей Великобритании и наоборот.

К основным и наиболее продуктивным способам пополнения австралийской лексики относятся заимствование и словообразование. Заимствования в австралийском варианте английского языка можно разделить на несколько групп: 1) из языков австралийских аборигенов; 2) из других европейских языков; 3) из других вариантов английского языка [Муратз, 1975,

с. 345]. Приведем несколько наших примеров соответственно делению на эти группы:

1) из языков аборигенов (небольшая группа слов, в которую входят наименования флоры и фауны, а также названия предметов материальной и духовной культуры аборигенов Австралии):

Barramundi – вид рыбы у побережья Квинсленда

Billabong – старое русло

Corroboree – сборище

Goanna – варан (крупная ящерица)

Joey – кенгуренок

Koala – коала, сумчатый медведь

Kookaburra – название одной из австралийских птиц

Myall – 1) австралийская акация, 2) австралийский туземец-отшельник

Wallaby – 1) небольшой кенгуру, 2) член сборной Австралии по регби

Willy-willy – пылевой ураган

Yakka, yakker – работа, труд

2) из других европейских языков (самая малочисленная группа):

Doona – теплое одеяло в чехле (шв.)

Lasso – лассо (исп.)

Lager – пиво (нем.)

3) из других вариантов английского языка:

Dunny – уборная во дворе (шот.)

Gammon – враки, врать (кокни)

Kai-kai – пища (пиджин англ.)

Picaninny – ребенок (пиджин англ.)

Youse – you (2-е лицо, множественное число) (ир.)

Неотъемлемую часть лексического состава австралийского варианта английского языка составляют австрализмы, т.е. слова, обозначающие реалии, характерные именно для австралийского континента. Как правило, австрализмы

связаны со специальной терминологией или с профессиональными жаргонами, активно используемыми на территории материка. К этой лексической группе можно отнести названия флоры и фауны, наименования, связанные с важнейшими областями жизни австралийцев: золотодобывающая промышленность, освоение новых земель, скотоводство и овцеводство, погодные явления, ландшафт и т.д. Например, *outback* (глушь, внутренние малонаселенные районы Австралии) и его производное *outbacker* (житель отдаленных пустынных районов (*не абориген*)); *to fossick* (искать золото, драгоценные камни в старых шахтах, реках и т.п.); *jackaroo* (практикант на скотоводческой ферме), *runabouts* (скот, который пасется без присмотра); *Aussie Rules* (австралийский футбол), *scrub* (скраб, кустарник; местность, на которой произрастают невысокие деревья); *bandicoot* (сумчатая крыса); *tucker* (еда); *walkabout* (период кочевой жизни аборигенов; блуждание); *swag* (узел с пожитками); *Barcoo buster* (название ветра); *seachanger* (пенсионер, перебравшийся к морю).

Следует отметить, что отдельные слова, характерные для британской действительности, со временем вышли из словарного состава австралийского английского (например, лексика, связанная с географическими и климатическими особенностями Великобритании). В дальнейшем эта лексика была заменена другой, более характерной для специфических условий австралийского континента. Например, слово *field* (поле) было вытеснено словами *paddock* (выгон, обнесенный изгородью) и *run* (скотоводческая ферма); слово *flock* (стадо) – словом *mob*, которое в австралийском варианте утратило свою отрицательную коннотацию; вместо *brook* (ручей) австралийцы начали употреблять слово *creek* (эпизодическая река, ручей), вместо *mountain* (гора) – *range* (горный кряж), а вместо *wood* (лес) – *bush* (буш).

Отдельно следует отметить сложное по своему содержанию слово *bush* (см. Приложение А), которое имеет множество производных:

bush Baptist (разг. человек неопределенных религиозных убеждений);

bushcraft (умение путешествовать и жить в буше с минимумом снаряжения и без чьей-либо помощи);

bush dinner («обед буша», который состоит из баранины, пресной, испеченной в золе лепешки и чая без молока);

busher (человек, занимающийся очисткой леса от подлеска, валежника, опавших листьев и т.п.);

bushfire (разрушительный лесной пожар), а также *full of bushfire* (энергичный, отважный);

bushie (малокультурный, необразованный человек);

bushman (житель буша, глубинки; человек, способный жить в одиночку в условиях дикой природы);

bushman's clock («часы жителя буша» название птицы кукабурра);

bushmanship (умение выжить в условиях дикой природы);

bush nursing (оказание первой медицинской помощи жителям отдаленных, малонаселенных районов континента);

bushranger (бродяга, мошенник);

bush telegraph (мгновенное распространение слухов, сообщений);

bushwalking (пеший туризм);

bushweek (ситуация, когда ни о чем не подозревающих людей облагают каким-либо побором, подвергают вымогательству) [АНЗЛС, 2001, с. 64–66].

Следует также выделить небольшую группу общеанглийских слов, которые в силу различных причин приобрели на территории Австралии новую эмоциональную окраску или дополнительное значение: *artist* (разг. человек, известный чрезмерным увлечением или пристрастием к чему-либо); *location* (территория для поселения); *moscow* (разг. ломбард, заклад); *mushroom* (разг. человек, которого намеренно дезинформируют или держат в неведении); *oil* (конфиденциальная информация); *cordial* (безалкогольный напиток); *push* (разг. банда).

Многие характерные для Австралии явления названы словами, заимствованными из языков аборигенов: *kangaroo*, *koala*, *dingo*, *boomerang*, *bandy-bandy* (бэнди-бэнди, маленькая ядовитая змея), *coolamon* (куламон, деревянное корыто, используемое аборигенами для хранения и переноски воды; используется также как детская люлька), *namma hole* (водоем, углубление в скале, заполненное водой), *nana* (голова), *nulla-nulla* (военная дубинка аборигенов), *goanna* (варан, крупная ящерица), *emu* (страус), *kookaburra* (название одной из австралийских птиц), *tilikin* (название австралийской ящерицы), *yakka* (работа, труд), *waddy* (тяжелая деревянная дубинка), *mia-mia* (хижина), *willy-willy* (пылевой ураган).

Несмотря на общее совпадение средств пополнения словарного состава австралийского и британского вариантов английского языка, следует отметить характерную для австралийского словообразования особенность, а именно – высокую продуктивность его суффиксов существительных *ie/y*: *Aussie* (австралиец), *barbie*, *barby* (*barbecue* – шашлык), *biggie* (большой), *cozzie* (*costume*), *esky* (*Eskimo*) (портативный холодильник), *mozzie* (москит), *schoolie* (учитель), *truckie* (грузовик), *milkie* (молочник), *toughie* (хулиган), *yachtie* (яхтсмен), *rommie*, *rommy* (англичанин). Как правило, такие слова имеют просторечно-разговорную окраску.

Значительную часть лексического состава австралийского варианта английского языка составляют также сокращенные слова: *abo* (*aborigine*, *aboriginal*), *arvo* (*afternoon*), *reffo* (*refugee* – беженец), *Oz* (Австралия), *garbo* (*garbage collector* – мусорщик), *smoko* (перекур), *uni* (университет), *bizzo* (*business*), *roo* (кенгуру), *seppo* (американец), *vego* (вегетарианец).

2.3. Языки коренного населения Австралии

Как уже отмечалось выше, на момент первого контакта с европейцами коренное население Австралии насчитывало примерно 300 тысяч человек и состояло приблизительно из 500 племен, некоторые из которых, вероятно, были лишь подразделениями или обособленными локальными группами крупных племен. Численность членов племени составляла в среднем 500-600 человек.

Считалось, что числу племен примерно соответствовало число языков. Согласно последним исследованиям для австралийских языков характерно «явление, которое лингвисты называют «диалектной цепью»»: из языков А, Б, В, Г и Д – А и Б взаимопонятны и являются, следовательно, только диалектами одного языка; то же самое относится и к парам Б – В, В – Г и Г – Д. Однако ни А и В, ни А и Г, ни А и Д, ни Б и Г, ни Б и Д, ни В и Д не взаимопонятны. Другими словами, цепь взаимопонимания движется шаг за шагом от языка А до языка Д, что делает их всех диалектами одного языка; однако несоприкасающиеся звенья цепи, если их сравнить друг с другом, не взаимопонятны и являются, следовательно, различными языками» [Кабо, 1969, с. 345]. Таким образом, количество австралийских языков значительно меньше, чем это предполагалось ранее. По разным данным это число колеблется от 150 до 260. К настоящему времени большинство языков, ранее существовавших на австралийском континенте, уже являются мертвыми либо находятся на грани исчезновения.

Поскольку в фонетической, грамматической и лексической системах всех австралийских языков наблюдается определенное сходство, исследователи пришли к выводу о том, что между отдельными языками отсутствуют коренные различия. В то же время известен и тот факт, что языки Центральной и Северной Австралии все же отличаются от языков, распространенных на остальной территории континента.

В начале 60-х гг. XX в. американский лингвист Кен Хэйл предложил разделить все языки коренного населения Австралии на две большие семьи: «пама-нюнга» (*Pama-Nyungan*) и «непама-нюнга» (*Non-Pama-Nyungan*). Название было образовано от двух туземных слов, которые переводятся как «человек»: ‘*pama*’ на языках северо-востока континента и ‘*n^yungar*’ на языках юго-запада Австралии. В семью «пама-нюнга» вошли языки, имеющие схожие черты и распространенные на 9/10 территории континента. Семья «непама-нюнга» включает языки, распространенные на северной территории континента (от Брума до Берктауна), и значительно отличающиеся как от семьи «пама-нюнга», так и друг от друга [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 7–8].

Установлено, что языки Западной, Южной и Восточной Австралии близки как по своей структуре, так и по словарному составу, в то время как языки Северной Австралии очень разнообразны. Ученые предполагают, что языки Западной, Южной и Восточной Австралии в значительно большей степени, чем языки Северной Австралии, сохраняют близость к палеоавстралийским языкам. Об этом свидетельствуют и данные археологии, этнографии, антропологии, согласно которым на западе, востоке и юге континента сохранились наиболее древние особенности австралийской культуры и австралийского антропологического типа. Что касается Северной Австралии, то известен тот факт, что ее центральные области были позже заселены этническими группами, которые отличались не только по структуре, но и, вероятно, по языку. Кроме того, Северная Австралия была подвержена некоторым влияниям извне [Кабо, 1969, с. 346–347]. Многие исследователи пришли к выводу о первоначальном единстве австралийских языков. Предполагается, что различия между этими языками могли формироваться на территории самой Австралии на протяжении многих тысячелетий. Однако генетическая близость австралийских языков до сих пор не является доказанной.

На данный момент австралийские языки включают 12 отдельных языков – андиляугва, варраи, гунавиди, какадю, кунгаракань, мангарай, минкин, накара, гневин, нунггубую, тиви, янюла, а также 16 семей (в скобках – количество языков в семье) – бунаба (2), буреран (2), ворора (3), гарама (2), гунвинггу (11), семья р. Дейли (12), дерага (5), дингили-вамбая (3), дяминдюн (4), иваиди (5), карава (2), ларакиа (2), мангери (2), мара (3), нюлнюл (4), пама-нюнга (ок. 180). Наиболее многочисленная семья пама-нюнга (25 групп и 16 отдельных языков) занимала 7/8 территории материка (кроме земли Дампира и плато Кимберли на северо-западе Австралии, большую часть Арнемленда, юго-западного побережья залива Карпентария и прилегающей территории) [Беликов, 1990, с. 12].

Значительную роль в образовании австралийских языков играли два основных фактора. Во-первых, среди австралийцев были широко распространены браки за пределами своей этнической группы. Поскольку члены семьи часто принадлежали к группам, говорящим на разных языках, языковые различия между этими группами постепенно сглаживались. С этим явлением также тесно связано распространение среди аборигенов двуязычия и многоязычия. Во-вторых, большую роль в жизни коренного населения Австралии играло культурное взаимодействие между разноязычными группами.

Следует отметить, что все австралийские языки, за небольшим исключением, являются однородными в фонетическом отношении. Как правило, ударение в словах этих языков всегда падает на первый слог.

В большинстве языков различаются всего три гласные: 'i', 'u', 'a'. Однако в некоторых языках встречаются также гласные 'e' и 'o'. Некоторые согласные совпадают с английскими: 'd', 'g', 'b', 'm', 'n', 'l', 'y', 'w'. Часто можно увидеть в словах сочетания согласных: 'dh', 'nh', 'lh', 'rd', 'rn', 'rl'. Для австралийских языков характерен носовой звук [ŋ], который передается сочетанием букв 'ng'. Однако в отличие от английского языка, этот звук чаще встречается в начале

слова: *ngaiambin* (вернуться), *ngaitye* (друг), *ngarneit* (видеть), *ngauwire* (сын), *ngerwein* (солнце), *ngindai* (ты), *ngoiyir* (обещать), *ngrekaldo* (завтра), *nguldammulun* (усталый), *ngulli* (давно) *ngthummulun* (зеленый), *ngumundi* (черная змея) т.д. [Aboriginal words of Australia, 1983, p. 112–114]. Кроме того, в большинстве языков звук [ŋ] употребляется в местоимении первого лица единственного числа: *ngai* (Квинсленд, Западная Австралия), *ngai-i* (Южная Австралия), *ngio* (Виктория) [Там же. Р. 112–113]. В племенных языках не различаются глухие и звонкие звуки [p] – [b], [t] – [d], [k] – [g]. Чаще можно услышать звук, представляющий нечто среднее. В австралийских языках, как правило, отсутствуют фрикативные звуки.

В фонетической системе австралийских языков наблюдаются некоторые региональные различия. Австралийский антрополог А.Элькин приводит следующие данные: «Звук *v* редко встречается в описываемых нами языках, однако его все же можно услышать у аборигенов, обитающих в горах Флиндерс (штат Южная Австралия); начальное *mb* типично для племени аранда (центральная Австралия), но встречается также и у племен полуострова Йорк; *th* и *dh* употребляются главным образом аборигенами некоторых местностей штатов Новый Южный Уэльс и Виктория; видоизмененное *u* не распространено, однако встречается все же в наречии ньюль-ньюль (к северу от Брума). На самом тяжелом и неблагозвучном диалекте говорят аборигены на севере и в центре штата Виктория. В некоторых языках все слова кончаются на гласный звук, иногда даже на один и тот же гласный, например на *a*, тогда как в других на конце слова может стоять наряду с гласным звуком какой-нибудь согласный: в одном наречии *n* и *m*, в другом – *k*, *g* или *t*» [Элькин, 1952, с. 27].

Помимо близости фонетических систем австралийских языков, отмечается также некоторое совпадение и в их грамматическом строе. Большинство языков коренного населения Австралии по морфологической структуре являются агглютинативными языками. Надо отметить, что на севере Австралии большую роль играют префиксы, а на остальной части континента –

суффиксы. Большинство языков являются эргативными, и только некоторые языки семьи пама-нюнга относятся к номинативным. Порядок слов в предложении, как правило, свободный. Система исчисления австралийских языков включает в себя от двух до четырех числительных.

Как отмечает А.Элькин, «все языки отличаются точностью, краткостью, резко выраженной конкретностью и стремлением обойтись одним или возможно меньшим количеством слов при описании событий или изъяснении какого-либо желания; это достигается путем присоединения к слову или группе слов различных флексий» [Элькин, 1952, с. 26]. Далее автор указывает на то, что в грамматике «наблюдается широкое сходство между отдельными языками: общий порядок слов в предложении, бедность союзами, отсутствие относительных местоимений, богатство глагольных форм, употребление двойственного числа, использование порядка слов в фразе для выражения сравнения и сходства, различение с помощью суффиксов именительного падежа подлежащего как имени и как активного лица, богатство флексий имен существительных и местоимений, значение некоторых падежных аффиксов» [Там же. С. 26].

Наиболее сложные грамматические формы встречаются в языках племен северного Кимберли, где различаются четыре класса существительных, а глагол включает в себя местоименный объект и субъект. Языки же центральной Австралии относительно просты, поскольку глаголы в них, как правило, не изменяются ни по лицам, ни по числам.

Интересной особенностью австралийских языков является сложная система местоимений. Выделяются три вида числа: единственное, двойственное и множественное. Приведем пример из языка варунгу (*Warungu*), распространенного на северо-западе Квинсленда:

Единственное число:

Я – *ngaya*

Ты – *yinta*

Он, она, оно – *nyula*

Двойственное число:

Мы двое – *ngali*

Вы двое – *yurala*

Они двое – *pula*

Множественное число:

Мы – *ngana*

Вы – *yura*

Они – *tyana* [Blake, 1981, p. 19].

В некоторых австралийских языках у местоимений в первом лице двойственного и множественного числа различаются две формы: включающая и исключающая, в зависимости от того, включен ли адресат речи в понятие «мы» (мы с тобой, мы без тебя). Например, в нескольких языках Западной Австралии используются четыре варианта местоимения «мы»: *ngali* («мы: ты и я»), *ngaliya* («мы: он или она и я»), *ngalikuru* (включая адресатов речи) и *nganarna* (исключая адресатов речи) [Blake, 1981, p. 19].

Кроме того, в системе местоимений некоторых языков находят отражение родственные связи и взаимоотношения между членами племени. Так, в исчезнувшем языке вадьюк (*Wadjuk*) существовало несколько вариантов местоимения «мы» двойственного числа в зависимости от степени родства: «мы двое» (братья или сестры или брат и сестра), «мы двое» (жена и муж), «мы двое» (родитель и ребенок) и т.д. [Blake, 1981, p. 19].

Для лексической системы австралийских языков характерно стремление к точности и конкретности. Поэтому помимо обобщающих понятий, в языках коренного населения Австралии встречаются многочисленные термины для обозначения разновидностей животных, растений, явлений окружающей действительности, предметов обихода, оружия и т.д. Например, для обозначения копья в языке питта-питта (*Pitta-Pitta*) используется слово *makuwarta*, а также выделяется несколько разновидностей этого вида оружия:

marimu (копье с закругленным наконечником), *tampara* (копье с плоским наконечником), *piryamaru* (копье, метаемое при помощи специального приспособления, копьеметалки) [Blake, 1981, p. 26].

В языках австралийцев отражены особенности их культуры, общественного строя, образа мышления и верований. Например, в языке калкатунгу (*Kalkatungu*) существует несколько терминов для обозначения человека в разные периоды его жизни от младенчества до старости, включая этапы прохождения возрастных посвячительных обрядов [Blake, 1981, p. 26–27]:

	Мужчина	Женщина
Младенец	<i>pirla-pirla</i>	<i>pirla-pirla</i>
Ребенок	<i>kuyiri</i>	<i>wamba</i>
Человек, прошедший 1-ю стадию обряда посвящения	<i>yapariri</i>	<i>iradyi</i>
Человек, прошедший 2-ю стадию обряда посвящения	<i>uparindyi</i>	<i>walumara</i>
Человек, прошедший 3-ю стадию обряда посвящения	<i>kantapiyangu</i>	<i>munta-munta</i>
Зрелый человек	<i>yuru</i>	<i>marapai</i>
Старик	<i>kupanguru</i>	<i>mutyu-mutyu</i>

В генеалогической классификации языков мира австралийские языки занимают изолированное положение. Это свидетельствует о том, что их формирование проходило в значительной мере самостоятельно. Однако все же можно проследить определенное сходство между австралийскими языками и некоторыми другими языками мира. Будучи агглютинативными, австралийские языки близки к дравидийским языкам Южной Индии. Вместе с тем языки Северной Австралии, в которых большую роль играют префиксы, типологически близки к языкам Новой Гвинеи. Также наблюдается некоторое

морфологическое сходство австралийских языков с урало-алтайскими языками [Кабо, 1969, с. 351].

Историю изучения австралийских языков можно разделить на три основных периода [Беликов, 1990, с. 13]. До 1930-х гг. исследованием племенных языков Австралии занимались преимущественно этнографы и миссионеры. Работы этого периода представляют собой краткие словари и грамматические очерки: [Meyer, 1843], [Moore, 1842], [Teichelmann, Schürmann, 1840] и др. Во второй период с 1930 г. по 1950 г. благодаря деятельности австралийского лингвиста А.Кейпелла и его учеников появляется большое количество серьезных научных исследований, посвященных австралийским языкам. Третий период берет начало с момента основания Австралийского института изучения аборигенов (*Australian Institute of Aboriginal Studies*) в 1961 г. На базе этого института начинается сравнительно-сопоставительное исследование языков коренного населения Австралии, предлагаются подробные лексикографические и грамматические описания многих племенных языков, предпринимаются попытки сохранения и развития уцелевшего языкового наследия австралийских аборигенов. Среди многочисленных исследований этого периода можно выделить следующие работы: [Blake, 1981; Blake 1987], [Capell, 1963], [Dixon, 1984; Dixon, 2002], [Dixon, Ramson, Thomas, 1990], [Douglas, 1968], [Endacott, 1973], [Reed, 1970; Reed, 1977], [Schmidt, 1990], [Wurm, 1972].

2.4. Особенности австралийской художественной литературы

Национальное своеобразие австралийской литературы не сводится лишь к особенностям английского языка Австралии, равно как и к описаниям специфической австралийской флоры и фауны. Специфика австралийской

литературы проявляется также и в тематике произведений австралийских писателей.

Принято выделять несколько этапов развития австралийской литературы: колониальный (от начала колонизации континента англичанами до 90-х гг. XIX в.); рождение национально-самобытной литературы (90-е гг. – начало XX в.); литература межвоенных десятилетий и времен Второй мировой войны; послевоенная литература (в рамках последнего периода уже наметилась внутренняя градация) [Австралийская литература, 1978, с. 3].

Формирование национального самосознания австралийцев неразрывно связано с их художественной литературой, поскольку именно здесь в полной мере раскрываются социально-исторические и общественные условия жизни страны и ее населения. Главными героями произведений австралийской литературы неизменно становились жители буша, стригали, шахтеры, золотоискатели, объездчики лошадей, гуртовщики, мелкие фермеры, свэгмены и сандаунеры (см. Приложение А: *swagman, sundowner*), представители коренного населения, а главными темами произведений – мужество и настойчивость в неравной борьбе с природой, столкновение маленького человека с несправедливостью общества, негибкая воля, жажда жизни и невероятно тяжелый труд простых людей.

Первые произведения австралийских писателей стали появляться еще в начале XIX в. Писателей этого, так называемого колониального периода, принято также называть «предвестниками» австралийской литературы. В своих произведениях они опирались на уже устоявшиеся литературные традиции Великобритании. Однако свой подлинный расцвет австралийская литература переживает только во второй половине XIX в.

Значительную роль в развитии литературы в Австралии сыграл радикальный общественно-политический журнал «Бюллетень» (*Bulletin*), также известный под названием «Библия жителей буша» (*Bushman's Bible*), издававшийся с 1880 г. в Сиднее. Этот демократический еженедельник

способствовал формированию национального характера австралийской литературы, отвергая влияние произведений европейских авторов. Первые писатели «Бюллетеня», к которым относятся Генри Лоусон (1867 – 1922), Стил Радд (1868 – 1935), Луис Бек (1855 – 1913), Родерик Куинн (1867 – 1949), провозгласили своей главной задачей правдивое и реалистичное описание жизни и труда простого человека. Основной литературной формой для писателей того времени были баллады в стихах и короткие рассказы. В целом, для такого жанра как рассказ в австралийской литературе характерны некоторые особые черты, присущие ярну, т.е жанру устного рассказа. Этот фольклорный жанр формировался в Австралии стихийно и представлял собой некое описание коротких историй из жизни первых поселенцев и простых рабочих континента. Особенности ярна стали немногословное повествование от первого лица, лаконичность фраз, обилие просторечной и диалектной лексики.

Вплоть до середины XX в. австралийские писатели развивали в литературе реалистическое направление, сформированное школой «Бюллетеня». Творчество Вэнса Палмера, Фрэнка Дэлби Дэвисона, Джона Моррисона, Алана Маршалла, Гевина Кейси, Катарины Сусанны Причард, Дэла Стивенса также всегда было обращено к судьбам простых людей и к наиболее актуальным социальным проблемам того времени.

Особое место в австралийской литературе занимает судьба коренного населения страны. В 30-е годы Реджинальд Чарльз Ингамеллз (1913 – 1955) основывает поэтическое течение «Джиндиуоробак клуб» (Jindyworobak Club), название которого происходит из одного из языков аборигенов и означает «присоединяться» [АНЗЛС, 2001, с.177]. Представители этого течения, среди которых можно выделить творчество Флексмора Хадсона, Дж. Дэвени, Роланда Робинсона, Яна Мьюди, У. Харта Смита провозгласили наследие аборигенов неотъемлемой частью культуры Австралии. В произведениях других

австралийских авторов (Ксавье Герберт, Вильям Хэтфилд, Фрэнк Дэлби Дэвисон) аборигены противопоставлены миру лжи, равнодушия и алчности.

Одним из самых ярких произведений, посвященных коренному населению Австралии, считается роман Катарины Сусанны Причард (1883 – 1969) «Кунарду» (“*Coonardoo*”, 1929), повествующий о жизни племени аборигенов на ферме Вайталиба. Характерной особенностью романа стал неподдельный интерес к внутреннему миру коренных австралийцев. А.С.Петриковская отмечает, что «первооткрытие Причард как художника – не в этнографизме, не в соответствии уклада племени, каким он изображен в романе, фольклора и речи научным данным, хотя и это важно, но в том, что аборигены предстают равными белым в своей человеческой сущности» [Петриковская, 1990, с. 118]. В романе на первый план выходит судьба туземки Кунарду, чья независимость, преданность и самоотверженность выделяют ее среди остальных персонажей произведения. Автор создает неповторимый и самобытный колорит романа не только благодаря подробным описаниям быта и традиций коренного населения, но и при помощи использования туземных слов и вкраплений из племенных языков.

Отличительной чертой многих произведений австралийской художественной литературы является многообразие их национально-культурной специфики, в которой раскрываются особые географические, природные, социально-исторические и культурные условия жизни страны и ее народа. В ходе анализа материала исследования нами были обнаружены следующие характерные компоненты национально-культурной специфики произведений австралийских писателей (см. табл. 1):

Таблица 1 – Национально-культурная специфика австралийских художественных текстов

Реалии	Ономастические реалии	Антропонимы	<i>“Kaijek gave his spears and bag to Ninyul, but retained the wommera”</i> [Herbert, 1975, p. 156].
		Топонимы	<i>“Out behind them is the line of blue hills; in front is the famous Bakery Hill, and down to the left Golden Point”</i> [Lawson ₁ , 1975, p. 36].
	Этнографические реалии	Быт	<i>“Lonely and curious, occasionally, she went down to the uloo to watch the corroborees”</i> [Prichard, 1973, p. 42].
		Труд	<i>“But he was clever on his feet and smart with the kylies”</i> [Prichard, 1973, p. 46].
		Люди	<i>“Joe baa-ed at rams and cast reflections on the drinking habits of swagmen”</i> [Marshall ₂ , 1975, p. 160].
		Искусство и культура	<i>“Whenever she heard those chants, and the murmurous boom of a coolardie, Mrs. Bessie knew what was happening”</i> [Prichard, 1973, p. 42].
		Этнонимы	<i>“Families on the creek were Banniga, Burong, Baldgery and Kurrimurra”</i> [Prichard, 1973, p. 41].
		Другие	<i>“And there was black-birding too.... I’ve seen blacks brought in, in chains for the pearlers’ crews...”</i> [Prichard, 1973, p. 133].
	Географические реалии	Объекты физической географии	<i>“The weather was dry and the little gilgai on which he had been depending for water had failed; could he take what he needed from my tank until rain fell?”</i> [Davison, 1975, p. 137].
		Фауна	<i>“Mumae had them up to the veranda, and gave directions for wood-gathering, burning charcoal, and trapping dingoes”</i> [Prichard, 1973, p. 48].
		Флора	<i>“N’goola burnt quandongs, mixed the black dust with grease, and rubbed it over the body”</i> [Prichard ₂ , 1975, p. 90].
	Иноязычные вкрапления	Вкрапления с пояснением автора	<i>“Tani wali (Come quickly), Coonardoo!» he called...”</i> [Prichard, 1973, p. 21].
Вкрапления без пояснения автора		<i>“Phyllis, picking up a stone, threw it after him, screaming at the top of her voice, like an old gin, “Walyee mari, minyibulla nunki-nunki chungee-chungee booketera kundi-kundi spa!”</i> [Prichard, 1973, p. 142].	
Отклонения от литературной нормы	Ломаная речь малообразованных персонажей	<i>“Wotter yer growlin’ about?” asked one. “Wot’s the matter with yer, anyway?”</i> [Lawson ₃ , 1975, p. 31].	
	Ломаная речь аборигенов	<i>“Kajek coughed, spat again, then said, “Eh, boss – me wuk longa you, eh?”</i> [Herbert, 1975, p. 157].	

Как видно из приведенной таблицы, к наиболее распространенным компонентам национально-культурной специфики австралийской художественной литературы относятся реалии, иноязычные вкрапления и отклонения от литературной нормы. В следующей главе исследования подробно остановимся на межъязыковой передаче указанных лексических единиц.

Выводы по Главе 2

1. Формирование австралийского варианта английского языка происходило под влиянием особых исторических и общественных факторов, среди которых можно выделить следующие: колонизация Австралии, вследствие чего первыми белыми поселенцами на континенте стали каторжники и представители социальных низов общества; многочисленные контакты европейцев с коренным населением; активная иммиграция в Австралию представителей разных стран и национальностей в период золотой лихорадки и после Второй мировой войны.

2. Сопоставление фонетических и грамматических систем австралийского и британского вариантов английского языка позволяет сделать вывод о том, что австралийский вариант обладает рядом характерных особенностей, однако не значительно отличается от британского варианта.

3. Для лексического состава английского языка Австралии характерны специфические черты, которые находят отражение в отдельных наиболее важных для австралийской действительности областях: золотодобывающая промышленность, освоение новых земель, скотоводство и овцеводство, погодные явления, ландшафт, флора и фауна и т.д.

4. К основным и наиболее продуктивным способам пополнения австралийской лексики относятся заимствование и словообразование.

5. Число языков коренного населения Австралии колеблется от 150 до 260. К настоящему времени большинство языков, ранее существовавших на австралийском континенте, уже являются мертвыми либо находятся на грани исчезновения.

6. Поскольку в фонетической, грамматической и лексической системах всех австралийских языков наблюдается определенное сходство, исследователи предполагают, что между отдельными языками отсутствуют коренные различия. Однако генетическое родство австралийских языков до сих пор не доказано.

7. В генеалогической классификации языков мира австралийские языки занимают изолированное положение. Это свидетельствует о том, что их формирование проходило в значительной мере самостоятельно. Однако все же можно проследить определенное сходство между австралийскими языками и некоторыми другими языками мира.

8. Можно выделить несколько этапов развития австралийской художественной литературы: 1) колониальный, 2) период формирования национально-самобытной литературы, 3) литература межвоенных десятилетий и времен Второй мировой войны, 4) послевоенная литература.

9. Отличительной чертой многих произведений австралийской художественной литературы является многообразие их национально-культурной специфики, в которой раскрываются особые географические, природные, социально-исторические и культурные условия жизни страны и ее населения.

Глава 3. Передача национально-культурной специфики австралийских художественных текстов на русский язык

Данная глава посвящена межъязыковой передаче таких компонентов национально-культурной специфики австралийской художественной литературы как реалии, иноязычные вкрапления и отклонения от литературной нормы. Также в этой части исследования проанализированы семантические неточности, допущенные переводчиками в результате недостатка фоновых знаний по исследуемой тематике.

Материалом для исследования в этой главе послужили следующие произведения австралийской художественной литературы: роман К.С.Причард “Coonardoo” (пер. с англ. Т.Озерской, Э.Питерской) [Prichard, 1973; Причард, 1959], а также рассказы Г.Лоусона “The Shearing of the Cook’s Dog” (пер. с англ. Л.Либерзон) [Lawson₃, 1975; Лоусон₂, 1958], “His Father’s Mate” (пер. с англ. А.Кривцовой) [Lawson₁, 1975; Лоусон, 1976] и “The Loaded Dog” (пер. с англ. Л.Либерзон) [Lawson₂, 1975; Лоусон₁, 1958], С.Радда “Starting the Selection” (пер. с англ. И.Левиной) [Rudd₂, 1975; Радд₁, 1958] и “Our First Harvest” (пер. с англ. И.Левиной) [Rudd₁, 1977; Радд₂, 1958], К.С.Причард “N’goola” (пер. с англ. С.Кругерской) [Prichard₂, 1975; Причард₁, 1958], “Luck” (переводы с англ. Н.Лосевой и Э.Питерской) [Prichard₁, 1975; Причард, 1957; Причард₂, 1958], В.Палмера “Last Leave” (пер. с англ. В.Маянц) [Palmer₂, 1975; Палмер, 1958], “The Catch” (пер. с англ. И.Боронос) [Palmer₃, 1975; Палмер₂, 1957] и “Jettisoned” (пер. с англ. Н.Ветошкиной) [Palmer₁, 1975; Палмер₁, 1957], П.Уайта “Down at the Dump” (пер. с англ. Н.Волжиной) [White, 1975; Уайт, 1980], Ф.Д.Дэвисона “A Letter from Colleen” (пер. с англ. И.Бернштейн) [Davison, 1975; Дэвисон, 1958], К.Герберта “Kaijek the Songman” (переводы с англ. И.Архангельской и М.Ермашевой) [Herbert, 1975; Герберт, 1957; Герберт, 1958], Л.Хэдоу “Sunday Afternoon” (пер. с англ. Н.Ветошкиной) [Hadow, 1975;

Хэдоу, 1958], Дж.Моррисона “The Man on the ’Bidgee” (пер. с англ. В.Маянц) [Morrison, 1975; Моррисон, 1958], У.Хэтфилда “Breathes There a Man...” (пер. с англ. С.Дзенин) [Hatfield, 1975; Хэтфилд, 1957], А.Маршалла “How’s Andy Going?” (пер. с англ. С.Литвиновой) [Marshall₂, 1975; Маршалл, 1957], “The Grey Kangaroo” (пер. с англ. О.Кругерской) [Marshall₃, 1975; Маршалл, 1986], “How My Friends Keep Me Going” (пер. с англ. Н.Ветошкиной) [Marshall₁, 1975; Маршалл, 1958], Г.Кэйси “Talking Ground” (пер. с англ. М.Михелевич) [Casey, 1975; Кэйси, 1957].

3.1. Реалии в австралийской художественной литературе

Термин «реалия» восходит к латинскому прилагательному среднего рода множественного числа “*realia*” (вещественный, действительный) [Смыслов, 2012, с. 12]. Под реалиями обычно понимают предметы материальной культуры, однако в теории перевода этим термином принято обозначать именно слова, называющие предметы, т.е. названия реалий.

В «Толковом переводоведческом словаре» дается следующее определение реалий: «реалии – это слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Нелюбин, 2003, с. 178]. Однако подобное сжатое толкование не раскрывает полностью понятие «реалия».

Болгарские переводчики С.И.Влахов и С.П.Флорин с некоторыми оговорками определяют реалии как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не

поддаются переводу «на общем основании», требуя особого подхода» [Влахов, Флорин, 2012, с. 52].

При анализе австралийских реалий в данном исследовании мы будем опираться на расширенную классификацию реалий, предложенную С.И.Влаховым и С.П.Флориным [Влахов, Флорин, 2012, с. 55–69]. Соответственно этой классификации реалии делятся не только по предметному, но и по коннотативному значению, т.е. «в зависимости от местного (национального, регионального) и временного (исторического) колорита» [Влахов, Флорин, 2012, с. 54]. Приведем содержание этой классификации:

Предметное деление.

А. Географические реалии:

1. Названия объектов физической географии, в том числе метеорологии;
2. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью;
3. Названия эндемиков.

Б. Этнографические реалии:

1. Быт: а) пища, напитки, бытовые заведения (общественного питания и др.); б) одежда (включая обувь, головные уборы и пр.), украшения; в) жилье, мебель, посуда и др. утварь; г) транспорт (средства и «водители»); д) другие;

2. Труд: а) люди труда; б) орудия труда; в) организация труда (включая хозяйство и т.п.);

3. Искусство и культура: а) музыка и танцы; б) музыкальные инструменты и др.; в) фольклор; г) театр; д) другие искусства и предметы искусств; е) исполнители; ж) обычаи, ритуалы; з) праздники, игры; и) мифология; к) культы – служители и последователи, культовые здания и предметы; л) календарь;

4. Этнические объекты: а) этнонимы; б) клички (обычно шуточные или обидные); в) названия лиц по месту жительства.

5. Меры и деньги: а) единицы мер; б) денежные единицы.

В. Общественно-политические реалии:

1. Административно-территориальное устройство: а) административно-территориальные единицы; б) населенные пункты; в) части населенного пункта;

2. Органы и носители власти: а) органы власти; б) носители власти;

3. Общественно-политическая жизнь: а) политические организации и политические деятели; б) патриотические и общественные движения (и их деятели); в) социальные явления и движения (и их представители); г) звания, степени, титулы, обращения; д) учреждения; е) учебные заведения и культурные учреждения; ж) сословия и касты (и их члены); з) сословные знаки и символы;

4. Военные реалии: а) подразделения; б) оружие; в) обмундирование; г) военнотружущие (и командиры).

Местное деление.

А. В плоскости одного языка:

1. Свои реалии (по большей части исконные слова данного языка):

а) национальные реалии – реалии, которые называют объекты, принадлежащие данному народу, данной нации, но чужие за пределами страны;

б) локальные реалии – реалии, которые принадлежат диалекту, наречию или языку менее значительной социальной группы. Будучи диалектизмами, они обозначают и специфические для данной области объекты и отношение к ним;

в) микролокальные реалии – реалии, социальная или территориальная основа которых уже даже самых узколокальных реалий.

2. Чужие реалии (заимствованные слова, кальки или транскрибированные реалии другого языка, часто своего рода окказионализмы или неологизмы):

а) интернациональные реалии – реалии, которые фигурируют в лексике многих языков и вошли в соответствующие словари. При этом обычно сохраняют исходную национальную окраску;

б) региональные реалии – реалии, которые перешагнули за границы одной страны и получили распространение среди нескольких народов (не обязательно соседних), обычно вместе с референтом, являясь, таким образом, составной частью лексики нескольких языков.

Б. В плоскости пары языков:

1. Внешние реалии – реалии, которые одинаково чужды обоим языкам;
2. Внутренние реалии – слова, принадлежащие одному из пары языков, и, следовательно, чужие для другого.

Временное деление.

А. Современные.

Б. Исторические [Влахов, Флорин, 2012, с. 55–69].

В ходе анализа австралийских художественных текстов нами были отобраны 180 реалий, представляющих особый интерес при переводе с английского языка на русский. Далее эти реалии были объединены в три основные лексико-тематические группы, каждая из которых имеет несколько частных тематических подгрупп.

Отметим, что в данном исследовании мы будем придерживаться только предметного деления выбранной классификации. Нами также были внесены некоторые добавления в эту классификацию. На наш взгляд, имена собственные в австралийских художественных произведениях являются носителями характерных культурно-исторических ассоциаций, поэтому вслед за В.С.Виноградовым [Виноградов, 1978] и Г.Д.Томахиным [Томахин, 1988], мы выделили группу «Ономастические реалии», в которую вошли топонимы и антропонимы. Кроме того, при классифицировании реалий из выбранных австралийских художественных текстов нами были выделены дополнительные подгруппы. Так, в группу «Этнографические реалии» были добавлены подгруппы «Люди» и «Другие».

Заметим, что при анализе значений австралийских реалий мы использовали преимущественно лингвострановедческий словарь «Австралия и

Новая Зеландия» под редакцией В.В.Ощепковой и А.С.Петриковской, поскольку данная работа является самым квалифицированным, подробным и новейшим отечественным исследованием лексикографического характера, посвященным австралийскому варианту английского языка¹. Также при работе с анализируемыми реалиями были использованы следующие источники: [Головчинская, 1973], [Мурат₁, 1975], [Мюллер, 2005], [Aboriginal Words of Australia, 1983], [Concise Oxford English Dictionary, 2004], [Dixon, Ramson, Thomas, 1990], [Endacott, 1973], [Reed, 1970; Reed, 1977], [The Macquarie Complete Australian Dictionary app., 2015], [The Macquarie Dictionary, 1982].

В Приложении Б представлены количественные данные, демонстрирующие частотность исследуемых реалий в соответствии с лексико-тематическими группами и подгруппами: в Таблице Б.1 представлена общая частотность реалий, выбранных для анализа; в Таблице Б.2 представлена частотность этнографических реалий; в Таблице Б.3 представлена частотность географических реалий; в Таблице Б.4 представлена частотность ономастических реалий.

Рассмотрим представленные выше лексико-тематические группы и вошедшие в них реалии:

1. Этнографические реалии (34,4% от общего количества примеров):

1.1. Быт (27,4% от общего количества этнографических реалий):

а) Жилье, мебель, посуда и др. утварь:

“In the evening when Gwelnit returned from work on the run or in the stockyards, he would find Mittoon squatted on the ground outside the wurley. Inside, the baby wailed fretfully” [Prichard₂, 1975, p. 88].

¹ Лингвострановедческий словарь «Австралия и Новая Зеландия» также включает в себя богатый лексический материал, отражающий характерные явления жизни Новой Зеландии, однако для данного исследования особый интерес представляет именно австралийская составляющая указанного издания.

Wurley – хижина аборигенов, построенная из веток, сплетенной травы и листьев [АНЗЛС, 2001, с. 200].

*“Lonely and curious, occasionally, she went down to the **uloo** to watch the corroborees”* [Prichard, 1973, p. 42].

Uloo – туземный поселок [Причард, 1959, с. 271].

*“She had to go to the **kala miah**, or uloo, at Wytaliba, and Mollie decided that was one rule of Mrs. Bessie’s she would always enforce”* [Prichard, 1973, p.126].

Kala miah – дровяной сарай [Причард, 1959, с. 270].

*“He took me into the **store-miah** and shut the door”* [Prichard₂, 1975, p. 87].

Miah – туземное название сарая или шалаша [Мурат₁, 1975, с. 362].

*“Fat little Ninyul, puffing at his heels, bore the bulk of their belongings – swag balanced on her curly head, big grass dillybag hanging from a brow-strap down her back, tommy-axe and **yamsticks** in a sugar-bag slung on her left shoulder, and **fire-sticks** and billy in her right hand”* [Herbert, 1975, p. 154].

Yam stick – длинная заостренная палка, используемая аборигенами для выкапывания корней вьющихся лиан [АНЗЛС, 2001, с. 201].

Fire-stick – палка для разжигания огня (обычно тлеющая палка, переносимая аборигенами во время кочевки со стоянки на стоянку, особ. на о-ве Тасмания) [АНЗЛС, 2001, с.95].

*“All dressed for the road. A professional-looking **swag** hung from one shoulder, and he carried his **billy** as you rarely see a billy carried these days”* [Morrison, 1975, p. 199].

Swag – узел с пожитками [АНЗЛС, 2001, с. 185].

Billy – «билли», чайник или котелок с проволочной ручкой (в кот. кипят чай жители буша; неотъемлемая часть австралийских пикников. Слово вошло в обиход с 1850-х) [АНЗЛС, 2001, с. 53–54].

*“Coonardoo set her boy in the **coolamon** she had scooped with sharp stones from the elbow of a river gum and took him to sleep beside her grandmother,*

warning her, as she laid a leafy branch over the child, not to delay bringing him to the house when he wakened and cried for another meal” [Prichard, 1973, p. 108].

Coolamon – куламон (деревянный таз, используемый аборигенами для хранения и переноски воды, семян и т.п.; используется также как детская люлька) [АНЗЛС, 2001, с. 77].

“Fat little Ninyul, puffing at his heels, bore the bulk of their belongings – swag balanced on her curly head, big grass **dillybag** hanging from a brow-strap down her back, tommy-axe and yamsticks in a sugar-bag slung on her left shoulder, and fire-sticks and billy in her right hand” [Herbert, 1975, p. 154].

Dilly-bag – 1. небольшая сумка (используется для продуктов и личных вещей) 2. плетеная сумка (из скрученной травы или волокон пандануса и др. растений) [АНЗЛС, 2001, с. 84].

“The **milli-millis** passed from Wytaliba to Nuniewarra, from Nuniewarra to Illigoogie and Five Rivers; as far as Britte-Britte, the Gap and along the To-Morrow ranges” [Prichard, 1973, p. 36].

Milli-milli – милли-милли (дощечка-письмо с выжженными на ней знаками или особая палочка с зарубками, где каждая зарубка имела вполне определенное значение) [АНЗЛС, 2001, с. 140].

“She went to his camp bed. “Take your **wagga** then” [Hadow, 1975, p. 183].

Wagga – вога (импровизированное одеяло или накидка из мешков или чего-л. подобного; тж. Wagga blanket, Wagga rug) [АНЗЛС, 2001, с. 195].

“Two days it took for runners with **message sticks** to bring the people in, while the police camped near, their blackboys tending their hobbled horses down on the grass” [Hatfield, 1975, p. 134].

Message stick – палочка-послание (палочка длиной ок. 30 см, цилиндрической или плоской формы, являющаяся знаком полномочий гонца, передававшего устные послания одного аборигена племени другому. На палочке не было письменного послания, но был нанесен рисунок, по кот. гонец мог найти источник воды) [АНЗЛС, 2001, с. 139].

б) Пища:

*“Time flowed from the coolwenda’s first notes before dawn, breakfast of coffee, **damper** and salt meat, mustering all the morning...”* [Prichard, 1973, p. 193].

Damper – пресная тонкая лепешка (испеченная в золе) [АНЗЛС, 2001, с. 81].

*“I wongied ’em a bit, and sheared out me **tucker** – though there wasn’t much of it”* [Prichard, 1973, p. 131].

Tucker – пища [Головчинская, 1973, с. 253].

*“Mrs. Bessie always gave her people a beast and **tuckerdoo** to entertain their relations, and the women cooked the meat in great stone ovens under piles of smouldering embers”* [Prichard, 1973, p. 36].

Tuckerdoo – тукерду, сласти [Причард, 1959, с. 271].

в) Одежда:

*“Tall and straight, in her blue **gina-gina**, dark as the hills, she stood listening”* [Prichard, 1973, p. 172].

Gina-gina – абориг. джина-джина (женское платье) [АНЗЛС, 2001, с. 102].

1.2. Труд (12,9% от общего количества этнографических реалий):**а) Люди труда:**

*“He knew it all, and spoke with a sad contempt of **boundary-riders** who went out on motor-cycles, of machine-cut sleepers, of axemen who went into the bush with thermos flasks, of drovers who followed their mobs in trucks carrying mattresses and kerosene stoves”* [Morrison, 1975, p. 196].

Boundary-rider – объездчик (помощник на ферме, в чьи обязанности входит содержание в порядке и ремонт изгородей и загонов для скота) [АНЗЛС, 2001, с. 60].

*“With his head poking out from behind a convenient tree, he would chant at a passing **sundowner**:*

Whiskers, Whiskers, fill your gizzard

Till you're flat-out like a lizard" [Marshall₂, 1975, p. 160].

Sundowner – 1. сезонный работник; 2. лентяй, нерадивый работник (бродяга, свэгмен появляющийся на ферме слишком поздно, чтобы приняться за какую-л. работу, но вовремя, чтобы поесть) [АНЗЛС, 2001, с.185].

"I don't know nothing about yer dog!" protested a rouseabout; "wotyer getting' on to me for?" [Lawson₃, 1975, p. 31].

Rouseabout (rousabout) – поденщик, чернорабочий (особ. в период стрижки овец) [АНЗЛС, 2001, с. 172].

"He had knocked about the country with teamsters and Afghans, camel punching, and learnt a good deal, prospecting with old miners round about Nullagine and the Bar" [Prichard, 1973, p. 62].

Afghan – уст. погонщик верблюдов (погонщики верблюдов, приехавшие в конце XIX в. в Австралию из Афганистана, Египта, Ирана, Турции и др. стран; работали в основном в засушливых р-нах континента) [АНЗЛС, 2001, с. 27].

б) Орудия труда:

"But he was clever on his feet and smart with the kylies" [Prichard, 1973, p. 46].

Kylie – кайли, легкий бумеранг (разновидность бумеранга. Одна его сторона плоская, другая выпуклая) [АНЗЛС, 2001, с.127].

"On his right shoulder he carried three spears and wommera; and from his left hung a long bag of banyan-cord containing his big painted dijeridoo and music-sticks" [Herbert, 1975, p. 154].

Wommera (womera, woomera, wammara, womra) – приспособление для метания копья, копьёметалка [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 184].

"Fat little Ninyul, puffing at his heels, bore the bulk of their belongings – swag balanced on her curly head, big grass dillybag hanging from a brow-strap down her back, tommy-axe and yamsticks in a sugar-bag slung on her left shoulder, and fire-sticks and billy in her right hand" [Herbert, 1975, p. 154].

Tommy-axe – измененное в духе народной этимологии слово *tomahawk*, проникшее в английский язык из языков американских индейцев и вытеснившее в Австралии из широкого употребления англ. *hatchet* [Мурат₁, 1975, с. 372].

в) Организация труда (включая хозяйство и т.п.):

“He had wandered to the north and to the east in the search for N’goola; to the cities and townships white men had built everywhere. On gold-mining camps and out-back stations, on native reserves and in ports along the coast, he had begged for news of N’goola” [Prichard₂, 1975, p. 92].

Out-back station – ферма во внутреннем р-не Австралии [АНЗЛС, 2001, с. 155].

1.3. Люди (16,1% от общего количества этнографических реалий):

“Joe baa-ed at rams and cast reflections on the drinking habits of swagmen” [Marshall₂, 1975, p. 160].

Swagman – австрал. уст. свэгмен (человек, кот. скитается по стране, живет на случайные заработки; все его пожитки – в скатанном одеяле [swag] за плечами; бродяга) [АНЗЛС, 2001, с. 185].

“And when Dave wanted to know why Dad didn’t take up place on the plain? Where there were no trees to grub and plenty of water, Dad would cough as if something was sticking in his throat, and then curse terribly about the squatters and political jobbery” [Rudd₂, 1975, p. 69].

Squatter – 1. уст. скваттер (скотовод, овцевод, самовольно поселившийся на коронных землях, но позже получивший их в аренду) 2. богатый, уважаемый человек, делец; 3. уст. житель буша, занимавшийся угоном скота, перепродажей алкоголя, обычно отбывший срок заключения [АНЗЛС, 2001, с. 182].

“For am I not the medicine-man and rain maker of my tribe, and is not the gold veins in the quartz rainstone that I show the Sun the thing that brings the tears down from the clouds?” [Hatfield, 1975, p. 133].

Medicine-man – врачеватель. «Каждое австралийское племя имело одного или нескольких врачевателей, людей, обладающих умением излечивать болезни, предсказывать будущее и т.п. Обычно они проходили особый обряд посвящения под руководством других врачевателей, жили вместе со всеми остальными членами племени, не пользуясь никакими привилегиями, кроме особого уважения. Основные методы лечения, которые применяли австралийские врачеватели – массаж, высасывание; лечебные травы и растения использовались мало, даже эвкалипт, возможно, потому что, что австралийские аборигены не знали приспособлений для кипячения воды» [Мурат₁, 1975, с. 368].

Rain maker – «делатель дождя». «Делатели дождя, дождеватели играли важную роль в жизни австралийских племен, учитывая прямую зависимость благосостояния племени от сил природы в условиях засушливого климата. «Вызывание дождя» – форма так называемой белой магии, в отличие от других форм колдовства – черной магии, направленной на причинение вреда. Австралийских племен существовали различные ритуалы для «вызывания дождя», например, обращение к змее-радуге» [Мурат₁, 1975, с. 368].

“She had learnt many words of it from Blind Nelly: hearing her talk, listening to her songs and stories about the birds and animals which were once men of nyoongar” [Prichard₂, 1975, p. 85].

Nyoongar – абориг. абориген, темнокожий человек [АНЗЛС, 2001, с. 152].

“Mumae always took two or three gins with her when she went on a muster” [Prichard, 1973, p.33].

Gin – туземка [Головчинская, 1973, с. 248].

“Kaijek the Songman and his lubra Ninyul came up the river, picking their way through wind-stricken cane-grass and palm-leaves and splintered limbs and boughs that littered the pad they were following” [Herbert, 1975, p. 154].

Lubra – абориг. лубра (молодая темнокожая женщина или девушка-аборигенка) [АНЗЛС, 2001, с. 132].

“How terrified she had been when a **cooboo**, round-eyed and sleepy, she had first seen the narlu corroboree” [Prichard, 1973, p. 37].

Cooboo – абориг. ребенок [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 166].

“You are **mulba**, strong fellow, Warieda,” Mrs. Bessie said. “Good man. I will give you a horse and new blankets...if you wait until Coonardoo’s sixteen” [Prichard, 1973, p. 35].

Mulba – абориг. абориген [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 171].

“He was proud of her: proud when she could run to him and call him **mumae**” [Prichard₂, 1975, p. 90].

Mumae – абориг. отец [Мурат₁, 1975, с. 362].

1.4. Искусство и культура (24,2% от общего количества этнографических реалий):

а) Музыка и танцы:

“Lonely and curious, occasionally, she went down to the uloo to watch the **corroborees**” [Prichard, 1973, p. 42].

Corroboree – абориг. 1. корробори (священный, праздничный или военный танец) 2. песня, сопровождающая танец корробори [АНЗЛС, 2001, с. 78].

“And how Coonardoo sang for the **fire corroboree!**” [Prichard, 1973, p. 39].

Fire corroboree – танец огня (перевод наш – Т.А.).

б) Музыкальные инструменты:

“On his right shoulder he carried three spears and wommera; and from his left hung a long bag of banyan-cord containing his big painted **dijeridoo** and **music-sticks**” [Herbert, 1975, p. 154].

Dijeridoo (*didjeridoo*) – абориг. диджериду (музыкальный духовой инструмент, представляющий собой длинную, ок. 2 м, деревянную или бамбуковую трубу) [АНЗЛС, 2001, с. 84].

Music sticks – музыкальные палочки (примитивный музыкальный инструмент, представляющий собой деревянные палочки; ударяя их друг о

друга, музыканты создают аккомпанемент для поющих или танцующих) [АНЗЛС, 2001, с. 144].

*“Whenever she heard those chants, and the murmurous boom of a **coolardie**, Mrs. Bessie knew what was happening”* [Prichard, 1973, p. 42].

Coolardie – абориг. куларди, гуделка (музыкальный инструмент, состоящий из дощечки, прикрепленной к концу ремня; быстрое вращение дощечки производит прерывистый гудящий звук) [АНЗЛС, 2001, с. 77].

в) Обычай, ритуалы:

*“She knew that was one of the **bucklegaroo** songs”* [Prichard, 1973, p. 41].

Bucklegaroo – обряд инициации [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 151].

*“Tell him,” Hugh said to old Joey, trying another tactic, “I’ll give him rugs and namery ... a pipe and new hat, any damn thing he likes if he’ll take the **bulya** out of Warieda”* [Prichard, 1973, p. 167].

Bulya – яд [Причард, 1959, с. 270].

*“The men who were **nuba**, or **noova**, to her might never touch her; but they were permissible husbands in case of the death, or absence of the man to whom her father had given her”* [Prichard, 1973, p. 41].

Nuba, noova – абориг. мужчина, с которым разрешен брак [Причард, 1959, с. 271].

*“What’s all this talk about **black beef**?” Hugh asked. Saul brooded. “There’s parts of a dead man his relations or enemies eat sometimes, that moppin lad told me. But it’s sort of eating in memory of, to get strength or cunning ...”* [Prichard, 1973, p. 133].

Black beef – «черная говядина». «Здесь речь идет о том, что с некоторыми верованиями и церемониями австралийских аборигенов, в частности погребальными обрядами, в прошлом связывался обряд каннибализма (людоедства). Отдельные факты его в прошлом удостоверены серьезными исследователями (Howitt, Roth). Однако каннибализм существовал не у всех племен и не составлял регулярного явления. Преобладающим мотивом

каннибализма были религиозно-мистические верования: иногда аборигены поедали части тела убитых воинов, как своих, так и врагов, чтобы приобрести их качества. У некоторых племен погребальные обычаи требовали, чтобы родственники умершего ели части его тела. Все это относится к прошлому. В настоящее время каннибализм нигде в Австралии не существует» [Головчинская, 1973, с. 263].

г) Праздники, игры:

*“Every year at midsummer, for as long as Coonardoo could remember, the tribes for a hundred miles about had gathered for **pink-eye** on Wyaliba”* [Prichard, 1973, p. 36].

Pink-eye – «пинк-ай» (традиционные обрядовые празднества аборигенов, совпадающие по времени с христианским Рождеством, кот. приходится в Южном полушарии на лето) [АНЗЛС, 2001, с. 160].

*“Round the **two-up** ring on the flat, a crowd of men and women milled, crazily, making their last bets before the light failed”* [Prichard₂, 1975, p. 85].

Two-up – австрал., новозел. разг. азартная игра с подбрасыванием двух монет (типа русской «орлянки»; выигрыш в ней зависит от того, на какую сторону упадут подброшенные монеты – «орел» или «решка») [АНЗЛС, 2001, с. 192].

д) Мифология:

*“But Warieda, who made songs which Coonardoo said the **jinki** told him; Warieda who understood and talked like a white man – High was going to miss him as much as anybody”* [Prichard, 1973, p.168].

Jinki – дух [Причард, 1959, с. 270].

*“How terrified she had been when a cooboo, round-eyed and sleepy, she had first seen the **narlu** corroboree”* [Prichad, 1973, p. 37].

Narlu – злой дух [Причард, 1959, с. 271].

е) Культы – служители и последователи, культовые предметы:

“The *mopping-garra* came from Nuniewarra, and milli-millis sent before Mumae died to tribes within hundreds of miles, brought a great gathering along the creek, at the time the white people on all the stations were pink-eyeing too, after their fashion, eating, drinking, singing and giving each other presents” [Prichard, 1973, p. 100].

Moppin-garra – колдун [Причард, 1959, с. 271].

“Munga’s son, next by *tarlu* right to the dead man, claimed her; but Warieda gave Beilaba to Wanna” [Prichard, 1973, p. 167].

Tarlu – тотем [Причард, 1959, с. 271].

1.5. Этнонимы (14,5% от общего количества этнографических реалий):

В данную подгруппу вошли названия австралийских племен.

“Families on the creek were *Banniga, Burong, Baldgery and Kurrimurra*” [Prichard, 1973, p. 41].

“And she glowed in recollection of the great success he had made at the last gathering they had attended – amongst the *Marrawudda* people on the coast – with the latest song, “The Pine Creek Races” [Herbert, 1975, p. 154–155].

“True, the Old Men almost invariably acted on his advice, although nothing in the lore of the *Warramunga* dictated that they should” [Hatfield, 1975, p. 130].

“He would keep faith as they had kept faith with him – and the *Gnarler* sing round their camp-fires in the uloo, through the years ahead, as they had done for all the years he could remember” [Prichard, 1973, p. 127].

“I am a man of the *Wabarrie* tribe, waich bronga” [Prichard₂, 1975, p. 86].

“Tell me about her.” Mary sat down on the ground opposite to him. “*Bullyarrie, me*” [Prichard₂, 1975, p. 86].

1.6. Другие (4,8% от общего количества этнографических реалий):

“And there was *black-birding* too.... I’ve seen blacks brought in, in chains for the pearlers’ crews...” [Prichard, 1973, p. 133].

Black-birding – похищение туземцев островов южных морей и продажа их для работы на сахарных плантациях в Квинсленде и для других тяжелых работ; *black-bird* – похищенный туземец; *black-birder* – судно, перевозящее рабов, также работороговец [Головчинская, 1973, с. 263].

“*Treat them generously, feed them well, give them a bit of pain-killer or a dose of castor oil when they’ve got a **bingee ache**, and they’ll do anything in the world for you*” [Prichard, 1973, p. 119].

Bingee ache – муз. боль в животе [Головчинская, 1973, с. 261].

“*The shrill **cooee** she sent out echoed eerily through the close darkness*” [Palmer₂, 1975, p. 114].

Cooee – междометие, заимствованное из туземных языков и используемое как призыв к вниманию в чащобах Австралии. Туземцы произносят долгим первый слог и заканчивают его более высоким звуком [Мурат₁, 1975, с. 357].

2. Географические реалии (21,7% от общего количества примеров):

2.1. Объекты физической географии (23,1% от общего количества географических реалий):

“*From a cleared patch on the hillside she often noticed him washing for gold in the **creek** that ran through the valley*” [Marshall₃, 1975, p. 167].

Creek – «крик», ручей, небольшая река, которые наполняются водой только в период дождей [Головчинская, 1973, с. 248].

“*Tomorrow I’m off to the **bush***” [Marshall₁, 1975, p. 173].

Bush – 1. буш (большие пространства некультивированной земли в Австралии и Новой Зеландии, поросшие кустарником или деревьями до 10-12 м высотой) 2. лес (в Австралии и Новой Зеландии) 3. внутренние р-ны австралийского материка [АНЗЛС, 2001, с. 64].

“*The dogs yelped with delight and, scattering dry gum leaves and crushing through **scrub**, sped after her*” [Marshall₃, 1975, p. 168].

Scrub – 1. скраб, куст, кустарник 2. местность, на кот. произрастают невысокие деревья [АНЗЛС, 2001, с. 176].

“*The weather was dry and the little **gilgai** on which he had been depending for water had failed; could he take what he needed from my tank until rain fell?*” [Davison, 1975, p. 137].

Gilgai – абориг. гилгай, бочаг (блюдецвидное углубление в почве, образующее естественный резервуар для дождевой воды) [АНЗЛС, 2001, с. 102].

“*His eyes, **namma holes** in viscid orbits, glittered at her, as she swung his naked feet*” [Prichard, 1973, p. 49].

Namma hole (gnamma hole) – абориг. «водяная дыра» (подземная полость, образующая естественный резервуар со своей растительностью и животным миром; водоем, углубление в скале, заполненное водой) [АНЗЛС, 2001, с. 145].

“*Red haze of dust storms hid the homestead, and **winning-arras** spun, dancing in long unsteady columns from over the plains*” [Prichard, 1973, p. 98].

Winning-arra – вихрь, смерч [Причард, 1959, с. 270].

“*The **boujera** of my people lies in the far south, along the Kalgan River*” [Prichard, 1975, p. 86].

Boujera – «кормовой район» племени или локальной группы [Мурат₁, 1975, с. 361].

“*While the men were sheltering on the veranda of Mumae’s house during a **willy-willy** and thunderstorm one day, Warieda made a song about the rain*” [Prichard, 1973, p. 101].

Willy-willy – пылевой ураган [Головчинская, 1973, с. 260].

“*The **soak** we’d been getting water from, gave out*” [Prichard, 1975, p. 100–101].

Soak – углубление в почве, в кот. после дождей скапливается вода (в Западной Австралии) [АНЗЛС, 2001, с. 180].

2.2. Фауна (46,2% от общего количества географических реалий):

“*Old McShane’s selection was in the middle of the Big Scrub, twelve hundred acres of belah and brigalow, forty feet high and as thick as the hair on the heeler’s back, fair in the middle of ten thousand acres of the same class of country*” [Davison, 1975, p. 136].

Heeler – хилер (особая австралийская порода собак с густой шерстью; первоначально помесь шотландской овчарки с динго. Собаки этой породы используются как загонщики овец) [АНЗЛС, 2001, с. 110].

“*Mumae had them up to the veranda, and gave directions for wood-gathering, burning charcoal, and trapping dingoes*” [Prichard, 1973, p. 48].

Dingo – абориг. австралийская дикая собака динго [Ощепкова, 2001, с. 84].

“*Koodgeeda.*” *Coonardoo gasped. “Koodgeeda lie down here*” [Prichard, 1973, p. 115].

Koodgeeda – змея [Причард, 1959, с. 270].

“*Stars were still in the high dark, as a coolwenda called from the fringe of distant mulga*” [Prichard, 1973, p. 106].

Coolwenda – северо-западный сорокопут [Причард, 1959, с. 270].

“*She unfolded her ground-sheet, looked around to see there were no mingas and went to sleep until she heard Billy singing in the small hours*” [Prichard, 1973, p. 193].

Minga – зд. большой черный муравей [Aboriginal words of Australia, 1983, p. 105].

“*Well, we’re on holiday, and that’s how we like it. I’m interested in birds. I wanted some photographs of emus*” [Morrison, 1975, p. 195].

Ему – эму (крупная нелетающая трехпальцевая австралийская птица, родственная страусу; имеет голубую кожу на голове и шее, длинное, ниспадающее коричневое оперение; рост – до 1,8 м, вес – до 55 кг; способна не уставая пробегать большие расстояния со скоростью 60 км/ч; обитает в

степенях Австралии и Тасмании. Эму изображен на гербе Австралии) [АНЗЛС, 2001, с. 90].

*“They believe smoke caused by the men in these dances impregnates some female spirit of things which dispenses life – for birds, beasts, coolyahs, **bardis**. The abos themselves, I think”* [Prichard, 1973, p. 43].

Bardies – бардиз (съедобные личинки некоторых видов бабочек и жуков, кот. аборигены едят либо живыми, либо испеченными в золе) [АНЗЛС, 2001, с. 49].

*“He (dog) would seat close against the shed wall for an hour or two, and hump himself, and sulk, and look sick, and snarl whenever the “**Sheep-Ho**” dog passed, or a man took notice of him”* [Lawson₃, 1975, p. 30].

Sheep-Ho dog – пастушья собака, стерегущая овец [Мурат₁, 1975, с. 353].

*“The tribe had gone back to its old way of living, hunting kangaroos, snaring **bungarra** and birds while the gins husked and pounded grass seeds or dug for coolyahs”* [Prichard, 1973, p. 98].

Bungarra (bung-arrer, bungarrow) – абориг. ящерица [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 104].

*“**Wallabies** heard them coming and fled crashing and thudding from them”* [Herbert, 1975, p. 155].

Wallaby – абориг. валляби (небольшое сумчатое животное; некоторые виды его напоминают кенгуру, другие – поссума по внешнему виду и размерам) [АНЗЛС, 2001, с. 196].

*“Saints preserve us, where did them two find a hideout while that hellfire was raging! Burrowed down into the earth like **wombats**, did they?... And if one of them isn't a girl!”* [Palmer₂, 1975, p. 121].

Wombat – абориг. вомбат (крупное сумчатое животное, роющее норы и живущее в них, с короткими ногами и очень маленьким хвостом; внешне напоминает медведя) [АНЗЛС, 2001, с. 199].

“They had entered a world of tall trees, running water, **whipbirds** calling from one ferny hillside to another, and the clear nights had been nipped with cold” [Palmer₂, 1975, p. 115].

Whip bird – небольшая австралийская птица, названная так потому, что ее крик похож на свист хлыста [Мурат₁, 1975, с. 363].

“Her **joey**, nibbling at the grass some distance from her, jumped in sudden panic and made for his mother with single-purposed speed” [Marshall₃, 1975, p. 169].

Joey – детеныш, малыш (обычно кенгуру или поссума) [АНЗЛС, 2001, с. 118].

“The **does** were in haste; the **old men** were more leisured” [Marshall₃, 1975, p. 169].

Doe – самка кенгуру [АНЗЛС, 2001, с. 85].

Old man – взрослый кенгуру, самец [АНЗЛС, 2001, с. 154].

“I’ll come back, like that ... a white **cockie** ... and give you bad dreams ... guts-ache, and a pain, eating your inside out, like I’ve got. Do you hear, Meenie? Coonardoo ... you’ll live longer than she will. You’re to look after Hughie... no matter what happens ... when I’ve gone” [Prichard, 1973, p. 52].

Cockie – (сокр. от *cockatoo*) какаду (распространенный в Австралии попугай с хохлом на голове, часто имеющий белое, белое с желтым, розовым или красным оперение) [АНЗЛС, 2001, с. 73].

“Then the dog appeared, a little red **kelpi**” [Herbert, 1975, p. 155].

Kelpie (или *kelpie dog*) – австралийская овчарка с остроконечными ушами и гладкой шерстью [Мурат₁, 1975, с. 373].

“Beside the log on which they worked lay a blue **kangaroo dog**” [Marshall₃, 1975, p. 168].

Kangaroo dog – порода австралийских собак (используется для охоты на кенгуру и динго) [АНЗЛС, 2001, с. 121].

2.3. Флора (30,8% от общего количества географических реалий):

“N’goola burnt **quandongs**, mixed the black dust with grease, and rubbed it over the body” [Prichard₂, 1975, p. 90].

Quandong – туземное название нескольких разновидностей деревьев, которые приносят плоды с косточками, похожие на персики [Мурат₁, 1975, с. 62].

“On his right shoulder he carried three spears and wommera; and from his left hung a long bag of **banyan**-cord containing his big painted dijeridoo and music-sticks” [Herbert, 1975, p. 154].

Banyan – 1. абориг. баньян (название кустарника в западной Австралии, из прочной и волокнистой коры кот. аборигены плетут веревки) 2. смоковница бенгальская [АНЗЛС, 2001, с. 49].

“The **kurrajongs** in a row beside the fence had fluttering crests of light-green leaves” [Prichard, 1973, p. 117].

Kurrajong – караджонг (дерево высотой до 18 м; аборигены использовали эти деревья для изготовления веревок и палочек для добывания огня, употребляли в пищу корни и семена; это дерево часто имеет правильную пирамидальную форму и разводится в садах и парках) [АНЗЛС, 2001, с. 127].

“They believe smoke caused by the men in these dances impregnates some female spirit of things which dispenses life – for birds, beasts, **coolyahs**, bardis. The abos themselves, I think” [Prichard, 1973, p. 43].

Coolyah – разновидность сладкого дикого картофеля [Причард, 1959, с. 270].

“Trunks of gum-trees were chalk white all along the dry bed of the creek, and beyond the creek, bare and red, soared the ridge of dog-toothed hills, their lower slopes tawny with **spinifex**” [Prichard, 1973, p. 20].

Spinifex – спинифекс (остролистая колючая трава, растущая на песках и закрепляющая песчаные дюны) [АНЗЛС, 2001, с. 182].

“Drawn up amongst the **paspalum** in front of Whalleys’ shack, it looked stolen, and almost was – the third payment overdue” [White, 1975, p. 247].

Paspalum – разновидность травы, широко распространенная в Новом Южном Уэльсе, растет густыми пучками [Мурат₁, 1975, с. 382].

“A smell of sink strayed out of grey, unpainted weatherboard, to oppose the stench of crushed **boggabri** and cotton pear” [White, 1975, p. 243].

Boggabri – название сухих низкорослых кустарников [Мурат₁, 1975, с. 381].

“A couple of hundred yards away was the creacent of bathing beach with a few brown figures lying about in the sand, and behind on the sloping hillside some red-roofed houses snuggled into the **banksias**” [Palmer₃, 1975, p. 123].

Banksia – банксия (кустарник или небольшое дерево) [АНЗЛС, 2001, с. 49].

“An hour before, the sun had come lifting over the tall raws of **mountain-ash** that topped the hillside, sucking up the dews of the creek-bed and making the spiders’ webs between the ferns shine like silver” [Palmer₂, 1975, p. 114].

Mountain-ash – эвкалипт (в основном используется для *Eucalyptus regnas*, но может обозначать и другие виды эвкалиптов, растущих в горах) [АНЗЛС, 2001, с. 142].

“Stars were still in the high dark, as a coolwenda called from the fringe of distant **mulga**” [Prichard, 1973, p. 106].

Mulga – 1. малга (название используется для обозначения нескольких разновидностей растений рода *Acacia*, произрастающих в центральных р-нах Австралии; чаще всего так называют кустарник ли дерево *Acacia aneura* с серо-зеленой листвой и коричневой древесиной) 2. буш, дикая местность 3. щит аборигена [АНЗЛС, 2001, с. 143].

“Old McShane’s selection was in the middle of the Big Scrub, twelve hundred acres of **belah** and **brigalow**, forty feet high and as thick as the hair on the heeler’s back, fair in the middle of ten thousand acres of the same class of country” [Davison, 1975, p. 136].

Belah – абориг. казуарина (*Casuarina cristata*; дерево; широко распространено в восточной Австралии, в р-нах с сухим умеренным климатом) [АНЗЛС, 2001, с. 52].

Brigalow – абориг. бригалуу (*Acacia harpophylla*; разновидность акации, древесина кот. используется аборигенами для изготовления копий, бумерангов, боевых дубинок и т.п.) [АНЗЛС, 2001, с. 61]

3. Ономастические реалии (43,9% от общего количества примеров):

3.1. Антропонимы (26,6% от общего количества ономастических реалий):

“*Gordon and I are both romantics, and the old man was giving us something we had been wanting ever since leaving Melbourne. A whiff of the fast-vanishing Australia of **Lawson** and **Furphy**, the Australia of wagons and bullocks and horsemen, of blade shears and billy and broad axe*” [Morrison, 1975, p. 196].

“*Wanna, Mick, **Bardi** and **Coonardoo** were there to see him drive away; **Joey Koonarra**, as well as **Bandogera**, **Bardi’s Polly**, **Pinja** and old **Gnardadu**, grandmother of the tribe*” [Prichard, 1973, p. 24].

“*Bill Doherty and Speck O’Brien were old mates*” [Prichard, 1975, p. 100].

“*N’goola burnt quandongs, mixed the black dust with grease, and rubbed it over the body*” [Prichard₂, 1975, p. 90].

“*Kaijek gave his spears and bag to Ninyul, but retained the wommera*” [Herbert, 1975, p. 156].

“*In the evening when **Gwelnit** returned from work on the run or in the stockyards, he would find **Mittoon** squatted on the ground outside the wurley. Inside, the baby wailed fretfully*” [Prichard₂, 1975, p. 88].

“*So the **Great White Chief** made marks on a paper, nodding slowly, with a gentle smile, and **Wunga** walked out into the sunshine with his head held high, back up the Telegraph Line to tell the Old Men of his triumph*” [Hatfield, 1975, p. 133].

“The trouble between **Bill Lawton** and **Jim Sparrow** was that the former knew the weakness of his mate” [Casey, 1975, p. 220].

“And for this he took young **Wirrindidga**, called by the white men **Billismith**, who had been taken down south to school and taught to read the paper talk, and had been given clothes like white men, to live in their house and to do their work among their horses, he being small and light and impossible to throw by the fiercest horse” [Hatfield, 1975, p. 132].

3.2. Топонимы (73,4% от общего количества ономастических реалий):

“We’d come up from Melbourne through **Bendigo**, **Wedderburn** and **Ouyen**, crossed the border at **Robinvale**, cut north to a place called **Lette**, and followed what is known as the **Prungle Mail Route**, through **Bramah** and **Bruno Stations**, back to the **Murray River Highway** a few miles out of **Balranald**” [Morrison, 1975, p. 192].

“They knocked about the Nor’-West a long time together, droving and carting from the coast to stations and scattered mining settlements along the **Ashburton**, the **Fortescue** and the **De Grey**” [Prichard, 1973, p. 27].

“**Deniliquin?**” Gordon smiled with quickened interest. “I classed around there many years ago – **Wanganella**, **Murgha**, **Baratta**...” [Morrison, 1975, p. 195].

“We’d been out three months, prospectin’ in the **Fraser Range**, and tucker was getting’ low. Reckoned we’d be back in **Coolgardie** for Christmas” [Prichard, 1975, p. 100].

“The milli-millis passed from **Wyaliba** to **Nuniewarra**, from **Nuniewarra** to **Illigoogee** and **Five Rivers**; as far as **Britte-Britte**, the **Gap** and along the **Tomorrow ranges**” [Prichard, 1973, p. 36].

“Out behind them is the line of blue hills; in front is the famous **Bakery Hill**, and down to the left **Golden Point**” [Lawson₁, 1975, p. 36].

“Up over long blue ocean ridges, down into long blue ocean gullies; on to lands so new, and yet so old, where above the sunny glow of the southern skies blazed the skinning names of **Ballarat!** And **Bendigo!**” [Lawson₁, 1975, p. 36].

“*He was a good lad, young Tom, a miner, and at a loose end when the **Flash-in-the-Pan** closed down, just after he had fixed up for his wedding*” [Prichard₁, 1975, p. 100].

Остальные топонимы, используемые в исследовании: *Nulligine, Lake Way, Walhalla, Sleeping River, Wilgatown, Bourke, Roebourne, Echuca, Moulamein, Quiremong, Fremantle, Murrumbidgee, Derry, Carbine, Baw-Baws, Kingarri, Karrara, Riverina, Turalla, Barranugli, Eureka, Homebush, Golden Gully, Salt Lakes, the Dog Toothed Ridge, the Fifty Mile, Weelarra Gap, the Gidgee Well, the Big Scrub.*

Необходимо отметить, что в отличие от общеизвестных австралийских географических названий (наименования крупных городов, штатов и уникальных природных объектов, например, Мельбурн, Сидней, Канберра, Новый Южный Уэльс, Большой Барьерный Риф и т.д.), многие австралийские топонимы не всегда представлены в официальных русскоязычных источниках. Кроме того, в произведениях австралийских писателей часто встречаются так называемые *микротопонимы*, т.е. названия, имеющие узкую сферу употребления и известные небольшому кругу людей (названия шахт, месторождений золота, небольших городов и населенных пунктов, природных объектов и т.д.) [Писковец₁, 2014, с. 160]. Подобные локальные топонимы часто также не имеют сложившихся соответствий в русском языке.

3.1.2. Способы передачи реалий в художественной литературе

В современной теории перевода огромное внимание уделяется проблеме межъязыковой передачи реалий. Указанному вопросу посвящены работы следующих исследователей: М.Л.Алексеевой [Алексеева, 2010], Л.С.Бархударова [Бархударов, 2013], В.С.Виноградова [Виноградов, 1978], С.И.Влахова, С.П.Флорина [Влахов, Флорин, 2012], Р.А.Галиной [Галина,

2005], Ю.А.Зеленковой [Зеленкова, 2004], С.П.Смылова [Смыслов, 2012], Н.В.Тимко [Тимко, 2007], Л.Ю.Титовой [Титова, 2005] А.В.Федорова [Федоров, 2002], Н.А.Фененко [Фененко, 2001], А.Б.Юрьева [Юрьев, 2007] и др.

Поскольку классификации приемов передачи реалий хорошо разработаны как отечественными, так и зарубежными учеными и широко применяются в научных исследованиях, мы посчитали целесообразным не останавливаться на каждой из них. В представленной диссертации мы будем опираться на классификацию переводческих приемов, разработанную болгарскими переводчиками С.И.Влаховым и С.П.Флориным, поскольку, на наш взгляд, именно она наиболее полно отвечает целям и задачам нашей работы. Авторы пособия «Непереводимое в переводе» предлагают следующую классификацию способов передачи реалий:

1. Транскрипция (и транслитерация)
2. Перевод (замена)
 - 1) Неологизм:
 - а) калька
 - б) полукалька
 - в) освоение
 - г) семантический неологизм
 - 2) Замена реалий
 - 3) Приблизительный перевод:
 - а) родовидовая замена
 - б) функциональный аналог
 - в) описание, объяснение, толкование
 - 4) Контекстуальный перевод [Влахов, Флорин, 2012, с. 95].

Последовательно рассмотрим каждый переводческий прием. Примеры в данном разделе приводятся по следующим источникам: [БАРС АВВУУ Lingvo, 2010], [БНРС, 2007], [БСАРРА, 2001], [Булыко, 2011], [БФРС АВВУУ Lingvo, 2010].

Из приведенной классификации видно, что С.И.Влахов и С.П.Флорин предлагают разграничивать транскрипцию от собственно перевода (замены).

1. **Транскрипция** представляет собой передачу фонетического облика слова графическими средствами языка перевода с сохранением звуковой близости к подлиннику. В случае отсутствия в языке перевода букв, передающих звуки языка оригинала, принято использовать ближайшие по фонетической окраске звуки. Например, английские звуки [ð], [θ], обозначаемые сочетанием букв *th* и не имеющие аналогов в русскоязычной графической системе, передаются при помощи букв *т*, *д* или в редких случаях *с* (*Galsworthy* – *Голсуорси*). Транскрипция позволяет передать колорит иноязычного слова, однако этот прием имеет ряд ограничений и при ошибочном или чрезмерном употреблении может привести к затруднению понимания читателем слова или текста.

В советском переводоведении термины транскрипция и транслитерация нередко употреблялись как синонимы, однако они обладают существенными различиями. Так, *транслитерация* представляет собой передачу графической формы слова средствами языка перевода. Как правило, этот прием употребляется по традиции, «при ошибочном прочтении соответствующего слова» [Влахов, Флорин, 2012, с. 89]. Кроме того, использование транслитерации нередко приводит к тому, что в языке, на который делается перевод, закрепляется фонетически неверный вариант слова. Например, перевод *томагавк* (название боевого топора североамериканских индейцев *tomahawk*) закрепился в русском языке вместо верного с точки зрения английской фонетики *томахок*. Таким образом, транслитерация «иногда до неузнаваемости искажает имя, затрудняет и переводчика, и читателя» [Влахов, Флорин, 2012, с. 236].

В своих работах Л.С.Бархударов отмечает, что «строгое разграничение транскрипции и транслитерации на практике проводится редко; обычно имеет место сочетание обоих приемов» [Бархударов, 2013, с. 177]. Как правило,

транскрипция и транслитерация применяются при межъязыковой передаче имен собственных, географических названий, наименований организаций, компаний, фирм, периодических изданий, архитектурных памятников и др. Эти способы находят широкое применение в публицистической и общественно-политической литературе. Например, аутсайдер (*outsider*), бонус (*bonus*), коворкинг (*co-working*), дауншифтинг (*downshifting*), флешмоб (*flash mob*), холдинг (*holding*), паттерн (*pattern*), рейтинг (*rating*), стартап (*start-up*), тренд (*trend*) и т.д. Поскольку ни транскрипция, ни транслитерация часто не могут полностью раскрыть значение лексической единицы, их употребление при переводе весьма ограничено.

2. К собственно **переводу** или **замене** переводчики прибегают в том случае, когда применение транскрипции или транслитерации по тем или иным причинам нежелательно или невозможно.

1) Одним из самых употребительных приемов передачи реалий можно считать введение *неологизма* в текст перевода. Рассмотрим варианты таких неологизмов:

а) Кальки, представляющие собой буквальный перевод слова: нем. *Halbinsel* – рус. полуостров; фр. *bienetre* – рус. благосостояние; англ. *skyscraper* – рус. небоскреб, нем. *Wolkenkratzer*; англ. *semiconductor* – рус. полупроводник.

б) Полукальки или заимствования, состоящие из слова на языке перевода и транскрибированного слова на языке оригинала: англ. *workaholic* – рус. *трудоголик*; англ. *television* – рус. телевидение; англ. *antibody*, фр. *anticorps* – рус. антитело; англ. *express-service* – рус. экспресс-служба.

в) Освоение или адаптация иностранного слова в языке перевода: англ. *Google* – рус. гуглить; англ. *hedge* (страховка) – рус. хеджирование; лат. *creatio*, англ. *creative* – рус. креативный; фр. *inclusif*, англ. *inclusive* – рус. инклюзивный.

г) Семантический неологизм или новое слово, предлагаемое переводчиком и позволяющее точнее передать содержание реалии.

С.И.Влахов и С.П.Флорин отмечают, что создание неологизма позволяет сохранить содержание подлинника, а также колорит переводимого иностранного слова. Однако недостатком этого приема можно считать тот факт, что новые слова, созданные подобным образом, не всегда закрепляются в лексической системе языка перевода, поскольку «творцом языка является народ и очень редко – отдельный автор» [Влахов, Флорин, 2012, с. 92].

2) *Замена реалии реалией языка перевода* заключается в использовании в переводе более близкой и понятной читателю лексической единицы. В этом случае неизбежно наблюдается утрата колорита реалии.

3) Одним из наиболее распространенных способов перевода можно считать *приблизительный перевод*, передающий исключительно предметное содержание реалии без сохранения ее национального своеобразия. К этой категории относятся принцип родовидовой замены, функциональный аналог и описание:

а) Принцип *родовидовой замены* или генерализации состоит в замещении более частного более общим и позволяет передать приблизительное содержание лексической единицы. В качестве примеров можно привести варианты замены слов *изба, хата, сакля, коттедж, барак, юрта, вигвам* более нейтральным словом *дом*.

б) *Функциональный аналог* предполагает введение понятия более понятного читателю. Такой подход возможен лишь в случае, когда для понимания текста важен не сам предмет, а его значение (например, меры веса, длины, объема).

в) *Описание* (объяснение, толкование) реалии заключается в передаче значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний ПЯ, позволяющих разъяснить содержание явления, обозначаемого данной лексической единицей. Приведем примеры описательного перевода австралийской безэквивалентной лексики на русский язык:

Australian salute – «приветствие по-австралийски» (приветствие небрежным жестом поднятой вверх руки, как бы отгоняющей мух) [АНЗЛС, 2001, с. 43];

Shark patrol plane – самолет, облетающий прибрежную зону океана и следящий за появлением акул близко от берега [АНЗЛС, 2001, с. 178].

Следует отметить, что описательный перевод несомненно раскрывает значение исходного иноязычного слова, однако часто оказывается весьма громоздким, поэтому применение этого способа при переводе художественной литературы не всегда оправданно.

5) Контекстуальный перевод используется в том случае, если значение слова, употребленного в оригинальном контексте, расходится со значением, обозначенным в словарной статье. Таким образом, в контексте данная лексическая единица приобретает иной смысл.

3.1.3. Выбор способа передачи реалий в художественной литературе

Как было указано выше, при передаче реалий важно, в первую очередь, сделать выбор между транскрипцией и переводом. Болгарские переводчики С.И.Влахов и С.П.Флорин отмечают, что этот выбор определяют следующие факторы [Влахов, Флорин, 2012, с. 96–105]:

1. Характер текста.

В этом случае выбор способа передачи реалий зависит от жанровых особенностей соответствующей литературы, например, является ли произведение рассказом или романом. В каждом отдельном случае решение будет сильно отличаться. Так, употребление транскрипции и громоздких пояснений в произведении для детей является нежелательным, в то время как в научно-популярной литературе исчерпывающие комментарии отвечают ее познавательной направленности. Как правило, к транскрипции реалий

прибегают при переводе авторских описаний и рассуждений, и, наоборот, для передачи реалий в прямой речи и диалогах рекомендовано применять альтернативные средства перевода.

2. Значимость реалии в контексте.

Выбор приема передачи реалии зависит также от ее колорита и степени «смысловой нагрузки» [Влахов, Флорин, 2012, с. 97]. В этой связи реалии принято разграничивать на «свои» и «чужие». Как правило, автор так или иначе раскрывает содержание «чужой» реалии, т.е. она уже выделена в тексте подлинника и редко представляет какие-либо сложности для переводчика. «Свои» же реалии, которые представляют собой «исконные слова» языка подлинника [Там же. С. 62], вызывают трудности как в распознавании, так и в выборе способа передачи. В отношении «своей» реалии транскрипция применима, только в случае, когда реалия «так или иначе стоит на виду или является носителем более интенсивной семантической нагрузки» [Там же. С. 98]. Транскрибируя же менее значимую реалию, переводчик рискует сосредоточить внимание читателя на малозначительной детали оригинального текста в ущерб и замыслу автора, и главной коммуникативной задаче перевода. Кроме того, чрезмерное применение транскрипции нередко приводит к злоупотреблению иностранными словами в тексте перевода.

3. Характер реалии.

Особенности реалии в лексических системах соответствующих языков во многом определяют выбор между транскрипцией и переводом. В этом случае выбор зависит от того, насколько данная реалия знакома носителям языка перевода. Так, локальные и региональные реалии, не зафиксированные в словарях языка перевода, но выделенные при этом в тексте автором подлинника, принято транскрибировать. В этой связи следует упомянуть также и те реалии, которые транскрибируются по традиции, несмотря на наличие полноценных эквивалентов в других языках.

4. Особенности ИЯ и ПЯ.

Выбор между транскрипцией и переводом зависит от грамматических и словообразовательных особенностей ИЯ и ПЯ, а также их традиций в отношении реалий. Так, поскольку большинство реалий – существительные, «очень редко встречаются транскрибированные слова, принадлежащие к другим частям речи» [Влахов, Флорин, 2012, с. 102]. При передаче реалий необходимо стремиться к максимальной сжатости и лаконичности, поэтому именно транскрипция является наиболее предпочтительным средством, применяемым для перевода. Следует отметить, что лаконичность реалии также в большей степени зависит и от возможностей языка перевода кратко выразить то или иное понятие. Кроме того, по наблюдениям С.И.Влахова и С.П.Флорина, «чаще транскрибировать склонны переводчики с родного языка на иностранный, а также «двухязычные» переводчики, в том числе и обжившиеся в стране ИЯ» [Там же. С. 104].

5. Читатель перевода.

Коммуникативная цель перевода не может считаться достигнутой в случаях, если транскрибированные в переводном тексте слова остались непонятны читателю или же утрачен национальный колорит реалии в результате ее ошибочной передачи. Переводчик является посредником между автором оригинального произведения и читателем перевода, поэтому, «зная описываемую действительность, умея взглянуть на нее глазами читателя подлинника, с одной стороны, а с другой, зная своего читателя, переводчик должен уметь себе представить, как он примет ту или иную реалию и примет ли, а если не примет, то уметь подобрать адекватные средства для ее перевыражения» [Влахов, Флорин, 2012, с. 105].

При выборе способа передачи реалии важно также учитывать место реалии в контексте, т.е. способ подачи реалии автором оригинала, а также те средства, которые он использует, чтобы раскрыть семантическое и коннотативное содержание реалии. В этой связи С.И.Влахов и С.П.Флорин

выделяют следующие способы осмысления реалии в контексте [Влахов, Флорин, 2012, с. 86–87]:

1. Выделение реалии в тексте при помощи курсива, кавычек и т.д. В некоторых случаях сохраняется оригинальное написание реалии (например, латиницей), что приравнивает реалию к иноязычному вкраплению. Такой прием позволяет лишь привлечь внимание к реалии, и недостаточен для того, чтобы разъяснить значение лексической единицы для читателя;

2. Уточнение содержания реалии;

3. Добавление к реалии нейтрального синонима или родового понятия в качестве приложения;

4. Объяснение реалии в самом контексте;

5. Объяснение в сноске, в случае если контекст не позволяет привести пояснение в непосредственной близости с реалией (прямая речь и т.д.) или если необходимо более подробное толкование;

6. Пояснение реалии в комментарии, глоссариях, специальных списках в конце книги (части, главы). Подобный способ значительно затрудняет чтение, вынуждая читателя отрывать от повествования и искать значение незнакомого слова в другом месте. Следует заметить, что в последнее время этот прием используется все реже.

3.1.4. Способы передачи реалий в переводах произведений австралийской художественной литературы на русский язык

Как уже упоминалось выше, в данном исследовании мы будем опираться на классификацию переводческих приемов, разработанную болгарскими исследователями С.П.Влаховым и С.И.Флориным [Влахов, Флорин, 2012, с. 95]. Однако ввиду специфики исследуемого нами материала мы также вводим дополнительный рабочий термин «компромиссный перевод», который в

данном исследовании обозначает техническую реализацию сочетания транскрипции и транслитерации для передачи лексической единицы. При передаче реалий из проанализированных нами австралийских художественных текстов переводчики прибегали к следующим приемам: транскрипция, транслитерация, компромиссный перевод, калькирование, полужалка, описательный перевод, генерализация, создание функционального аналога и контекстуальный перевод. Поскольку мы рассматривали преимущественно единичные переводы произведений разных австралийских писателей, мы приняли решение анализировать примеры передачи реалий согласно используемому в каждом конкретном примере способу перевода, объединяя предложения в соответствующие группы («транскрипция», «транслитерация», «компромиссный перевод», «калькирование», «полужалка», «описательный перевод», «генерализация», «функциональный аналог», «контекстуальный перевод»). Кроме того, в ходе распределения примеров по указанному принципу мы учитывали также лексико-тематические группы, к которым принадлежат переводимые реалии (подробнее см. раздел 3.1.). Данный подход позволил выявить переводческие тенденции при передаче разных типов австралийских реалий, выбранных для исследования. В ходе сопоставительного анализа австралийских художественных текстов и их переводов на русский язык мы также обнаружили случаи передачи реалий при помощи комбинации одного из вышеуказанных приемов перевода с добавлением пояснения внутри текста. Эти примеры приводятся отдельно, поскольку демонстрируют сочетание двух переводческих приемов.

Последовательно рассмотрим каждую группу примеров.

Транскрипция является одним из наиболее эффективных приемов с точки зрения передачи национального колорита, поскольку способствует сохранению исходной формы слова. При помощи транскрипции в австралийских художественных текстах были переданы в основном ономастические реалии и некоторое число этнографических и географических

реалий. Достоинством транскрипции является тот факт, что она позволяет читателю перевода получить верное представление об особенностях произношения той или иной лексической единицы. К недостаткам этого способа можно отнести неизбежную потерю смыслового содержания. Приведем примеры:

1. Использование транскрипции при передаче ономастических реалий:

Данным способом переданы многие имена литературных героев (в том числе туземного происхождения):

1) “*Gordon and I are both romantics, and the old man was giving us something we had been wanting ever since leaving Melbourne. A whiff of the fast-vanishing Australia of **Lawson** and **Furphy**, the Australia of wagons and bullocks and horsemen, of blade shears and billy and broad axe*” [Morrison, 1975, p. 196]. «Мы с Гордоном романтики, и всю дорогу от самого Мельбурна мы мечтали встретить то, чем повеяло от этого человека, – это была старая, быстро исчезающая Австралия **Лоусона** и **Ферфи**, Австралия фургонов, воловьих запряжек и всадников, простых ножниц для стрижки овец, жестяных котелков и тяжелых топоров» [Моррисон, 1958, с. 396].

Отметим, что имена *Lawson* и *Furphy* не являются вымышленными. В этом примере речь идет об известных австралийских писателях Генри Лоусоне (1867 – 1922) и Джозефе Фёрфи (1843 – 1912).

2) “*The trouble between **Bill Lawton** and **Jim Sparrow** was that the former knew the weakness of his mate*” [Casey, 1975, p. 220]. «Все недоразумения между **Биллом Лоутоном** и **Джимом Спэрроу** пошли с тех пор, как Билл узнал слабое место своего напарника» [Кейси, 1957, с. 135].

3) “*Wanna, Mick, Bardi and **Coonardoo** were there to see him drive away; **Joey Koonarra**, as well as **Bandogera**, **Bardi’s Polly**, **Pinja** and old **Gnardadu**, grandmother of the tribe*” [Prichard, 1973, p. 24]. «Вана, Мик, Барди и **Кунарду** пришли его проводить. Пришел и **Джои Кунарра**, и **Бандогера**, и **Пинья**, и старая Гнардаду – старшая в роде» [Причард, 1959, с. 23].

4) “*N’goola burnt quandongs, mixed the black dust with grease, and rubbed it over the body*” [Prichard₂, 1975, p. 90]. «**Нгула** сожгла косточки дикой вишни, смешала черный пепел с грязью и натерла этой массой свое тело» [Причард₁, 1958, с. 165].

5) “*Kaijek gave his spears and bag to Ninyul, but retained the wommera*” [Herbert, 1975, p. 156]. «**Кайек** передал **Ниньюл** свои копья и мешок, но оставил себе воммеру» [Герберт, 1958, с. 291].

6) “*So the Great White Chief made marks on a paper, nodding slowly, with a gentle smile, and Wunga walked out into the sunshine with his head held high, back up the Telegraph Line to tell the Old Men of his triumph*” [Hatfield, 1975, p. 133]. «И Великий Белый Вождь, медленно кивая и приятно улыбаясь, сделал значки на бумаге, и **Ванга** вышел под палящее солнце с гордо поднятой головой; он пошел обратно вдоль Телеграфных Столбов сообщить старейшинам о своей победе» [Хэтфилд, 1957, с. 145].

Чаще всего транскрипция применялась переводчиками для передачи топонимов:

7) “*They had been prospecting for thirty years. Rattled a shaker on rushes as far north as Nullagine and away east of Lake Way*” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Тридцать лет они занимались разведкой, трясли грохот на всех приисках от **Налладжайна** на севере до **Лейк-Уэя** на востоке» [Причард, 1957, с. 56].

8) “*It had been cool and dewy all the way from Walhalla*” [Palmer₂, 1975, p. 115]. «Всю дорогу от **Уолхаллы** было прохладно и сыро» [Палмер, 1958, с. 230].

9) “*But Speck fancied the shingly ridges and wide blue-grey plains south of Sleeping River and the Salt Lakes*” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Но Крупинка мечтал о каменистых кряжах и серо-голубых степях к югу от **Слипинг-Ривер** и Соленых озер» [Причард₂, 1958, с. 203].

10) “*The up-train from Wilgatown had arrived, discharged mail and passengers, and the engine was fussing about, pushing trucks up to the shed and*

carriages over on to the shunting tracks” [Davison, 1975, p. 139]. «Поезд из **Уилгатауна** только что подошел, выгрузил почту и пассажиров, и теперь паровоз сновал взад и вперед, подталкивая к складу товарные платформы, перегоняя вагоны на запасные пути» [Дэвисон, 1958, с. 251].

11) “*I wouldn’t a’ minded so much only they’ll think me a flash man in Bourke with that theer darg trimmed up like that!*” [Lawson₃, 1975, p. 32]. «Я бы не обиделся, да только боялся, что из-за этой стриженной собаки меня в **Берке** примут за чертова франта» [Лоусон₂, 1958, с. 94].

12) “*I know, down Melbourne way. But that’s no good to me. I never could stand Victoria. I’ve only been south of Echuca twice in my life*” [Morrison, 1975, p. 196]. « – Я знаю, там, поближе к Мельбурну. Это не по мне. Терпеть не могу Викторию. Я только два раза в жизни заходил дальше **Ичуки**» [Моррисон, 1958, с. 397].

13) “*We reckoned we’d struck a golden hole all right – another Derry or Carbine*” [Prichard₁, 1975, p. 101]. «Мы поняли, что нашли настоящее золотое дно, второй **Дерри** или **Карбайн**» [Причард₂, 1958, с. 205].

14) “*Deniliquin?*” Gordon smiled with quickened interest. “*I classed around there many years ago – Wanganella, Murgha, Baratta...*” [Morrison, 1975, p. 195]. « – Из Дениликуина? Давным-давно я сортировал шерсть в тех краях – в **Уонганелле, Мэрге, Баратте...**» [Моррисон, 1958, с. 395].

15) “*Last time I saw Colin he had a stand next to me on Quiremong*” [Morrison, 1975, p. 196]. «В последний раз мы повстречались с Колином на **Куайрмонге** – стоянки у нас были рядом» [Моррисон, 1958, с. 396].

16) “*From there she would get a mail-car to the coast and go down to Fremantle by boat*” [Prichard, 1973, p. 49]. «Оттуда почтовый фургон доставит ее на побережье, где она сядет на пароход, идущий во **Фримантл**» [Причард, 1959, с. 53].

17) “*The milli-millis passed from Wyaliba to Nuniewarra, from Nuniewarra to Illigoogie and Five Rivers; as far as Britte-Britte, the Gap and along the To-*

Morrow ranges” [Prichard, 1973, p. 36]. «Милли-милли передавались из Вайталибы в Нуниеварру, из Нуниеварры – в **Иллигуги** и Пять Ручьев, а оттуда еще дальше – в Бритте-Бритте, и за Перевал, и по всему горному кряжу Прости-Прощай» [Причард, 1959, с. 37].

18) “*We’d been out three months, prospectin’ in the Fraser Range, and tucker was getting’ low. Reckoned we’d be back in **Coolgardie** for Christmas*” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Мы три месяца вели разведку в Фрэзер-Рейндж, и припасы были на исходе. Думали, что к Рождеству вернемся в **Кулгарди**» [Причард, 1957, с. 56].

19) “*Out behind them is the line of blue hills; in front is the famous **Bakery Hill**, and down to the left Golden Point*” [Lawson₁, 1975, p. 36]. «Позади тянется гряда голубых холмов; впереди знаменитый **Бейкери Хилл**, а внизу налево покинутый прииск Голден Пойнт» [Лоусон, 1976, с. 30].

20) “*They had a bit of a place at **Moulamein***” [Morrison, 1975, p.195]. «Домик у них был около **Мауламейна**» [Моррисон, 1958, с. 395].

21) “*A schoolteacher in **Roebourne**, she had taken up with Ted and gone off droving with him*” [Prichard, 1973, p. 27]. «Она была школьной учительницей в **Роборне**, когда встретилась с Тэдом» [Причард, 1959, с. 26].

22) “*We’d come up from Melbourne through Bendigo, **Wedderburn** and **Ouyen**, crossed the border at **Robinvale**, cut north to a place called Lette, and followed what is known as the Prungle Mail Route, through Bramah and Bruno Stations, back to the Murray River Highway a few miles out of Balranald*” [Morrison, 1975, p. 192]. «Мы проехали из Мельбурна через Бендиго, **Уэддерберн** и **Уйен**, пересекли границу штата у **Робинвейла**, свернули на север к городку под названием Летт и через скотоводческие станции Брамо и Бруно по так называемой Прюнгльской почтовой дороге, в нескольких милях от города Балраналда, снова выехали на Мюррейское шоссе» [Моррисон, 1958, с. 391–392].

2. Использование транскрипции при передаче этнографических реалий:

1) “*I am a man of the **Wabarrie** tribe, waich bronga*” [Prichard₂, 1975, p. 86]. « – Я из племени **Уабарри**, наш тотем – эму» [Причард₁, 1958, с. 161].

2) “*Fat little Ninyul, puffing at his heels, bore the bulk of their belongings – **swag** balanced on her curly head, big grass dillybag hanging from a brow-strap down her back, tommy-axe and yamsticks in a sugar-bag slung on her left shoulder, and fire-stick and billy in her right hand*” [Herbert, 1975, p. 154]. «Она тащила все остальные пожитки – на ее курчавой голове покачивался **свэг**, за спиной была привязана большая корзина из тростника, топорик и клубни ямса лежали в мешке, перекинутом через левое плечо, а в правой руке она несла котелок и огниво» [Герберт, 1957, с. 128].

3) “*When pursued by **swagmen** or rams Joe ran with great resolution, his half-mast pants flapping just below the knees, the chewed tie of his sailor-jacket pressed flat against his chest*” [Marshall₂, 1975, p. 160]. «Спасаясь от **свэгменов** и баранов, Джо бежал с такой прытью, что его короткие штаны сползли с живота и трепыхались ниже колен, а изжеванный галстук матроски словно прилипал к груди» [Маршалл, 1957, с. 260].

Следует отметить, что переводчики нередко использовали транскрипцию для передачи слов-реалий, заимствованных из языков аборигенов. В переводе на русский язык значение этих лексических единиц без соответствующего комментария не всегда ясно из контекста:

4) “*On his right shoulder he carried three spears and **wommera**; and from his left hung a long bag of banyan-cord containing his big painted **dijeridoo** and music-sticks*” [Herbert, 1975, p. 154]. «На правом плече он нес три копья и **вумеру**, на левом висела плетенная из лыка длинная сумка, в которой лежал его разрисованный **дижериду** и ударные палочки» [Герберт, 1957, с. 128].

5) “*As her wide fleshy nostrils dilated, she thought of how lesser songmen always came to him during **corroborees** to have him rub them with his sweat*”

[Herbert, 1975, p. 154]. «Ее широкие мясистые ноздри расширились, и она подумала о том, как менее знаменитые певцы приходят к Кайеку во время **корроборри**, чтобы он натер их своим потом» [Герберт, 1958, с. 289].

б) “*Coonardoo set her boy in the **coolamon** she had scooped with sharp stones from the elbow of a river gum and took him to sleep beside her grandmother, warning her, as she laid a leafy branch over the child, not to delay bringing him to the house when he wakened and cried for another meal*” [Prichard, 1973, p. 108]. «Кунарду уложила мальчика в **кулеман**, который она сама острыми камнями выдолбила из куска эвкалипта, и отнесла кулеман к бабушке, прикрыв его зеленой веткой. Она предупредила Пинью, чтобы та сейчас же пришла с ребенком к дому, как только тот, проголодавшись, проснется и заплачет» [Причард, 1959, с. 116].

Этнографические реалии в австралийской художественной литературе служат средством создания неповторимого и самобытного колорита. Очевидно, что применение транскрипции при передаче этнографических реалий способствует сохранению их национального колорита, однако неизбежно приводит к потере смыслового содержания. Часто о приблизительном значении реалии можно догадаться благодаря контексту, однако встречаются и такие случаи, когда без соответствующего комментария содержание реалии остается нераскрытым. По этой причине обращает на себя внимание роман К.С. Причард «Кунарду», в котором автор приводит в конце книги словарь туземных слов (“*Glossary of Native Words*”) [Prichard, 1973, p. 243–244]. Данный словарь был воспроизведен и в переводном тексте под следующим наименованием: «Список туземных слов, встречающихся в тексте» [Причард, 1959, с. 270–271]. Несмотря на то, что комментарий в конце книги позволяет не утяжелять переводной текст пояснениями, такой подход все же вызывает ряд неудобств, вынуждая читателя отвлекаться от текста, чтобы найти соответствующее значение в конце книги. Следует также отметить, что в этот словарь вошли далеко не все реалии из племенных языков, встречающиеся в тексте. Здесь и далее в других группах

вместе с примерами из романа «Кунарду» будут приведены соответствующие комментарии из указанного словаря.

6) “*How terrified she had been when a **cooboo**, round-eyed and sleepy, she had first seen the **narlu corroboree**” [Prichard, 1973, p. 37]. «Когда-то, когда она была еще совсем крошечным большеглазым **кубу**, ее, полусонную, до смерти напугала обрядовая пляска **нарлу**» [Причард, 1959, с. 38].*

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Coboo – *baby* [Prichard, 1973, p. 243].

Narlu – *evil spirit* [Prichard, 1973, p. 244].

Кубу – маленький ребенок [Причард, 1959, с. 270].

Нарлу – злой дух [Причард, 1959, с. 271].

7) “*But Warieda, who made songs which Coonardoo said the **jinki** told him; Warieda who understood and talked like a white man – High was going to miss him as much as anybody*” [Prichard, 1973, p. 168]. «Но Вариеда умел складывать песни, – как уверяла Кунарду, этому его научили **джинки**; Вариеда, который говорил совсем как белый, и все понимал, как белый...Хью знал, что будет сильно тосковать по нем» [Причард, 1959, с. 181].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Jinky – *spirit* [Prichard, 1973, p. 243].

Джинки – дух [Причард, 1959, с. 270].

8) “*The **mopping-garra** came from Nuniewarra, and milli-millis sent before Mumae died to tribes within hundreds of miles, brought a great gathering along the creek, at the time the white people on all the stations were pink-eyeing too, after their fashion, eating, drinking, singing and giving each other presents*” [Prichard, 1973, p. 100]. «**Моппин-гарра** приехал из Нуниеварры, и милли-милли, разосланные племенами на сотни мили вокруг еще до смерти Мамаи, собрали у ручья множество туземцев в то время, когда и белые люди на всех фермах отмечали свой праздник – пили, ели, пели песни и дарили друг другу подарки» [Причард, 1959, с. 108].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Mopping-garra, movin-garra – magician [Prichard, 1973, p. 244].

Моппин-гарра, мувин-гарра – колдун [Причард, 1959, с. 271].

9) “*She had to go to the **kala miah**, or uloo, at Wytaliba, and Mollie decided that was one rule of Mrs. Bessie’s she would always enforce*” [Prichard, 1973, p. 126]. «Когда Царица Савская приезжала в Вайталибу, она ночевала в **кала-миа** или в улу, и Молли решила: этого распоряжения миссис Бесси она ни за что не отменит» [Причард, 1959, с. 135].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Kala-miah – wood-heap [Prichard, 1973, p. 243].

Кала-миа – дровяной сарай [Причард, 1959, с. 270].

10) “*The men who were **nuba**, or **noova**, to her might never touch her; but they were permissible husbands in case of the death, or absence of the man to whom her father had given her*” [Prichard, 1973, p. 41]. «У девушки могли быть так называемые **нуба** или **нува**, которые вовсе не были с ней как-то связаны, но в случае смерти или исчезновения того, кому отец девушки предназначил ее в жены, стать ее мужем мог лишь кто-нибудь из их числа» [Причард, 1959, с. 42].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Noova, nuba – (potential husband) lover [Prichard, 1973, p. 244].

Нува, нуба – мужчина, с которым разрешен брак [Причард, 1959, с. 271].

3. Использование транскрипции при передаче географических реалий:

Следующие примеры также взяты из романа К.С. Причард «Кунарду». Следует отметить, что не все географические реалии в романе дополнены комментарием:

1) “*They believe smoke caused by the men in these dances impregnates some female spirit of things which dispenses life – for birds, beasts, **coolyahs**, **bardis**. The **abos** themselves, I think*” [Prichard, 1973, p. 43]. «Они верят, что во время этих плясок дым от разожженного мужчинами костра проникает в женское начало

всех вещей, и дает жизнь всему – птицам, животным, **кулья**, барди... Да и людям, надо полагать» [Причард, 1959, с. 45].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Coolyah – kind of wild sweet potato [Prichard, 1973, p. 243].

Кулья – разновидность сладкого дикого картофеля [Причард, 1959, с. 270].

2) “**Koodgeeda.**” *Coonardoo gasped. “Koodgeeda lie down here”* [Prichard, 1973, p. 115]. « – **Кудгида**, – прошептала Кунарду. – Там лежит **Кудгида**» [Причард, 1959, с. 124].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Koodgeeda – snake [Prichard, 1973, p. 243].

Кудгида – змея [Причард, 1959, с. 270].

3) “*I’ll come back, like that ... a white **cockie** ... and give you bad dreams ... guts-ache, and a pain, eating your inside out, like I’ve got. Do you hear, Meenie? Coonardoo ... you’ll live longer than she will. You’re to look after Hughie... no matter what happens ... when I’ve gone*” [Prichard, 1973, p. 52]. « – Я вернусь, как ... как белый **коки**... и напущу на вас страшные сны... и болезнь, и она будет вас мучить, будет грызть вас изнутри, вот как меня сейчас. Ты слышишь, что я говорю, Миини? А ты, Кунарду... ты будешь жить дольше, чем она. Ты должна заботиться о Хью... Должна... что бы ни случилось... когда меня не станет» [Причард, 1959, с. 56].

В переводах текстов австралийских художественных произведений часто встречаются примеры **транслитерации** или «побуквенной» передачи. Транслитерация, так же как и транскрипция, способствует сохранению национально-культурной специфики слов-реалий в языке перевода. При переводе австралийских художественных текстов переводчики использовали транслитерацию для передачи ономастических реалий, а также некоторого числа этнографических и географических реалий, преимущественно заимствованных из языков аборигенов. Следует уточнить, что в силу

совпадения звучания и написания у некоторых реалий, возникают сложности при разграничении транскрипции и транслитерации. Поэтому во избежание путаницы мы отнесли к транслитерации все примеры «побуквенной» передачи.

1. Использование транслитерации при передаче ономастических реалий:

1) “*Wanna, Mick, **Bardi** and Coonardoo were there to see him drive away; Joey Koonarra, as well as **Bandogera**, Bardi’s Polly, Pinja and old **Gnardadu**, grandmother of the tribe*” [Prichard, 1973, p. 24]. «Вана, Мик, **Барди** и Кунарду пришли его проводить. Пришел и Джои Кунарра, и **Бандогера**, и Пинья, и старая **Гнардаду** – старшая в роде» [Причард, 1959, с. 23].

2) “***Bill Doherty** and Speck O’Brien were old mates*” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «**Билл Догерти** и Крупинка О’Брайен были старыми друзьями» [Причард₂, 1958, с. 203].

3) “*And for this he took young **Wirrindidga**, called by the white men Billismith, who had been taken down south to school and taught to read the paper talk, and had been given clothes like white men, to live in their house and to do their work among their horses, he being small and light and impossible to throw by the fiercest horse*” [Hatfield, 1975, p. 132]. «И он взял с собой молодого **Вирриндидгу**, которого белые звали Биллисмит. Еще маленьким его увезли на юг в школу, научили говорить, как в книгах, и нарядили в одежду, которую носят белые. Потом он стал жить в их доме и ездить на их лошадях, потому что он был маленький и легкий, и даже самая норовистая лошадь не могла его сбросить» [Хэтфилд, 1957, с. 143].

4) “*In the evening when **Gwelnit** returned from work on the run or in the stockyards, he would find Mittoon squatted on the ground outside the wurley. Inside, the baby wailed fretfully*” [Prichard₂, 1975, p. 88]. «По вечерам, возвращаясь с пастбищ или из загонов, **Гвелнит** находил Митуун сидящей на корточках перед хижинкой, из которой раздавался жалобный детский плач» [Причард₁, 1958, с. 163].

5) “No, I was just going by what they tell me. I’ve come from **Deniliquin**” [Morrison, 1975, p. 195]. « – Нет, шел по разным местам, где работу предлагали. Я сейчас из **Дениликуина**» [Моррисон, 1958, с. 395].

6) “We’d come up from Melbourne through **Bendigo**, Wedderburn and Ouyen, crossed the border at Robinvale, cut north to a place called Lette, and followed what is known as the Prungle Mail Route, through Bramah and Bruno Stations, back to the Murray River Highway a few miles out of Balranald” [Morrison, 1975, p. 192]. «Мы проехали из Мельбурна через **Бендиго**, Уэддерберн и Уйен, пересекли границу штата у Робинвейла, свернули на север к городку под названием Летт и через скотоводческие станции Браммо и Бруно по так называемой Прюнгльской почтовой дороге, в нескольких милях от города Балраналда, снова выехали на Мюррейское шоссе» [Моррисон, 1958, с. 391–392].

7) “He had knocked about the country with teamsters and Afghans, camel punching, and learnt a good deal, prospecting with old miners round about **Nullagine** and the Bar” [Prichard, 1973, p. 62]. «Он бродил по стране с погонщиками, с афганцами перегонял верблюдов и многому научился, когда вместе с бывальыми старателями искал золото около **Нуллагины**» [Причард, 1959, с. 67].

8) “Deniliquin?” Gordon smiled with quickened interest. “I classed around there many years ago – Wanganella, Murgha, **Baratta**...” [Morrison, 1975, p. 195]. « – Из Дениликуина? Давным-давно я сортировал шерсть в тех краях – в Уонганелле, Мэрге, **Баратте**...» [Моррисон, 1958, с. 395].

9) “The milli-millis passed from Wyaliba to **Nuniewarra**, from Nuniewarra to Illigoogie and Five Rivers; as far as **Britte-Britte**, the Gap and along the To-Morrow ranges” [Prichard, 1973, p. 36]. «Милли-милли передавались из Вайталибы в **Нуниеварру**, из Нуниеварры – в Иллигуги и Пять Ручьев, а оттуда еще дальше – в **Бритте-Бритте**, и за Перевал, и по всему горному кряжу Прости-Прощай» [Причард, 1959, с. 37].

10) “*Up over long blue ocean ridges, down into long blue ocean gullies; on to lands so new, and yet so old, where above the sunny glow of the southern skies blazed the skinning names of **Ballarat!** And Bendigo!*” [Lawson₁, 1975, p. 36]. «Взлетая вверх — на длинные синие океанские кряжи, ныряя вниз — в длинные синие океанские ущелья, вперед — к землям, таким новым и в то же время таким старым, где, затмевая сияние южного неба, сверкают ослепительные слова: «**Балларат!** Бендиго!» [Лоусон, 1976, с. 30].

11) “*He had seen him working a tin show in the **Kingarri** country, and had heard blacks describe him as a moody and often violent fellow*” [Herbert, 1975, p. 156]. «Он видел его в **Кингарри**, где тот разрабатывал заявку, и слышал от туземцев, что он угрюм и легко приходит в ярость» [Герберт, 1958, с. 291].

12) “*No other homestead she had seen beyond **Karrara** looked as comfortable and homely*” [Prichard, 1973, p. 117]. «За **Каррарой** она не видела ни одной усадьбы, которая выглядела бы такой обжитой и уютной» [Причард, 1959, с. 126].

13) “*I never called myself a contractor, either, like they all do now, and I’ve put up miles of fencing all over the **Riverina***” [Morrison, 1975, p. 197]. «Подрядчиком я себя никогда не называл, как теперь делают, зато по всей **Риверине** вот этими руками мили оград поставил» [Моррисон, 1958, с. 397].

14) “*Each year **Turalla**, the small township three miles from the district in which we lived, held a sports meeting in a ten-acre paddock behind the local pub*” [Marshall₂, 1975, p. 161]. «Каждый год в небольшом городке **Туралла**, расположенном в трех милях от нас, устраивались спортивные состязания» [Маршалл, 1957, с. 260].

15) “*Lorrae said: “We’re going down to **Barranugli** pool Thursday*” [White, 1975, p. 245]. «Лорра сказала: – Мы решили съездить в среду в **Барранугли**, искупаемся в бассейне» [Уайт, 1980, с. 124].

16) “*He is working in a shallow claim at **Eureka***” [Lawson₁, 1975, p. 36]. «Он работает в неглубоком шурфе в **Эврике**, рядом с ним его брат» [Лоусон, 1976, с. 30].

2. Использование транслитерации при передаче этнографических реалий:

1) “*And when Dave wanted to know why Dad didn’t take up place on the plain? Where there were no trees to grub and plenty of water, Dad would cough as if something was sticking in his throat, and then curse terribly about the **squatters** and political jobbery*” [Rudd₂, 1975, p. 69]. «А когда Дейв пытался выяснить, почему отец не взял участок на равнине, где вовсе не нужно корчевать деревья и где воды сколько угодно, то отец сначала кашлял, как будто чем-то поперхнулся, а затем начинал страшно ругать **скваттеров** и политических заправил» [Радд₁, 1958, с. 152].

2) “*Kaijek gave his spears and bag to Ninyul, but retained the **wommer***” [Herbert, 1975, p. 156]. «Кайек передал Ниньюл свои копья и мешок, но оставил себе **воммеру**» [Герберт, 1958, с. 291].

Примеры из романа К.С.Причард «Кунарду»:

3) “*Families on the creek were **Banniga, Burong, Baldgery and Kurrimurra***” [Prichard, 1973, p. 41]. «В племени, расселившемся по ручью, таких классов было четыре: **баннига, буронг, балдгери и курримурру**» [Причард, 1959, с. 42].

4) “*The mopping-garra came from Nuniewarra, and **milli-millis** sent before Mumae died to tribes within hundreds of miles, brought a great gathering along the creek, at the time the white people on all the stations were pink-eyeing too, after their fashion, eating, drinking, singing and giving each other presents*” [Prichard, 1973, p. 100]. «Моппин-гарра приехал из Нуниеварры, и **милли-милли**, разосланные племенами на сотни миль вокруг еще до смерти Мамаи, собрали у ручья множество туземцев в то время, когда и белые люди на всех фермах отмечали

свой праздник – пили, ели, пели песни и дарили друг другу подарки» [Причард, 1959, с. 108].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Milly-milly – letter-stick [Prichard, 1973, p. 243].

Милли-милли – дощечка-письмо [Причард, 1959, с. 270].

5) “*You are **mulba**, strong fellow, Warieda,*” Mrs. Bessie said. “*Good man. I will give you a horse and new blankets...if you wait until Coonardoo’s sixteen*” [Prichard, 1973, p. 35]. « – Ты – **мульба**, Вариеда, молодой, крепкий парень, – сказала миссис Бесси. – Хороший парень. Я дам тебе коня и два совсем новых одеяла... если ты подождешь пока Кунарду сравняется шестнадцать лет» [Причард, 1959, с. 36].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Mulba – young man [Prichard, 1973, p. 244].

Мулба – молодой человек [Причард, 1959, с. 271].

6) “*Munga’s son, next by **tarlu** right to the dead man, claimed her; but Warieda gave Beilaba to Wanna*” [Prichard, 1973, p. 167]. «Однако на Бейлабу зарился сын старого Мунги, к которому по закону **тарлу** переходило право на нее после смерти старика. Тем не менее Вариеда предпочел отдать Бейлабу Ване» [Причард, 1959, с. 179].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Tarloo – totem, kobong [Prichard, 1973, p. 244].

Тарлу – тотем [Причард, 1959, с. 271].

7) “*Tall and straight, in her blue **gina-gina**, dark as the hills, she stood listening*” [Prichard, 1973, p. 172]. «Высокая, стройная, в синем **гина-гина**, притихшая и неподвижная, как окружавшие ее холмы, она стояла, прислушиваясь» [Причард, 1959, с. 186].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Gina-gina – dress [Prichard, 1973, p. 243].

Гина-гина – платье [Причард, 1959, с. 270].

3. Использование транслитерации при передаче географических реалий:

1) “*Well, we’re on holiday, and that’s how we like it. I’m interested in birds. I wanted some photographs of **emus***” [Morrison, 1975, p. 195]. « – Ничего. У нас отпуск, вот мы и колесим. Я занимаюсь птицами. Хотел поснимать **эму**» [Моррисон, 1958, с. 394].

2) “*A smell of sink strayed out of grey, unpainted weatherboard, to oppose the stench of crushed **boggabri** and cotton pear*” [White, 1975, p. 243]. «Навстречу ей из-за дощатой обшивки ударил запах стока вперемешку с вонью давленого **боггабри** и гнилой груши» [Уайт, 1980, с. 121].

3) “*Saints preserve us, where did them two find a hideout while that hellfire was raging! Burrowed down into the earth like **wombats**, did they?... And if one of them isn’t a girl!*” [Palmer, 1975, p. 121]. « – Святые угодники, где же они прятались, когда тут полыхало как в аду! В землю зарылись, что ли, как **вомбаты**?.. А это вроде бы девушка!» [Палмер, 1958, с. 236].

4) “*Drawn up amongst the **paspalum** in front of Whalleys’s shack, it looked stolen, and almost was – the third payment overdue*” [White, 1975, p. 247]. «Красуясь на **паспалуме** перед их халупой, он казался краденым, и так оно почти и было – третий взнос-то просрочен» [Уайт, 1980, с. 126].

Примеры из романа К.С.Причард «Кунарду»:

5) “*They believe smoke caused by the men in these dances impregnates some female spirit of things which dispenses life – for birds, beasts, coolyahs, **bardis**. The abos themselves, I think*” [Prichard, 1973, p. 43]. «Они верят, что во время этих плясок дым от разожженного мужчинами костра проникает в женское начало всех вещей, и дает жизнь всему – птицам, животным, куля, **барди**... Да и людям, надо полагать» [Причард, 1959, с. 45].

6) “*The **kurrajongs** in a row beside the fence had fluttering crests of light-green leaves*” [Prichard, 1973, p. 117]. «**Куррайонги**, росшие в ряд у забора, трепетали светло-зелеными вершинами» [Причард, 1959, с. 126].

7) “Trunks of gum-trees were chalk white all along the dry bed of the creek, and beyond the creek, bare and red, soared the ridge of dog-toothed hills, their lower slopes tawny with *spinifex*” [Prichard, 1973, p. 20]. «Белые, словно меловые, стояли вдоль русла высохшего ручья стволы эвкалиптов, а дальше за ручьем врезалась в небо красная зубчатая гряда голых, выжженных солнцем гор. Ниже их склоны были рыжевато-коричневыми от густо разросшегося **спинифекса**» [Причард, 1959, с.18].

8) “Stars were still in the high dark, as a coolwenda called from the fringe of distant *mulga*” [Prichard, 1973, p. 106]. «Звезды все еще горели на темном небосводе, когда в далеких зарослях **мульги** прокричал сорокопуд» [Причард, 1959, с. 114].

9) “While the men were sheltering on the veranda of Mumae’s house during a *willy-willy* and thunderstorm one day, Warieda made a song about the rain” [Prichard, 1973, p. 101]. «Однажды, когда во время **вилли-вилли** – сильной грозы – мужчины укрылись на веранде большого дома, Вариеда сложил о дожде песню» [Причард, 1959, с. 110].

В переводах произведений австралийских писателей обращают на себя внимание примеры использования **компромиссного перевода**, когда переводчики использовали сочетание транскрипции и транслитерации при передаче лексической единицы. Применение подобного подхода, на наш взгляд, оказалось не вполне оправданным, поскольку привело к тому, что в языке перевода закрепился искаженный вариант слова. Приведем примеры:

1. Использование компромиссного перевода при передаче ономастических реалий:

1) “They had been prospecting for thirty years. Rattled a shaker on rushes as far north as *Nullagine* and away east of Lake Way” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Тридцать лет они вместе искали золото, трясли грохот и на севере у **Наллагайна** и к востоку от озера Уэй» [Причард₂, 1958, с. 203].

2) “*Wanna, Mick, Bardi and Coonardoo were there to see him drive away; Joey Koonarra, as well as Bandojera, Bardi’s Polly, Pinja and old Gnardadu, grandmother of the tribe*” [Prichard, 1973, p.24]. «**Вана**, Мик, Барди и Кунарду пришли его проводить. Пришел и Джои Кунарра, и Бандогера, и Пинья, и старая Гнардаду – старшая в роде» [Причард, 1959, с. 23].

3) “*The milli-millis passed from **Wytaliba** to Nuniewarra, from Nuniewarra to Illigoogie and Five Rivers; as far as Britte-Britte, the Gap and along the To-Morrow ranges*” [Prichard, 1973, p. 36]. «Милли-милли передавались из **Вайталибы** в Нуниеварру, из Нуниеварры – в Иллигуги и Пять Ручьев, а оттуда еще дальше – в Бритте-Бритте, и за Перевал, и по всему горному кряжу Прости-Прощай» [Причард, 1959, с. 37].

4) “*We’d come up from Melbourne through Bendigo, Wedderburn and Ouyen, crossed the border at Robinvale, cut north to a place called **Lette**, and followed what is known as the Prungle Mail Route, through Bramah and Bruno Stations, back to the Murray River Highway a few miles out of Balranald*” [Morrison, 1975, p. 192]. «Мы проехали из Мельбурна через Бендиго, Уэддерберн и Уйен, пересекли границу штата у Робинвейла, свернули на север к городку под названием **Летт** и через скотоводческие станции Браммо и Бруно по так называемой Прюнгльской почтовой дороге, в нескольких милях от города Балраналда, снова выехали на Мюррейское шоссе» [Моррисон, 1958, с. 391–392].

5) “*Emus – did you get ’em? You’d have done better if you you’d gone out towards **Homebush**. The dry season’s bringing ’em right in*” [Morrison, 1975, p. 195]. «– Эму... Ну и как, повезло? Вам бы лучше свернуть в **Хомбуш**. Засуха их всех туда загнала» [Моррисон, 1958, с. 394].

6) “*In the evening when Gwelnit returned from work on the run or in the stockyards, he would find **Mittoon** squatted on the ground outside the wurley. Inside, the baby wailed fretfully*” [Prichard₂, 1975, p. 88]. «По вечерам, возвращаясь с пастбищ или из загонов, Гвелнит находил **Митуун** сидящей на корточках перед

хижиной, из которой раздавался жалобный детский плач» [Причард₁, 1958, с. 163].

2. Использование компромиссного перевода при передаче этнографических реалий:

1) “*True, the Old Men almost invariably acted on his advice, although nothing in the lore of the Warramunga dictated that they should*” [Hatfield, 1975, p. 130]. «Правда, старейшины почти всегда слушались его, хотя законы Уоррамунги вовсе не предписывали им этого» [Хэтфилд, 1957, с. 141].

Примеры из романа К.С.Причард «Кунарду»:

2) “*He had knocked about the country with teamsters and Afghans, camel punching, and learnt a good deal, prospecting with old miners round about Nullagine and the Bar*” [Prichard, 1973, p. 62]. «Он бродил по стране с погонщиками, с **афганцами** перегонял верблюдов и многому научился, когда вместе с бывальыми старателями искал золото около Нуллагины» [Причард, 1959, с. 67].

3) “*At the uloo they ate, sang and corroborated all day*” [Prichard, 1973, p. 36]. «В улу пели, пировали и плясали от зари до зари» [Причард, 1959, с. 37].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Uloo – native camp [Prichard, 1973, p. 244].

Улу – туземный поселок [Причард, 1959, с. 271].

4) “*Had she not the giving of flour and sugar, issues of namery and tuckerdoo in her keeping?*” [Prichard, 1973, p. 159]. «Разве не она выдавала муку и сахар, разве не она оделяла табаком и **тукерду?**» [Причард, 1959, с. 171].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Tuckerdoo – sweet stuff [Prichard, 1973, p. 244].

Тукерду – сладости [Причард, 1959, с. 271].

5) “*Coonardoo had seen the slim kylie of a new moon in the sky, wane silverly, belly and wither ten times*” [Prichard, 1973, p. 97]. «Десять раз Кунарду видела, как появлялся на небосклоне тоненький серебряный **кайлие** молодой луны, как он округлялся и снова таял» [Причард, 1959, с. 105].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Kylie – a light boomerang [Prichard, 1973, p. 243].

Кайлие – легкий бумеранг [Причард, 1959, с. 270].

3. Применение компромиссного перевода при передаче географических реалий:

1) “*Wallabies heard them coming and fled crashing and thudding from them*” [Herbert, 1975, p. 155]. «**Валляби**, слышав их приближение, убежали с треском и шумом» [Герберт, 1958, с. 290].

Пример из романа К.С.Причард «Кунарду»:

2) “*Time flowed from the coolwenda’s first notes before dawn, breakfast of coffee, damper and salt meat, mustering all the morning...*” [Prichard, 1973, p. 193]. «Поднимались с зарей, с первым щебетом **кулвенды** и, наскоро позавтракав солониной, пресной лепешкой, испеченной в золе, да кружкой кофе, начинали сгон скота, который продолжался до полудня» [Причард, 1959, с. 211].

Словарь туземных слов в оригинальном и переводном текстах:

Coolwenda – nor’-west butcher-bird [Prichard, 1973, p. 243].

Кулвенда – северо-западный сорокопут [Причард, 1959, с. 270].

Приведенные примеры использования транскрипции, транслитерации и компромиссного перевода позволяют выделить несколько важных моментов при передаче этнографических и географических реалий в австралийской художественной литературе.

Применение транскрипции, транслитерации и компромиссного перевода при передаче этнографических и географических реалий позволяет сохранить национальный колорит, однако неизбежно приводит к потере смыслового содержания. В большинстве представленных примеров общий контекст позволяет догадаться о значении той или иной реалии, однако в некоторых случаях без соответствующего комментария культурно-маркированная лексическая единица остается непонятной. Перевод реалий добавлен только в романе К.С.Причард «Кунарду»: переводчики воспроизвели словарь туземных

слов, представленный автором оригинального произведения. Однако, как видно из приведенных примеров, этот словарь не охватывает всех реалий, встречающихся в тексте. Так, в романе без разъяснения значения остались почти все географические реалии. Можно сделать вывод, что при передаче этнографических и географических реалий при помощи транскрипции, транслитерации или компромиссного перевода важно учитывать общий контекст и при необходимости добавлять пояснение или комментарий.

Гораздо реже переводчики применяют *калькирование*. В нашем случае при помощи этого приема были переданы в основном составные ономастические реалии (преимущественно топонимы) и несколько этнографических реалий. Приведем примеры:

1. Использование калькирования при передаче ономастических реалий:

1) “*So the Great White Chief made marks on a paper, nodding slowly, with a gentle smile, and Wunga walked out into the sunshine with his head held high, back up the Telegraph Line to tell the Old Men of his triumph*” [Hatfield, 1975, p. 133]. «И Великий Белый Вождь, медленно кивая и приятно улыбаясь, сделал значки на бумаге, и Ванга вышел под палящее солнце с гордо поднятой головой; он пошел обратно вдоль Телеграфных Столбов сообщить старейшинам о своей победе» [Хэтфилд, 1957, с. 145].

2) “*It was Golden Gully still, but golden in name only, unless indeed the yellow mullock heaps or the bloom of the wattle-trees on the hillside gave it a claim to the title*” [Lawson₁, 1975, p. 32]. «Это место все еще называлось **Золотым оврагом**, но золотым оно было только по имени, разве что желтые кучи оставшейся после промывки земли и цветущая акация на склоне холма давали ему право на такое наименование» [Лоусон, 1976, с. 27].

3) “*But Speck fancied the shingly ridges and wide blue-grey plains south of Sleeping River and the Salt Lakes*” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Но Крупинка мечтал

о каменистых кряжах и серо-голубых степях к югу от Слипинг-Ривер и **Соленых озер**» [Причард₂, 1958, с. 203].

4) “*The milli-millis passed from Wyaliba to Nuniewarra, from Nuniewarra to Illigoogie and **Five Rivers**; as far as Britte-Britte, **the Gap** and along the To-Morrow ranges*” [Prichard, 1973, p. 36]. «Милли-милли передавались из Вайталибы в Нуниеварру, из Нуниеварры – в Иллигуги и **Пять Ручьев**, а оттуда еще дальше – в Бритте-Бритте, и за **Перевал**, и по всему горному кряжу Прости-Прощай» [Причард, 1959, с. 37].

5) “*Across the sandy swales of dead rivers, beyond the blue wall of distant hills, lying straight as if ruled against the sky, the horses plodded, the buggies lurched and swayed, coming at last to bare red hills of **the Dog Toothed Ridge**, the creek crossing, and to first sight of the white roofs and scattered buildings of Wyaliba homestead*” [Prichard, 1973, p. 51]. «Покачиваясь, кренясь то в одну, то в другую сторону, повозки добрались наконец до голых красных скал **кряжа Песьи клыки**, потом до брода через ручей, и впереди замаячили белые крыши и разбросанные по равнине загоны усадьбы Вайталиба» [Причард, 1959, с.65].

6) “*Chitali and the boys are out after a horse for you,*” Hugh said. “*We’ll ride over to the **Fifty Mile**, if you feel like it. The mill wants looking to*” [Prichard, 1973, p. 178]. « – Читали с ребятами отправился за лошадью для тебя, – сказал Хью. – Мы проедемся верхом до **Пятидесятой Мили**, если хочешь. Надо бы проверить старый ветряк» [Причард, 1959, с. 193].

Приведенные примеры демонстрируют, что применение калькирования при передаче составных ономастических реалий позволяет добиться такого же эффекта, как и в оригинальном произведении.

2. Использование калькирования при передаче этнографических реалий:

1) “*And how Coonardoo sang for the **fire corroboree!***” [Prichard, 1973, p. 39]. «А как подпевала Кунарду **пляске огня!**» [Причард, 1959, с. 40].

2) “*On his right shoulder he carried three spears and wommera; and from his left hung a long bag of banyan-cord containing his big painted dijeridoo and **music-sticks***” [Herbert, 1975, p. 154]. «На правом плече Кайек нес три копья и воммеру, а с левого свисал длинный мешок из волокон смоковницы, в котором лежал его большой раскрашенный барабан и **музыкальные палочки**» [Герберт, 1958, с.289].

3) “*What’s all this talk about **black beef**?*” Hugh asked. Saul brooded. “*There’s parts of a dead man his relations or enemies eat sometimes, that moppin lad told me. But it’s sort of eating in memory of, to get strength or cunning ...*” [Prichard, 1973, p. 133]. « – А что это рассказывают о «**черной говядине**»? – спросил Хью. Саул нахмурился. – Моппин сказал мне, что родственники покойника или его враги иногда съедают некоторые его внутренности. Вроде как поминки, и еще, чтобы присвоить силу и хитрость покойника» [Причард, 1959, с. 144].

Часто калькирование позволяет полностью воссоздать форму и содержание иностранного слова. Однако следует учитывать, что выбор этого способа «обуславливается прозрачностью семантической структуры лексической единицы оригинала» [Алексеева, 2010, с. 80]. Приведем пример, когда калькирование может привести к искажению лексической единицы:

4) “*Round the **two-up** ring on the flat, a crowd of men and women milled, crazily, making their last bets before the light failed*” [Prichard₂, 1975, p. 85]. «Вокруг площадки, где шла игра в «**обе вверх**», толпились мужчины и женщины, спеша до наступления сумерек сделать последние ставки» [Причард₁, 1958, с. 159–160].

В данном примере содержание реалии “*two-up*” остается нераскрытым, поскольку значение этой лексической единицы не равно значению суммы ее компонентов. В лингвострановедческом словаре «Австралия и Новая Зеландия» слово “*two-up*” имеет следующую дефиницию: «азартная игра с подбрасыванием двух монет (типа русской «орлянки»); выигрыш в ней зависит от того, на какую сторону упадут подброшенные монеты – «орел» или

«решка»)» [АНЗЛС, 2001, с. 192]. Как видно, эквивалентом может служить русская игра «орлянка». Введение в текст переводческого неологизма «обе вверх», который, вероятно, так и останется исключительно индивидуальной особенностью этого произведения, вряд ли можно считать полностью оправданным [Писковец, 2013, с. 79].

Следует также выделить примеры *полукальки*, которые реже встречаются в переводах австралийской художественной литературы и используются для передачи ономастических реалий:

1) “*Bill Doherty and Speck O’Brien were old mates*” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Билл Догерти и **Крупинка О’Брайен** были старыми друзьями» [Причард₂, 1958, с. 203].

2) “*We’d come up from Melbourne through Bendigo, Wedderburn and Ouyen, crossed the border at Robinvale, cut north to a place called Lette, and followed what is known as **the Prungle Mail Route**, through Bramah and Bruno Stations, back to the **Murray River Highway** a few miles out of Balranald*” [Morrison, 1975, p. 192]. «Мы проехали из Мельбурна через Бендиго, Уэддерберн и Уйен, пересекли границу штата у Робинвейла, свернули на север к городку под названием Летт и через скотоводческие станции Брамо и Бруно по так называемой **Прюнгльской почтовой дороге**, в нескольких милях от города Балраналда, снова выехали на **Мюррейское шоссе**» [Моррисон, 1958, с. 391–392].

3) “*Rattled a shaker on rushes as far north as Nullagine and away east of **Lake Way***” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Тридцать лет они вместе искали золото, трясли грохот и на севере у Наллагайна и к востоку от **озера Уэй**» [Причард, 1957, с. 203].

4) “*They were going across the range to the **Weelarra gap** and working back in towards the homestead again*” [Prichard, 1973, p. 182]. «Они отправлялись к **Вилларскому перевалу**, откуда должны были повернуть обратно и начать сгон» [Причард, 1959, с. 198].

5) “*Well, we’d better get a move on, if you won’t come along with us,*” Geary remarked. “*We’re mustering just now, Youie, and I left the boys holding a mob on **the Gidgee well***” [Prichard, 1973, p. 91]. « – Ну что же, если ты не собираешься ехать с нами, нам пора двигаться, – заметил Гэри. – Мы сейчас собираем скот, и работники ждут меня с гуртом у **колодца Гиджи**» [Причард, 1959, с. 99].

6) “*Old McShane’s selection was in the middle of **the Big Scrub**, twelve hundred acres of belah and brigalow, forty feet high and as thick as the hair on the heeler’s back, fair in the middle of ten thousand acres of the same class of country*” [Davison, 1975, p. 136]. «Участок старого Мак-Шейна был расположен в самой глубине **Большого Скрэба** – тысяча двести акров, покрытых зарослями акации, которая подымалась на сорок футов в высоту и росла так густо, словно перья на шее у бойцовского петуха, а кругом на десятки тысяч акров тянулись все те же заросли» [Дэвисон, 1958, с. 247].

В данном примере обращает на себя внимание неточная передача слова *Scrub* как «Скрэб» (по правилам английской транскрипции это слово следует передавать как «Скраб»).

При передаче некоторых этнографических и географических австралийских реалий, не имеющих эквивалентов в русском языке, переводчики применяли **описательный перевод**:

1. Использование описательного перевода при передаче этнографических реалий:

1) “*He ought to have been at sea, or comfortably dead and stowed away under ground; instead of cooking for a mob of unredeemed **rouseabouts** in an uncivilized shed in the scrub, six hundred miles from the ocean*” [Lawson₃, 1975, p. 30]. «Ему следовало бы быть в море или мирно почивать под землей, а не стряпать для шайки отпетых **парней, работавших поденщиками** в запущенном сарае, среди зарослей, в шестистах милях от океана» [Лоусон₂, 1958, с. 91].

2) “*Fat little Ninyul, puffing at his heels, bore the bulk of their belongings – swag balanced on her curly head, big grass dillybag hanging from a brow-strap*

*down her back, tommy-axe and yamsticks in a sugar-bag slung on her left shoulder, and **fire-stick** and billy in her right hand*” [Herbert, 1975, p. 154]. «Толстушка Ниньюл, запыхавшись, следовала за ним, таща на себе все их пожитки, – на курчавой голове раскачивался узел, на спине болталась прикрепленная к головной повязке большая, сплетенная из травы сумка, через левое плечо был перекинут мешок из-под сахара с топором и мотыгой, а в правой руке она несла **палочки для добывания огня** и котелок» [Герберт, 1958, с. 289].

3) “*At lunch-time the people sat on the grass beside their buggies and ate sandwiches and drank tea they poured from **billies***” [Marshall₂, 1975, p. 161]. «Завтракали здесь же, расположившись на траве у своих колясок. Ели бутерброды, запивая чаем из **жестяных походных чайников**» [Маршалл, 1957, с. 260].

4) “*Time flowed from the coolwenda’s first notes before dawn, breakfast of coffee, **damp**er and salt meat, mustering all the morning...*” [Prichard, 1973, p. 193]. «Поднимались с зарей, с первым щебетом кулвенды и, наскоро позавтракав солониной, **пресной лепешкой, испеченной в золе**, да кружкой кофе, начинали сгон скота, который продолжался до полудня» [Причард, 1959, с. 211].

5) “*He had wandered to the north and to the east in the search for N’goola; to the cities and townships white men had built everywhere. On gold-mining camps and **out-back stations**, on native reserves and in ports along the coast, he had begged for news of N’goola*” [Prichard₂, 1975, p. 92]. «В поисках Нгулы старик исходил север и восток, большие города и малые, понастроенные белыми людьми: на золотых приисках и в **отдаленных скотоводческих фермах**, в резервациях и в портах на побережье – он везде расспрашивал о Нгуле» [Причард₁, 1958, с. 168].

6) “*Every year at midsummer, for as long as Coonardoo could remember, the tribes for a hundred miles about had gathered for **pink-eye** on Wytaliba*” [Prichard, 1973, p. 36]. «Из года в год, с тех пор как Кунарду себя помнила, в середине

лета туземные племена из самых отдаленных мест стекались в Вайталибу на **традиционные обрядовые празднества**» [Причард, 1959, с. 37].

7) “*Two days it took for runners with **message sticks** to bring the people in, while the police camped near, their blackboys tending their hobbled horses down on the grass*” [Hatfield, 1975, p. 134]. «Два дня потребовалось, чтобы посланцы с **деревянными резными палочками** обежали все селения и собрали народ. Полицейские тем временем раскинули поблизости лагерь, и мальчишки-туземцы кормили травой их стреноженных лошадей» [Хэтфилд, 1957, с. 145].

8) “*For am I not the **medicine-man and rain maker** of my tribe, and is not the gold veins in the quartz rainstone that I show the Sun the thing that brings the tears down from the clouds?*” [Hatfield, 1975, p. 133]. «**Я сам лечу людей своего племени, я вызываю для них дождь**, а золотые жилки в слоистых камнях показывают солнцу, куда лить слезы из туч» [Хэтфилд, 1957, с. 144].

2. Использование описательного перевода при передаче географических реалий:

1) “*Beside the log on which they worked lay a blue **kangaroo dog***” [Marshall₃, 1975, p. 168]. «Рядом с бревном, которое парни обрабатывали, лежал голубовато-серый **охотничий пес – с собаками этой породы охотятся на кенгуру**» [Маршалл, 1986, с. 256].

Как видно из примеров, прием описательного перевода в полной мере раскрывает смысловое содержание лексической единицы. В то же время к недостаткам данного способа перевода можно отнести некоторую громоздкость и неизбежную потерю национального колорита реалии.

При передаче произведений австралийских писателей на русский язык, переводчики нередко прибегали к приему **генерализации** или родовидовой замены. Этот прием передает лишь предметное значение слова и не позволяет сохранить национально-культурную специфику реалии. При помощи родовидовой замены переданы преимущественно географические реалии, а также некоторое число этнографических:

1. Использование генерализации при передаче этнографических реалий:

1) “*I noticed that there were no young trees coming up – only scattered veterans with great smooth buttresses and knotted limbs, many of them with long-healed scars where, before the coming of white men, aborigines had cut out their bark canoes and **coolamons***” [Morrison, 1975, p. 193]. «Я заметил, что кругом не было молодых деревьев – только выдавшие виды эвкалипты с громадными гладкими стволами и узловатыми сучьями; многие из них были покрыты давно зажившими ранами, – еще до прихода белых обитатели здешних краев сдирали с них кору для своих челноков и **посуды**» [Моррисон, 1958, с. 393].

2) “*All dressed for the road. A professional-looking **swag** hung from one shoulder, and he carried his **billy** as you rarely see a billy carried these days*” [Morrison, 1975, p. 199]. «Он был одет по-дорожному – на боку рабочая **котомка**, **котелок** привязан по старинке, теперь их так уже не носят» [Моррисон, 1958, с.399–400].

3) “*The shrill **cooe** she sent out echoed eerily through the close darkness*” [Palmer₂, 1975, p. 114]. «На ее пронзительный **зов** из душной мглы откликнулось эхо» [Палмер, 1958, с. 228].

4) “*She went to his camp bed. “Take your **wagga** then”* [Hadow, 1975, p. 183]. «Мать подошла к его койке. – Тогда возьми свою **подстилку**» [Хэдоу, 1958, с. 337].

2. Использование генерализации при передаче географических реалий:

1) “*Then the dog appeared, a little red **kelpi***” [Herbert, 1975, p. 155]. «Затем появилась маленькая рыжая **собачонка**» [Герберт, 1958, с. 290].

2) “*He (dog) would seat close against the shed wall for an hour or two, and hump himself, and sulk, and look sick, and snarl whenever the “**Sheep-No**” dog passed, or a man took notice of him*” [Lawson₃, 1975, p. 30]. «У стены сарая он просиживал часа два, съезжившись, насупившись, – так, будто ему все

осточертело, – и рычал, когда мимо проходила **овчарка** или кто-нибудь из ребят обращал на него внимание» [Лоусон₂, 1958, с. 91].

3) “*They had entered a world of tall trees, running water, **whipbirds** calling from one ferny hillside to another, and the clear nights had been nipped with cold*” [Palmer₂, 1975, p. 115]. «Они вступили в мир исполинских деревьев, где журчали ручейки на склонах, поросших папоротником, перекликались **птицы**, а светлые ночи были пронизаны холодом» [Палмер, 1958, с. 230].

4) “*From a cleared patch on the hillside she often noticed him washing for gold in the **creek** that ran through the valley*” [Marshall₃, 1975, p. 167]. «С прогалины на склоне холма она часто видела, как он промывал золотоносный песок в **ручье**, протекавшем внизу в долине» [Маршалл, 1986, с. 255].

5) “*The weather was dry and the little **gilgai** on which he had been depending for water had failed; could he take what he needed from my tank until rain fell?*” [Davison, 1975, p. 137]. «Лето было засушливое, и **ручеек**, из которого он брал воду, совсем высох, так нельзя ли ему будет пользоваться моей цистерной, пока не начнутся дожди?» [Дэвисон, 1958, с. 249].

6) “*The tribe had gone back to its old way of living, hunting kangaroos, snaring **bungarra** and birds while the gins husked and pounded grass seeds or dug for **coolyahs***” [Prichard, 1973, p. 98]. «Племя опять начало жить по-старому – охотились на кенгуру, ставили силки на **ящериц** и птиц, а женщины очищали и растирали семена трав и выкапывали из земли клубни кульи» [Причард, 1959, с. 106].

7) “*She unfolded her ground-sheet, looked around to see there were no **mingas** and went to sleep until she heard Billy singing in the small hours*” [Prichard, 1973, p. 193]. «Она расстелила свое одеяло, поглядела, нет ли **муравьев**, и тут же уснула, но проснулась на рассвете и опять услышала голос Билла, распевавшего песню» [Причард, 1959, с. 211].

8) “*The **boujera** of my people lies in the far south, along the Kalgan River*” [Prichard₂, 1975, p. 86]. «**Земля** моего народа лежит далеко на юге, около реки Калган» [Причард₁, 1958, с. 162].

9) “*Old McShane’s selection was in the middle of the Big Scrub, twelve hundred acres of **belah** and **brigalow**, forty feet high and as thick as the hair on the heeler’s back, fair in the middle of ten thousand acres of the same class of country*” [Davison, 1975, p. 136]. «Участок старого Мак-Шейна был расположен в самой глубине Большого Скрэба – тысяча двести акров, покрытых **зарослями акации**, которая подымалась на сорок футов в высоту и росла так густо, словно перья на шее у бойцовского петуха, а кругом на десятки тысяч акров тянулись все те же заросли» [Дэвисон, 1958, с. 247].

10) “*Tomorrow I’m off to the **bush***” [Marshall₁, 1975, p. 173]. «Завтра я уезжаю в **лес**» [Маршалл, 1958, с. 332].

Седует отметить, что в рассказах австралийских писателей реалия “*bush*” встречается достаточно часто и почти всегда передается при помощи родовидовой замены. Приведем еще несколько примеров из переводов других рассказов:

“*And the **bush** had become still and expectant*” [Palmer₂, 1975, p. 114]. «**Лес** замер, словно ждал чего-то» [Палмер, 1958, с. 228].

“*Beyond the range of her hearing something was going on, a murmur, a crackling, a myriad tiny crepitations as if every insect or horny beetle in the miles of untrodden **bush** was aware and moving*” [Palmer₂, 1975, p. 114]. «Слух с трудом улавливал какое-то бормотание, хруст, нескончаемое легкое шуршание, – казалось, будто в этом огромном девственном **лесу** все жуки, все насекомые всполошились и поползли» [Палмер, 1958, с. 228].

“*He made our walks through the **bush** a series of journeys from one resting-place to another, a mode of progress he came to accept as his own choosing*” [Marshall₂, 1975, p. 160]. «Когда мы с ним гуляли по **лесу**, он старался делать

короткие переходы и долгие привалы. Постепенно ему самому начало это нравиться» [Маршалл, 1957, с. 260].

Несмотря на то, что слово “*bush*” может иметь значение «лес», не каждый русскоязычный читатель может быть знаком с особенностями австралийского ландшафта и представить себе, какой именно лес имеется в виду.

Одним из довольно распространенных приемов перевода, к которым прибегали переводчики проанализированных нами австралийских художественных текстов, является использование **функционального аналога**. Переводчики заменяли многие этнографические и географические реалии привычными для русскоязычного читателя словами и словосочетаниями. Следует отметить, что применение приблизительного перевода неизбежно приводит к элиминации национально-культурной специфики слов-реалий. Приведем примеры использования функционального аналога:

1. Использование функционального аналога при передаче этнографических реалий:

1) “*I wongied ’em a bit, and sheared out me tucker – though there wasn’t much of it*” [Prichard, 1973, p. 131]. «Поделился с ними **провизией**, хотя ее у меня и не так уж много было» [Причард, 1959, с. 141].

2) “*Mrs. Bessie always gave her people a beast and tuckerdoo to entertain their relations, and the women cooked the meat in great stone ovens under piles of smouldering embers*” [Prichard, 1973, p. 36]. «Миссис Бесси всегда разрешала своим работникам заколоть бычка и выдавала им различные **припасы**, чтобы они могли достойно принять родственников и гостей, и женщины жарили мясо в каменных очагах на груде тлеющих углей» [Причард, 1959, с. 37].

3) “*On his right shoulder he carried three spears and wommera; and from his left hung a long bag of banyan-cord containing his big painted dijeridoo and music-sticks*” [Herbert, 1975, p. 154]. «На правом плече он нес три копья и вумеру, на левом висела плетенная из лыка длинная сумка, в которой лежал его разрисованный диджериду и **ударные палочки**» [Герберт, 1957, с. 128].

4) “Whenever she heard those chants, and the murmurous boom of a *coolardie*, Mrs. Bessie knew what was happening” [Prichard, 1973, p. 42]. «Всякий раз, когда миссис Бесси слышала это пение и приглушенное завывание **гуделок**, она понимала, что происходит в чаше» [Причард, 1959, с. 43].

5) “Mumae always took two or three *gins* with her when she went on a muster” [Prichard, 1973, p. 33]. «Мами всегда брала с собой двух-трех **туземок**, когда уезжала на пастбища» [Причард, 1959, с. 34].

6) “Gwelnit had stood looking at the baby in the *coolamon*; its delicate limbs of yellowy-brown, the black lashes curled up from sleeping eyes, tiny hands” [Prichard₂, 1975, p. 88]. «Гвелнит стоял и смотрел на девочку, лежавшую в **деревянном корытце**, на ее нежное желтовато-коричневое тельце, на черные ресницы, загибающиеся над закрытыми глазками, на крошечные ручонки» [Причард₁, 1958, с. 163].

7) “Kaijek the Songman and his *lubra* Ninyul came up the river, picking their way through wind-stricken cane-grass and palm-leaves and splintered limbs and boughs that littered the pad they were following” [Herbert, 1975, p. 154]. «По тропке, заваленной побитым ветром тростником, пальмовыми листьями и обломанными ветками деревьев, Кайек-певец и его **жена** Ниниул вышли к реке» [Герберт, 1957, с. 128].

В другом переводе рассказа «Кайек-певец» переводчик также применяет функциональный аналог при передаче слова *lubra*:

«Кайек-певец и его **жена** Ниньюл шли вверх по течению реки, пробираясь сквозь поломанные ветром тростники, шагая по пальмовым листьям, сучьям и веткам, устилавшим тропинку» [Герберт, 1958, с. 288].

8) “With his head poking out from behind a convenient tree, he would chant at a passing *sundowner*:

Whiskers, Whiskers, fill your gizzard

Till you're flat-out like a lizard” [Marshall₂, 1975, p. 160]. «Высунув из-за толстого дерева голову, он напевал вслед **подгулявшему парню**:

Как свинья, наш Джон напился

И в канаве очутился» [Маршалл, 1957, с. 260].

9) “*Then one morning during a **pink-eye**, Warieda had told her he knew where there were bardis in a tree not far from the creek*” [Prichard, 1973, p. 39]. «Как-то утром **в дни торжеств** Вариеда сказал ей, что неподалеку от ручья есть дерево, на котором полно барди, и Кунард пошла с ним» [Причард, 1959, с. 41].

10) Приведем еще один пример применения функционального аналога при передаче слова “*pink-eye*” в том же переводном тексте:

“*During **pink-eye** nobody wore clothes in the uloo, wandering along the creek, or hunting across the plains and through the tussocky spinifex*” [Prichard, 1973, p. 37]. «Во время **летних празднеств** никто из туземцев не носил одежды – ни у себя в улу, ни бродя вдоль ручья, ни охотясь на равнине, густо поросшей метелками спинифекса» [Причард, 1959, с. 38].

11) “*Tell him,*” Hugh said to old Joey, trying another tactic, “*I’ll give him rugs and namery ... a pipe and new hat, any damn thing he likes if he’ll take the **bulya** out of Warieda*” [Prichard, 1973, p. 167]. « – Скажи ему: я дам одеяло и табаку. И еще трубку и новую шляпу, все, чего он ни попросит, черт бы его побрал, – обратился Хью к старому Джои, пробуя переменить тактику, - пусть только снимет **заклятье** с Вариеды» [Причард, 1959, с.180].

12) “*But he was clever on his feet and smart with the **kylies***” [Prichard, 1973, p. 46]. «Но чужак умел ловко увертываться и точно метал **бумеранги**» [Причард, 1959, с. 48].

13) “*I don’t know nothing about yer dog!*” protested a **rouseabout**; “*wotyer getting’ on to me for?*” [Lawson₃, 1975, p. 31]. « – Нужна мне твоя собака, – заявил один из **поденщиков**. – Чего ты ко мне привязался?» [Лоусон₂, 1958, с. 92].

14) “*For weeks they had not eaten anything but salt meat and **dampier***” [Prichard, 1973, p. 57]. «Все пахло так аппетитно, а они уже много недель не ели ничего, кроме солонины и **пресных лепешек**» [Причард, 1959, с. 62].

15) “*He knew it all, and spoke with a sad contempt of **boundary-riders** who went out on motor-cycles, of machine-cut sleepers, of axemen who went into the bush with thermos flasks, of drovers who followed their mobs in trucks carrying mattresses and kerosene stoves*” [Morrison, 1975, p. 196]. «Все это было близко и дорого старику, и поэтому он с печальным презрением говорил об **объездчиках**, оседлавших мотоциклы, о механических клеммах для скота, о лесорубах, идущих на работу с термосами на боку, о погонщиках, приглядывающих за стадом с грузовиков, в которых есть и тюфяки и керосиновые печки» [Моррисон, 1958, с. 396].

16) “*He took me into the **store-miah** and shut the door*” [Prichard₂, 1975, p. 87]. «Он велел мне зайти в **кладовую** и запер дверь» [Причард₁, 1958, с. 163].

17) “*Fat little Ninyul, puffing at his heels, bore the bulk of their belongings – swag balanced on her curly head, big grass **dillybag** hanging from a brow-strap down her back, **tommy-axe** and yamsticks in a sugar-bag slung on her left shoulder, and fire-sticks and billy in her right hand*” [Herbert, 1975, p. 154]. «Толстушка Ниньюл, запыхавшись, следовала за ним, таща на себе все их пожитки, – на курчавой голове раскачивался узел, на спине болталась прикрепленная к головной повязке большая, сплетенная из травы **сумка**, через левое плечо был перекинут мешок из-под сахара с **топором** и мотыгой, а в правой руке она несла палочки для добывания огня и котелок» [Герберт, 1958, с. 289].

18) “*Treat them generously, feed them well, give them a bit of pain-killer or a dose of castor oil when they’ve got a **bingee ache**, and they’ll do anything in the world for you*” [Prichard, 1973, p. 119]. «Будь с ними щедр, хорошо корми их, давай им иногда какого-нибудь лекарства или просто касторки, когда у них **болит живот**, и они сделают для тебя все на свете» [Причард, 1959, с. 128].

19) “*And there was **black-birding** too.... I’ve seen blacks brought in, in chains for the pearlers’ crews...*” [Prichard, 1973, p. 133]. «Кроме того, **ими торговали...** видел я, как их в цепях привозили на суда, промышлявшие жемчуг» [Причард, 1959, с. 143].

2. Использование функционального аналога при передаче географических реалий:

1) “*N’goola, he called her, because she was like a small brown and yellow flower which grew along the creeks and in the swamps of his **boujera***” [Prichard₂, 1975, p. 88]. «Нгула – он назвал ее, потому что она была похожа на маленький желто-коричневый цветок, росший по берегам ручьев и на болотах **в его родных местах**» [Причард₁, 1958, с. 164].

2) “*His eyes, **namma holes** in viscid orbits, glittered at her, as she swung his naked feet*” [Prichard, 1973, p. 49]. «Скрестив босые ноги, он скосил на миссис Бесси бесцветные, похожие на **высохшие водоемы** глаза, полуприкрытые гноящимися веками» [Причард, 1959, с. 52].

3) “*The **soak** we ’d been getting water from, gave out*” [Prichard₁, 1975, p. 100–101]. «**Лужа**, из которой мы брали воду пересохла» [Причард₂, 1958, с. 204].

4) “*Her **joey**, nibbling at the grass some distance from her, jumped in sudden panic and made for his mother with single-purposed speed*” [Marshall₃, 1975, p. 169]. «Ее **детеныш**, щипавший траву неподалеку, вдруг в страхе подскочил, метнулся к матери» [Маршалл, 1986, с. 258].

5) “*The **does** were in haste; the **old men** were more leisured*” [Marshall₃, 1975, p. 169]. «**Самки** спешили, **самцы** не слишком торопились» [Маршалл, 1986, с. 258].

6) “*The dogs yelped with delight and, scattering dry gum leaves and crushing through **scrub**, sped after her*” [Marshall₃, 1975, p. 168]. «Собаки завизжали от удовольствия и, разбрасывая сухие листья эвкалиптов, рванулись за ней через **заросли**» [Маршалл, 1986, с. 257].

7) “*Stars were still in the high dark, as a **coolwenda** called from the fringe of distant mulga*” [Prichard, 1973, p. 106]. «Звезды все еще горели на темном небосводе, когда в далеких зарослях мульги прокричал **сорокопут**» [Причард, 1959, с. 114].

8) “*Oh, well,*” peck shifted uneasily, “*there’s nobody’ll shed a tear if my bones’re found out in the **mulga***” [Prichard₁, 1975, p. 103]. « – Да... – смущенно пробормотал Крупинка, – обо мне никто не заплачет, если мои кости найдут в **акации**» [Причард₂, 1958, с. 207].

9) “*On his right shoulder he carried three spears and wommera; and from his left hung a long bag of **banyan**-cord containing his big painted dijeridoo and music-sticks*” [Herbert, 1975, p. 154]. «На правом плече он нес три копья и вумеру, на левом висела плетенная из **лыка** длинная сумка, в которой лежал его разрисованный джидериду и ударные палочки» [Герберт, 1957, с. 128].

Как видно из приведенных примеров, при передаче этнографических и географических реалий наиболее часто переводчики прибегали к описательному переводу, генерализации и функциональному аналогу. Эти переводческие приемы не всегда адекватны, поскольку передают лишь приблизительное значение реалии.

Несмотря на тот факт, что описательный перевод, генерализация и функциональный аналог не способствуют сохранению национально-культурной специфики реалий, применение одного из этих способов может быть оправданно в том случае, если реалия не несет высокой смысловой нагрузки в тексте и упоминается автором произведения вскользь. Здесь важно учитывать, что оригинальный текст рассчитан в первую очередь на носителей ИЯ, имеющих сходные с писателем фоновые знания. Применяя транскрипцию или транслитерацию при передаче реалии, переводчик неизбежно привлекает внимание к иностранному слову, что может идти вразрез с намерениями автора оригинального произведения.

В ходе анализа произведений австралийских писателей мы также обнаружили пример использования **контекстуального перевода**:

1) “*He knew it all, and spoke with a sad contempt of boundary-riders who went out on motor-cycles, of machine-cut sleepers, of axemen who went into the **bush** with thermos flasks, of drovers who followed their mobs in trucks carrying mattresses and*

kerosene stoves” [Morrison, 1975, p. 196]. «Все это было близко и дорого старику, и поэтому он с печальным презрением говорил об объездчиках, оседлавших мотоциклы, о механических клеммах для скота, о лесорубах, идущих **на работу** с термосами на боку, о погонщиках, приглядывающих за стадом с грузовиков, в которых есть и тюфяки и керосиновые печки» [Моррисон, 1958, с.396].

В данном случае переводчик предпочел не передавать словарное значение географической реалии “*bush*”, предложив контекстуальное соответствие «на работу».

Таким образом, мы рассмотрели способы передачи слов-реалий в выбранных нами для анализа произведениях австралийской художественной литературы. Общая частотность употребления рассмотренных приемов перевода представлена в таблице и выглядит следующим образом (см. табл. 2):

Таблица 2 – Общая частотность употребления переводческих приемов

Переводческий прием	Количество примеров употребления	%
Транскрипция	49	28,3
Транслитерация	38	22
Компромиссный перевод	13	7,5
Калькирование	11	6,4
Полукалька	7	4
Описательный перевод	10	5,8
Генерализация	15	8,7
Функциональный аналог	29	16,8
Контекстуальный перевод	1	0,6
Всего:	173	100%

Можно сделать вывод, что преобладающими способами передачи слов-реалий в австралийских художественных текстах являются транскрипция, транслитерация и функциональный аналог.

Теперь рассмотрим частотность употребления рассмотренных приемов перевода в соответствии с лексико-тематическими группами реалий:

1. Передача ономастических реалий.

Преобладающие приемы передачи выбранных ономастических реалий: транскрипция и транслитерация; для передачи реалий данной группы были также использованы компромиссный перевод, калькирование и полукалька (см. табл. 3):

Таблица 3 – Частотность употребления переводческих приемов для передачи ономастических реалий

Переводческий прием	Количество примеров употребления	%
Транскрипция	32	45,1
Транслитерация	19	26,8
Компромиссный перевод	6	8,5
Калькирование	7	9,9
Полукалька	7	9,9
Описательный перевод	0	0
Генерализация	0	0
Функциональный аналог	0	0
Контекстуальный перевод	0	0
Всего:	71	100%

2. Передача этнографических реалий.

Преобладающие приемы передачи выбранных этнографических реалий: функциональный аналог и транскрипция; для передачи реалий данной группы были также использованы транслитерация, компромиссный перевод, калькирование, описательный перевод и генерализация (см. табл. 4):

Таблица 4 – Частотность употребления переводческих приемов для передачи этнографических реалий

Переводческий прием	Количество примеров употребления	%
Транскрипция	14	20,9
Транслитерация	10	14,9
Компромиссный перевод	5	7,5
Калькирование	4	6
Полукалька	0	0
Описательный перевод	9	13,4
Генерализация	5	7,5
Функциональный аналог	20	29,9
Контекстуальный перевод	0	0
Всего:	67	100%

3. Передача географических реалий.

Преобладающие приемы передачи выбранных географических реалий: генерализация и функциональный аналог; для передачи реалий данной группы были также использованы транскрипция, транслитерация, компромиссный перевод, описательный перевод и контекстуальный перевод (см. табл. 5):

Таблица 5 – Частотность употребления переводческих приемов для передачи географических реалий

Переводческий прием	Количество примеров употребления	%
Транскрипция	3	8,3
Транслитерация	9	25
Компромиссный перевод	2	5,6
Калькирование	0	0
Полукалька	0	0
Описательный перевод	1	2,8
Генерализация	10	27,8
Функциональный аналог	10	27,8
Контекстуальный перевод	1	2,8
Всего:	36	100%

Все описанные нами приемы передачи реалий были использованы не изолированно, а в сочетании друг с другом. Кроме того, в некоторых случаях одна и та же реалья в произведении была передана разными способами, т.е. переводчик сначала вводил новую реалию в текст при помощи транскрипции, транслитерации или компромиссного перевода, а в дальнейшем использовал для ее передачи генерализацию или функциональный аналог. Следует отметить, что выбор переводческой стратегии в подобных случаях зависит от значимости реалии в контексте. Например, в переводе романа К.С.Причард «Кунард» Т.Озерской и Э.Питерской можно встретить следующие варианты передачи реалий, заимствованных из языков аборигенов: “*winning-arra*” – «виннинг-арра» (транслитерация), «вихрь» (функциональный аналог); “*tuckerdo*” – «тукерду» (компромиссный перевод), «припасы»

(функциональный аналог); “*kylie*” – «кайлие» (компромиссный перевод), «бумеранг» (функциональный аналог) и т.д. При описании обычаев и верований коренных австралийцев переводчики часто стремятся подчеркнуть особое значение этих слов для аборигенов Австралии и придать переводному произведению своеобразный колорит, выделяя эти реалии в тексте при помощи транскрипции, транслитерации или компромиссного перевода. Если же указанные лексические единицы употребляются автором в простом повествовании, то переводчики, как правило, передают их смысловое содержание, применяя функциональный аналог.

В ходе сравнительного анализа оригинальных и переводных текстов произведений австралийских писателей мы также обнаружили примеры добавления переводчиком внутритекстового пояснения для уточнения значения той или иной лексической единицы. При этом сами реалии в этих примерах переданы разными способами: при помощи транскрипции, транслитерации, компромиссного перевода, а также функционального аналога. Приведем примеры:

1) “*He knew these **Baw-Baws** to the last spur*” [Palmer₂, 1975, p. 115]. «**Горы Бо-Бо** он знал как свои пять пальцев» [Палмер, 1958, с. 229].

2) “*They knocked about the Nor'-West a long time together, droving and carting from the coast to stations and scattered mining settlements along the **Ashburton, the Fortescue and the De Grey***” [Prichard, 1973, p. 27]. «Они долго скитались по Северо-Западу, перегоняя гурты с побережья на фермы и занимаясь извозом между редкими старательскими поселками, разбросанными вдоль **рек Ашбертон, Фортеस्कью и Де-Грей**» [Причард, 1959, с. 26].

3) “*We'd come up from Melbourne through Bendigo, Wedderburn and Ouyen, crossed the border at Robinvale, cut north to a place called Lette, and followed what is known as the Prungle Mail Route, through **Bramah and Bruno Stations**, back to the Murray River Highway a few miles out of **Balranald***” [Morrison, 1975, p. 192]. «Мы проехали из Мельбурна через Бендиго,

Уэддерберн и Уйен, пересекли границу штата у Робинвейла, свернули на север к городку под названием Летт и через **скотоводческие станции Брам** и **Бруно** по так называемой Прюнгльской почтовой дороге, в нескольких милях от **города Балраналда**, снова выехали на Мюррейское шоссе» [Моррисон, 1958, с. 391–392].

4) “*We’d been out three months, prospectin’ in the **Fraser Range**, and tucker was getting’ low. Reckoned we’d be back in Coolgardie for Christmas*” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Три месяца мы искали золото **в горах Фрейзер Рейндж**, и продовольствие у нас подходило к концу. Мы рассчитывали к рождеству вернуться в Кулгарди» [Причард₂, 1958, с. 203].

5) “*Out behind them is the line of blue hills; in front is the famous Bakery Hill, and down to the left **Golden Point***” [Lawson₁, 1975, p. 36] «Позади тянется гряда голубых холмов; впереди знаменитый Бейкери Хилл, а внизу налево покинутый **прииск Голден Пойнт**» [Лоусон, 1976, с. 30].

6) “*He was proud of her: proud when she could run to him and call him **mumae***” [Prichard₂, 1975, p. 90]. «Гвелнит гордился ею, гордился, когда она, научившись бегать, стремглав неслась к нему, называя его «**маме**» (**отец**)» [Причард₁, 1958, с. 165].

7) “*She had learnt many words of it from Blind Nelly: hearing her talk, listening to her songs and stories about the birds and animals which were once men of **nyoongar***” [Prichard₂, 1975, p. 85]. «Она выучила много слов этого диалекта, разговаривая со слепой Нелли, слушая ее песни и сказки о птицах и животных, которые некогда тоже были **ниунгар (чернокожими людьми)**» [Причард₁, 1958, с. 160].

8) “*Tell me about her.*” *Mary sat down on the ground opposite to him. “**Bullyarrie, me**”* [Prichard₂, 1975, p. 86]. « – Расскажи мне о ней. – Мэри опустилась на землю перед стариком. – Я из **рода Балиари**» [Причард₁, 1958, с. 161].

9) “*And she glowed in recollection of the great success he had made at the last gathering they had attended – amongst the **Marrawudda** people on the coast – with the latest song, “The Pine Creek Races”*” [Herbert, 1975, p. 154–155]. «Ниниул погрузилась в приятные воспоминания о последнем празднестве, на котором они были, – празднестве **племени марравудда**, на побережье» [Герберт, 1957, с. 129].

10) “*He would keep faith as they had kept faith with him – and the **Gnarler** sing round their camp-fires in the uloo, through the years ahead, as they had done for all the years he could remember*” [Prichard, 1973, p. 127]. «Он будет верен им, как они верны ему, и никогда у костров улу не умолкнут песни **племени гнарлер**, песни, которые звучали там с тех пор, как Хью помнил себя» [Причард, 1959, с. 138].

11) “*She knew that was one of the **bucklegaroo** songs*” [Prichard, 1973, p. 41]. «Она знала, что этой песней сопровождается **обряд буклегару**» [Причард, 1959, с. 43].

12) “*Mumae had them up to the veranda, and gave directions for wood-gathering, burning charcoal, and trapping **dingoes***” [Prichard, 1973, p. 48]. «Мами собирала их всех у веранды и отдавала распоряжения: готовить дрова, обжигать уголь, строить ловушки на **диких собак динго**» [Причард, 1959, с. 52].

13) “*Red haze of dust storms hid the homestead, and **winning-arras** spun, dancing in long unsteady columns from over the plains*” [Prichard, 1973, p. 98]. «Красная дымка песчаных бурь окутывала Вайталибу, над равниной плясали **столбы смерчей – виннинг-арра**» [Причард, 1959, с. 107].

14) “*A couple of hundred yards away was the creacent of bathing beach with a few brown figures lying about in the sand, and behind on the sloping hillside some red-roofed houses snuggled into the **banksias***” [Palmer₃, 1975, p. 123]. «Ярдах в двухстах полукругом раскинулся пляж – на песке кое-где виднелись загорелые тела, а за пляжем, на пологом склоне, **в кустах банксии** уютно прятались домики с красными крышами» [Палмер₂, 1957, с. 31].

15) “*He was a good lad, young Tom, a miner, and at a loose end when the **Flash-in-the-Pan** closed down, just after he had fixed up for his wedding*” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Хороший он был парень, молодой рудокоп Том. Но **рудник Флэшин-Пэн** закрылся, как раз когда Том хотел сыграть свадьбу, и парень остался не у дел» [Причард, 1957, с. 56].

16) “*He was a good lad, young Tom, a miner, and at a loose end when the **Flash-in-the-Pan** closed down, just after he had fixed up for his wedding*” [Prichard₁, 1975, p. 100]. «Том был хорошим парнем. Он работал рудокопом, но **шахта «Промашка»** закрылась, как раз когда он договорился о свадьбе, и он остался без дела» [Причард₂, 1958, с. 203].

Внутритекстовое пояснение позволяет внести дополнительную уточняющую информацию экстралингвистического характера, которая будет способствовать более легкому и точному пониманию переводного текста читателем. Несмотря на то, что данный подход применялся переводчиками достаточно редко, мы считаем его наиболее эффективным, поскольку он позволяет не только сохранить национально-культурную специфику реалии, но и разъяснить ее значение для читателя перевода. К тому же, стоит отметить универсальность этого приема при передаче разных типов реалий: ономастических, этнографических и географических.

Следует отметить также случаи появления нескольких вариантов передачи одной и той же реалии в разных переводах, например:

1) Топоним “*Nullagine*” (небольшой город в штате Западная Австралия в центре засушливого бесплодного района) получил несколько вариантов написания в разных переводах произведений К.С.Причард: «Налладжайн» в рассказе «Удача» (перевод Н.Лосевой), «Наллагайн» в рассказе «Удача» (перевод Э.Питерской) и «Нуллагина» в романе «Кунарду» (перевод Т.Озерской и Э.Питерской).

2) Этнографическая реалия “*wommera*” (копьеметалка) из рассказа К.Герберта «Кайек-певец» также встречается в двух вариантах написания: «вумера» (перевод М.Ермашевой) и «воммера» (перевод И.Архангельской).

3) Ономастическая реалия “*Flash-in-the-Pan*” в рассказе К.С.Причард «Удача» имеет два варианта перевода: «шахта «Промашка» в переводе Э.Питерской и «рудник Флэшин-Пэн» в переводе Н.Лосевой. Отметим, что в варианте перевода Э.Питерской использован функциональный аналог «Промашка», который позволяет точнее передать содержание реалии. Название шахты *Flash-in-the-Pan* в рассказе К.С.Причард о золотоискателях буквально переводится как «Искра в лотке». В «Большом англо-русском словаре» В.Мюллера находим фигуральное толкование выражения “*flash in the pan*” как «неудача» [Мюллер, 2005, с. 293]. Перевод «Промашка» передает эту двойственность значения, сохраняя ироничный характер оригинала.

4) Топоним “*Lake Way*” в рассказе К.С.Причард «Удача» также имеет два варианта передачи: «Озеро Уэй» в переводе Э.Питерской и «Лейк-Уэй» в переводе Н.Лосевой.

3.2. Семантические неточности при передаче национально-культурной специфики австралийских художественных текстов

В первой главе данного исследования мы подчеркивали важность фоновых знаний при передаче национально-культурной специфики художественного произведения. Переводчику художественной литературы необходимо обладать определенным запасом знаний о географии, культуре и традициях страны, с языка которой он делает перевод [Писковец, 2013, с. 80]. В некоторых из рассмотренных нами переводах произведений австралийских писателей мы обнаружили ряд семантических неточностей, связанных с недостатком фоновых знаний у переводчиков. Подробно остановимся на

случаях семантических сдвигов в переводах австралийских художественных произведений:

“*N’goola burnt **quandong**s, mixed the black dust with grease, and rubbed it over the body*” [Prichard₂, 1975, p. 90]. «Нгула сожгла **косточки дикой вишни**, смешала черный пепел с грязью и натерла этой массой свое тело» [Причард₁, 1958, с. 165].

“*Quandong*” представляет собой туземное название нескольких разновидностей деревьев, которые приносят плоды с косточками, похожие на персики [Мурат₁, 1975, с. 62]. Соответственно перевод «косточки дикой вишни» является неточным.

“***Hurroo***”, he said, and with a bravado born of his shabby youth he hurried off down the road” [Hadow, 1975, p. 183]. « – **Ура!**.. – вдруг закричал он, напустив на себя бодрый вид, и быстро зашагал по дороге» [Хэдоу, 1958, с. 338].

Данный пример взят из рассказа Л.Хэдоу «Воскресный день» (“*Sunday Afternoon*”). В австралийском варианте английского языка слово “*hurroo*” (*hooroo, hooray*) относится к разговорному стилю и переводится как «привет», «до свидания» [АНЗЛС, 2001, с.112]. В сцене прощания матери и юного сына, которого нищета вынуждает покинуть родной дом и отправиться на поиски заработка, слово *hurroo* переведено как «*Ура!*», что, на наш взгляд, все же противоречит замыслу автора оригинального произведения.

“*Lonely and curious, occasionally, she went down to the uloo to watch the **corroborees***” [Prichard, 1973, p. 42]. «Порой, гонимая одиночеством и любопытством, она шла в улу поглядеть на **празднество**» [Причард, 1959, с. 44].

Слово “*corroboree*” очень часто встречается в австралийской художественной литературе. Согласно лингвострановедческому словарю «Австралия и Новая Зеландия», оно имеет следующие значения:

1. Корробори (*священный, праздничный или военный танец*)
2. Песня, сопровождающая танец корробори

3. Любое шумное сборище
4. Беспорядки, возмущение, бунт [АНЗЛС, 2001, с. 78]

Соответственно, перевод этого слова как «празднество», предложенный Т.Озерской и Э.Питерской, искажает первоначальное значение слова “*corroboree*”.

“*In the evening when Gwelnit returned from work on the run or in the stockyards, he would find Mittoon squatted on the ground outside the **wurley**. Inside, the baby wailed fretfully*” [Prichard₂, 1975, p. 88]. «По вечерам, возвращаясь с пастбищ или из загонов, Гвелнит находил Митуун сидящей на корточках перед **хижиной**, из которой раздавался жалобный детский плач» [Причард₁, 1958, с. 163].

В лингвострановедческом словаре «Австралия и Новая Зеландия» дается следующее значение слова “*wurley*” – «хижина аборигенов, построенная из веток, сплетенной травы и листьев» [АНЗЛС, 2001, с. 200]. Наиболее подходящим русским эквивалентом для “*wurley*” может служить слово «шалаш». На наш взгляд, перевод «хижина» может ввести читателя в заблуждение, поскольку в русском языке это слово имеет несколько иное значение, а именно, согласно толково-словообразовательному словарю Т.Ф.Ефремовой, хижина представляет собой небольшой дом или избушку (обычно в сельской местности) [Ефремова₂, 2000, с. 933]. Таким образом, перевод слова “*wurley*” как «хижина» является неточным.

“*Fat little Ninyul, puffing at his heels, bore the bulk of their belongings – swag balanced on her curly head, big grass dillybag hanging from a brow-strap down her back, tommy-axe and **yamsticks** in a sugar-bag slung on her left shoulder, and fire-sticks and billy in her right hand*” [Herbert, 1975, p. 154]. «Толстушка Ниньюл, запыхавшись, следовала за ним, таща на себе все их пожитки, – на курчавой голове раскачивался узел, на спине болталась прикрепленная к головной повязке большая, сплетенная из травы сумка, через левое плечо был перекинут

мешок из-под сахара с топором и **мотыгой**, а в правой руке она несла палочки для добывания огня и котелок» [Герберт, 1958, с. 289].

Согласно лингвострановедческому словарю, “*yam stick*” представляет собой длинную заостренную палку, используемую аборигенами для выкапывания корней вьющихся лиан [АНЗЛС, 2001, с. 95]. Предложенный переводчиком эквивалент «мотыга» для слова *yamsticks* кажется нам некорректным.

Рассмотрим это же предложение в переводе И.Архангельской:

«Она тащила все остальные пожитки – на ее курчавой голове покачивался свэг, за спиной была привязана большая корзина из тростника, топорик и **клубни ямса** лежали в мешке, перекинутом через левое плечо, а в правой руке она несла котелок и огниво» [Герберт, 1957 с. 128].

Предложенный переводчиком вариант «клубни ямса» для реалии “*yamsticks*” также является некорректным. Кроме того, в этом предложении обращает на себя внимание еще одна семантическая неточность:

“*Fat little Ninyul, puffing at his heels, bore the bulk of their belongings – swag balanced on her curly head, big grass dillybag hanging from a brow-strap down her back, tommy-axe and yamsticks in a sugar-bag slung on her left shoulder, and **fire-sticks** and billy in her right hand*” [Herbert, 1975, p. 154]. «Она тащила все остальные пожитки – на ее курчавой голове покачивался свэг, за спиной была привязана большая корзина из тростника, топорик и клубни ямса лежали в мешке, перекинутом через левое плечо, а в правой руке она несла котелок и **огниво**» [Герберт, 1957 с. 128].

В лингвострановедческом словаре слово “*fire-stick*” означает «палка для разжигания огня (*обычно тлеющая палка, переносимая аборигенами во время кочевки со стоянки на стоянку, особ. на о-ве Тасмания*)» [АНЗЛС, 2001, с. 95]. Согласно толковому словарю русского языка «огниво» представляет собой «кусочек камня или стали для высекания огня из кремня» [Ефремова₁, 2000, с.

1106]. Следовательно, перевод «огниво» для слова “*fire-stick*” нельзя считать верным.

Далее рассмотрим пример перевода слова “*fire-sticks*” в романе К.С.Причард «Кунарду»:

“*The old women wandered about carrying **fire-sticks** to warm them*” [Prichard, 1973, p. 128]. «А старухи носили с собой **головни**, чтобы хоть как-нибудь согреться» [Причард, 1959, с. 138].

В толково-словообразовательном словаре русского языка Т.Ф.Ефремовой слово «головня» имеет следующие дефиниции:

1. Тлеющее или обгорелое полено, бревно;
2. Болезнь растений (обычно хлебных злаков), вызываемая грибами-паразитами [Ефремова₁, 2000, с. 321].

Следовательно, вариант перевода «*головни*» также искажает первоначальное значение реалии “*fire-sticks*”.

“*If there is anything worse than **burr-cutting** or breaking stones, it’s putting corn in with a hoe*” [Rudd₁, 1975, p. 71]. «Если есть на свете что-нибудь более скверное, чем **корчевать репейник** или дробить камень, так это сеять кукурузу с помощью мотыги» [Радд₂, 1958, с. 154].

В австралийском варианте английского языка слово “*burr*” означает «выступающая острая скала» [АНЗЛС, 2001, с. 63]. Вероятно, переводчик перепутал слова “*burr*” и “*bur*”, поскольку в Большом англо-русском словаре В.К.Мюллера есть слово с похожим написанием “*bur*”, которое переводится как «репейник» [Мюллер, 2005, с. 98]. Однако следует заметить, что данное растение не произрастает в Австралии. Таким образом, данный перевод является некорректным и может ввести читателя в заблуждение.

“*The **soak** we’d been getting water from, gave out*” [Prichard₁, 1975, p. 100–101]. «**Ручей**, в котором мы брали воду, высох» [Причард, 1957, с. 57].

“*Soak*” – углубление в почве, в кот. после дождей скапливается вода (в Западной Австралии) [АНЗЛС, 2001, с.180]. Следовательно, перевод «ручей» не вполне точен.

“*On his right shoulder he carried three spears and wommera; and from his left hung a long bag of banyan-cord containing his big painted **dijeridoo** and music-sticks*” [Herbert, 1975, p. 154]. «На правом плече Кайек нес три копья и воммеру, а с левого свисал длинный мешок из волокон смоковницы, в котором лежал его большой раскрашенный **барабан** и музыкальные палочки» [Герберт, 1958, с. 289]

“*Dijeridoo*” (*didgeridoo*) – диджериду или «музыкальный духовой инструмент, представляющий собой длинную, ок. 2 м, деревянную или бамбуковую трубу» [АНЗЛС, 2001, с. 84]. Соответственно, перевод «барабан» искажает первоначальное значение реалии “*dijeridoo*”.

“*Old McShane’s selection was in the middle of the Big Scrub, twelve hundred acres of belah and brigalow, forty feet high and as thick as the hair on the **heeler’s** back, fair in the middle of ten thousand acres of the same class of country*” [Davison, 1975, p. 136]. «Участок старого Мак-Шейна был расположен в самой глубине Большого Скрэба – тысяча двести акров, покрытых зарослями акации, которая подымалась на сорок футов в высоту и росла так густо, словно перья на шее у **бойцовского петуха**, а кругом на десятки тысяч акров тянулись все те же заросли» [Дэвисон, 1958, с. 247].

Несмотря на то, что одно из значений слова “*heeler*” – «боевой петух» [Мюллер, 2005, с. 347], в австралийском варианте английского языка это слово имеет еще одно значение. Так, в лингвострановедческом словаре «Австралия и Новая Зеландия» находим следующую дефиницию слова “*heeler*”: «хилер, особая австралийская порода собак с густой шерстью; первоначально помесь шотландской овчарки с динго. Собаки этой породы используются как загонщики овец» [АНЗЛС, 2001, с. 110] На правильность последнего варианта

указывает контекст – “*the hair on the heeler’s back*”. Поэтому перевод «бойцовский петух» является некорректным.

“*An hour before, the sun had come lifting over the tall raws of **mountain-ash** that topped the hillside, sucking up the dews of the creek-bed and making the spiders’ webs between the ferns shine like silver*” [Palmer₂, 1975, p. 114]. «Час тому назад из-за высоких **рябин**, венчавших холм, выглянуло солнце, его лучи выпили росу в сухом русле и посеребрили паутину в папоротнике» [Палмер, 1958, с. 228].

Слово “*mountain-ash*” переводится как «эвкалипт» [АНЗЛС, 2001, с. 142]. Перевод «*рябина*» кажется нам неуместным, поскольку это растение не произрастает на территории Австралии.

“*When the shearer touched skin, he yelled “**Tar!**” and when he finished he shouted “Wool away!” at the top of his voice, and his mates echoed him with a will*” [Lawson₃, 1975, p. 31]. «Когда стригальщик дотронулся до шкуры, то завопил: «**Так держать!**», а кончив, закричал во всю глотку: «Шерсть убрать!», и ребята охотно подхватили этот возглас» [Лоусон₂, 1958, с. 92].

Перевод «*Так держать!*» не совсем точен, поскольку высказывание “*Tar!*” представляет собой традиционный возглас стригалей, который буквально означает «Дегтя!». Дело в том, что австралийские стригали использовали древесную смолу для того, чтобы смазывать порезы, нанесенные овцам во время стрижки [АНЗЛС, 2001, с. 188].

“*They had five camels and made good progress the first and second day, expecting to strike a **gnamma hole** on the third*” [Prichard₁, 1975, p. 101]. «У них было пять верблюдов, и первые два дня они продвигались быстро, надеясь на третий день найти **туземный колодец**» [Причард₂, 1958, с. 204].

В лингвострановедческом словаре «Австралия и Новая Зеландия» находим следующую дефиницию слова “*gnamma hole*”: «подземная полость, образующая естественный резервуар со своей растительностью и животным миром; водоем, углубление в скале, заполненное водой» [АНЗЛС, 2001, с. 145].

Перевод «туземный колодец» может ввести читателя в заблуждение, поскольку в этом случае подразумевается колодец, вырытый аборигенами. Однако согласно вышеуказанному определению, “*namma (gnamma) hole*” является природным явлением.

“*He had risen with the birds, and had trudged up the beach with a piece of old shark in his bag to catch seaworms for the **summer visitors** when, just beyond the second point, an astonishing sight met his eyes*” [Palmer₁, 1975, p. 106]. «В то утро он встал на рассвете вместе с птицами и, положив в мешок кусок мяса тухлой акулы, потащился к берегу, чтобы наловить на эту приманку морских червей для **приезжающих на лето дачников**» [Палмер₁, 1957, с. 20].

Приведенный пример взят из рассказа В. Палмера «Выброшенный за борт» (“*Jettisoned*”), в котором речь идет о жизни рыбаков в одном из маленьких австралийских городков на побережье. Словосочетание “*summer visitors*” упоминается вскользь только в начале. Из контекста не ясно, почему именно дачники, а не, к примеру, приезжие или отдыхающие. Само слово “*visitor*” переводится как «посетитель», «гость», «приезжий», «инспектор», «ревизор» [Мюллер, 2005, с. 765]. На наш взгляд, вариант перевода «дачники» серьезно искажает оригинальное выражение “*summer visitors*”, поскольку не соответствует австралийской действительности.

Таким образом, проанализировав переводы исследуемых нами австралийских рассказов, мы можем сделать вывод, что переводчики в некоторых случаях допускали семантические ошибки, связанные с недостатком фоновых знаний о бытовых, природных и географических особенностях Австралии. Приведенные примеры демонстрируют, что подобные неточности могут ввести в заблуждение читателя перевода и, тем самым, привести к определенной коммуникативной неудаче. Подобные ошибки могут быть связаны с тем, что переводы, из которых были взяты примеры выше, были сделаны в 50-60-е годы XX века, когда, вероятно, не всегда можно было найти необходимые сведения лингвострановедческого характера.

3.3. Передача иноязычных вкраплений австралийского происхождения на русский язык

Особую сложность для переводчика представляет перевод художественных произведений, включающих в себя иноязычные вкрапления, т.е. короткие высказывания или тексты на чужом для самого произведения языке. С.И.Влахов и С.П.Флорин понимают под иноязычными вкраплениями «все слова и выражения, которые автор оригинала дает на другом, не своем, языке в их исконном написании или в транслитерации, т.е. без каких либо морфологических изменений» [Влахов, Флорин, 2002, с. 25].

В произведениях западной литературы прошлых веков было принято употреблять латинские и древнегреческие афоризмы и фразы, что считалось признаком хорошей эрудиции и образованности писателя. В русской классической литературе можно встретить произведения с использованием вкраплений на латинском, немецком и французском языках. Например, роман Л.Н.Толстого «Война и мир», в котором встречаются целые пассажи на французском языке.

В современной литературе писатели нередко употребляют повседневные слова и выражения на чужом для подлинника языке. Подобные иноязычные элементы в произведении используются в качестве речевой характеристики персонажей, для придания произведению своеобразного местного колорита, «впечатления начитанности и учености» или же комичной окраски [Влахов, Флорин, 2012, с. 293].

Однако следует указать, что в результате интеграции наук и искусств, в произведениях современных авторов на всех языках все чаще встречаются иностранные слова и выражения, которые представляют собой полностью или частично ассимилированные заимствования. В этом случае С.И.Влахов и С.П.Флорин отмечают, что подобные слова «подчиняются грамматическим

правилам принявшего их языка и <...> не являются иноязычными вкраплениями: автор употребляет их непреднамеренно, как привычные для него слова родного языка» [Влахов, Флорин, 2012, с. 293].

Как правило, писатель доводит до читателя значение иноязычного вкрапления в сноске или комментарии. Однако встречаются случаи, когда автор оставляет вкрапления на чужом языке без пояснений или перевода, рассчитывая на подготовку читателя, или же, считая их элементами колорита, для восприятия которых не обязательно их осмысление.

Вкрапление из чужого языка практически всегда серьезно осложняет работу переводчика, которому необходимо сохранить как смысловое содержание оригинального текста, так и его эмоциональную наполненность. Как известно, универсального способа передачи иноязычных вкраплений не существует. Следует отметить, что «транскрибирование вкрапления из чужого языка делает его абсолютно непонятным читателю перевода, в то же время перевод без какого-либо указания на языковую принадлежность вкрапления не позволит сохранить определенный стилистический эффект, задуманный автором оригинального текста» [Писковец, 2014, с. 141]. В теории перевода можно выделить два основных подхода к передаче иноязычных вкраплений:

1. Переводчик передает только важнейшие с точки зрения смыслового содержания фразы и намекает на чужеродность речи при помощи коротких реплик, не требующих пояснения;

2. Переводчик транскрибирует иноязычное вкрапление и добавляет перевод в комментарии или сноске [Влахов, Флорин, 2012, с. 296–298].

Отметим, что важную роль при переводе иноязычного вкрапления играет степень его узнаваемости, которая иногда делает перевод излишним. Так, большое количество пословиц, поговорок и крылатых выражений из различных языков уже стали международными и не требуют перевода. Например:

“*Cherchez la femme*” – фр. «Ищите женщину»;

“*Memento mori*” – лат. «Помни о смерти» (шутл.–ирон. призыв осознать ценность жизни);

“*No pasaran!*” – исп. «Они не пройдут!» (шутл.–ирон. используется иносказательно о решимости противостоять своим оппонентам);

“*Don't worry, be happy*” – англ. «Не тревожься, будь счастлив».

В произведениях австралийской художественной литературы, посвященных коренному населению Австралии, писатели часто добавляют вкрапления из языков аборигенов, чтобы придать повествованию яркий самобытный колорит. Так, в романе К.С.Причард «Кунарду» (“*Coonardoo*”) часто встречаются вкрапления из языков аборигенов северо-запада Австралии. В рассказе К.Герберта «Кайек-певец» (“*Kaijek the Songman*”) используются короткие реплики из племенных языков, которые служат средством индивидуализации речи персонажей. В связи с этим важную роль приобретает проблема полноценной передачи иноязычных вкраплений австралийского происхождения с сохранением в языке перевода единства формы и содержания оригинального произведения.

Передача иноязычных вкраплений из племенных языков, на наш взгляд, вызывает особые сложности, поскольку языки коренного населения Австралии имеют узкую область распространения и не всегда зафиксированы в специализированных источниках. Существующие исследования, посвященные изучению австралийских языков, зачастую дают лишь общие сведения об их лексическом составе и грамматической структуре, что в некоторых случаях делает перевод иноязычного вкрапления практически невозможным.

В романе «Кунарду» К.С.Причард, как правило, поясняет для читателя значение большинства вкраплений, предлагая в скобках английский перевод песни или высказывания. В этом случае передача иноязычного вкрапления на русский язык не составляет особого труда, поскольку иноязычное вкрапление можно транскрибировать, а комментарий автора перевести. Однако следует также отметить, что при транскрибировании иноязычного вкрапления важно

учитывать фонетические традиции соответствующего языка. Фонетический облик племенных наречий Австралии весьма разнообразен и не всегда находит исчерпывающее описание в специальной литературе, что в значительной степени затрудняет работу переводчика. Отсутствие необходимого справочного материала вынуждает его искать компромиссный вариант. Так, при переводе иноязычных вкраплений в романе «Кунарду» переводчики использовали преимущественно комбинацию транскрипции и транслитерации по правилам английской фонетики. Следует отметить, что во всех проанализированных примерах из романа «Кунарду» обращает на себя внимание неоднозначность выбора способа передачи иноязычных вкраплений. Например, в одном и том же предложении переводчики одновременно используют транслитерацию, транскрипцию или же сочетание этих приемов для передачи отдельно взятой лексической единицы.

Иноязычные вкрапления в романе «Кунарду» можно условно разделить на две группы в зависимости от их исходной формы в тексте оригинала: 1) вкрапления с пояснением автора; 2) вкрапления без пояснения автора. Последовательно рассмотрим каждую группу.

1) “*Tani wali (Come quickly), Coonardoo!*» he called...” [Prichard, 1973, p. 21]. « – **Тани воли**, Кунарду! – крикнул он...» [Причард, 1959, с. 20].

В этом примере переводчики добавляют пояснение в сноске: «Иди сюда живей!».

2) “*Mumae sick feller. Tell'm yienda buckunma (you come quickly),*” *Meenie said*” [Prichard, 1973, p. 79]. « – Мама больна. **Иенда бэкунма!** (Приезжай быстрее!) – сказала Миини» [Причард, 1959, с. 86].

В этих двух примерах короткие реплики снабжены комментарием автора. Благодаря использованию сочетания транскрипции и транслитерации, а также переводу авторского комментария, переводчики сохранили исходную форму иноязычных вкраплений и их смысловое содержание.

В романе «Кунарду» включения из племенных языков выступают не только в виде коротких реплик, но и в виде фрагментов песен, некоторые из которых связаны с обрядами и ритуальными церемониями, играющими важную роль в культурной жизни австралийских аборигенов. В предисловии к роману К.С.Причард указывает, что тексты некоторых песен взяты из уже мертвых языков. Кроме того, автор также обращает внимание на тот факт, что современные аборигены неохотно делятся точным переводом племенных песен, предпочитая передать лишь их общий смысл [Prichard, 1973, p. 18].

Приведем примеры передачи песен австралийских аборигенов в романе «Кунарду»:

- 3) ***Perandalah gnunga, willy-willeree, wilbee-wilberree, chidelah tarra-murra, Wonga coolah, kangee, weerungunoo babba, bookerilla munda, Yirri-billee moolungoonah. Coonderilla, yierra barnmunma, yierra barnmunma, Gnieba yierra, midgeleerie-midgelerrie Wonga cubba yiding garra.***

(Veranding while it is willy-willy, in gusts, rain running from the roof and springing up from pools on the ground. Loud thunder shakes the earth; lightning, through rain, dazzles the eyes so that we can't see the hills over there. All happy, clicking teeth, one after the other, enjoying looking on, smoking, showing red tongue, white teeth, talking all in a row!) [Prichard, 1973, p. 101–102]

Перед нами достаточно большой фрагмент песни вместе с развернутым пояснением автора. В переводе на русский язык исходная форма этого иноязычного вкрапления сохранена благодаря тому, что переводчики передали текст песни при помощи сочетания транскрипции и транслитерации и перевели комментарий автора:

**«Перандала гнунга, вилли-виллери, вилби-вилбери, чидела тарра-мурра,
Вонга-кула, канги вирунгу баба, букерилла, мунда,**

Йирри-билли мулунгуна.

Кундерилла, йерра барнмунма, йерра барнмунма,

Гниэба йерра, мидгелирие-мидгелирри

Вонга куба йидинг-гарра.

(Мы сидим на веранде, а снаружи вилли-вилли, ветер налетает порывами, дождь течет с крыши, капли бьют по лужам. Сильный гром сотрясает землю, молния блещет сквозь пелену дождя такая яркая, что мы не видим гор. Все счастливы, все радуются дождю, курят, показывая белые зубы, красный язык, все вместе говорят)» [Причард, 1959, с. 110].

Важно отметить, что транскрибирование таких больших отрывков песен неизбежно приводит к варваризации текста, что серьезно затрудняет восприятие перевода. Однако если в этом случае опустить вкрапление и перевести только комментарий автора, иными словами, передать исключительно смысловое содержание песни, первоначальный колорит будет безвозвратно утрачен. Следовательно, при передаче элементов фольклора будет вполне уместно использовать транскрипцию (или в нашем случае, транскрипцию и транслитерацию) с добавлением перевода, сокращая при необходимости слишком большие фрагменты [Писковец₂, 2014, с. 142–143].

4) *“Towera chinima poodinya,*

Towera jinner mulbeena,

Poodinyoober mulbeena.

(“*Kangaroos coming over the range in the twilight, and making a devil dance with their little feet, before they begin to feed.*”)” [Prichard, 1973, p. 19].

Этот фрагмент песни также сопровождается подробным комментарием автора. Обратимся к русскому переводу этого иноязычного вкрапления:

«Товера чинима пудинья,

Товера джиннер мультбина,

Пудиньюбер мультбина.

(«Перед рассветом кенгуру на маленьких лапках спускаются с гор и пляшут-скачут, а потом пасутся в траве».)» [Причард, 1959, с. 17]

В этом примере переводчики вновь сохраняют исходную форму иноязычного вкрапления и приводят пояснение в комментарии. Приведем еще несколько аналогичных примеров:

5) ***“Me-ra-rar ngar-rar ngular-gar gartha-gara!***

Calling with steaming head!

Mooranger! Nar-ra-ga! Mille-gidgee!

Coming! Passing! Gone!” [Prichard, 1973, p. 94].

«Ме-ра-рар нгар-рар нгулар-гар, гарза-гара! (кричит своей дымящейся головой!)

Мурангер! Нар-ра-га! Миллие-гиджи! (Ближе! Рядом! Исчез!)» [Озерская, Питерская, 1959, с. 103].

6) *“More often, Winni was heard intoning a low, moaning melody with broken rhythm:*

“Nungardie naju, karri chitar-aima warra naju

Nieba-nieba kullinjarigo nuniewarra nyengo

Murda-muddie, murda-murdidee.”

“Means,” Winni muttered, “Mother mine, I stand and wail for you, but I will return and bring something pleasing for you in the way of food” [Prichard, 1973, p. 225].

«Но еще чаще Винни жалобным речитативом напевал другую песню:

Нунгардие найю, карри читер-айма вара найю

Ниэба-ниэба кулиньяриго нуниеварра найенго

Мурда-мурдиа, мурда-мурдидии.

– Это значит, – пробормотал Винни, – **«Мама, родная, вот я стою и плачу по тебе, но скоро я опять приду и принесу тебе поесть что-нибудь вкусное»** [Причард, 1959, с. 249].

Теперь рассмотрим группу вкраплений, которые не имеют пояснения или соответствующего комментария автора.

7) *“Phyllis, picking up a stone, threw it after him, screaming at the top of her voice, like an old gin, “Walyee mari, minyibulla nunki-nunki chungee-chungee booketera kundi-kundi spa!”* [Prichard, 1973, p. 142]. «Филлис подняла камень и бросила его в Саула, во все горло выкрикивая, как старая туземка:

– **Вальи мари, минь йинбулла нунки-нунки чунги-чунги букетера кунди-кунди спа!»** [Причард, 1959, с. 153].

В данном примере иноязычное вкрапление сохранено, однако о смысловом содержании вкрапления можно только догадываться. Следует однако отметить, что иноязычные вкрапления без пояснения автора в романе «Кунардун», как правило, представляют собой часто повторяющиеся фрагменты песен или высказываний, которые уже были переведены ранее, или же короткие реплики, значение которых ясно из общего контекста. Соответственно, отсутствие какого-либо пояснения к этим иноязычным вкраплениям не затрудняет понимание текста в целом. В подобных примерах переводчики сохраняют первоначальную форму вкраплений, не поясняя их значение. Приведем несколько примеров:

8) *“And there was another:*

Choongoo choongoo cheriegoo,

Wannerjettie gnadegoo

Yeralger mundanie” [Prichard, 1973, p. 42].

«А иной раз пелась и другая песня:

Чунгу чунгу чериегу,

Ваннеръетти гнадегу

Йералгер мундание» [Озерская, Питерская, 1959, с. 43].

9) *“The women screeched “Pee-taerda! Pee-taerda!”* [Prichard, 1973, p. 38].

«Женщины продолжали выкрикивать: **«Пии-таерда! Пии-таерда!»** [Причард, 1959, с. 40].

10) “*Neeroo-ran neeroo*”, they sang, catching the man’s song and singing it over and over” [Prichard, 1973, p. 37]. «**Нииру-ран нииру**», – пели они, вторя песне мужчин и повторяя ее снова и снова» [Причард, 1959, с. 38].

В некоторых произведениях австралийских авторов также часто встречаются диалоги аборигенов с белыми поселенцами, где реплики аборигенов представляют собой ломаную английскую речь с вкраплениями отдельных слов или фраз из племенных языков. Данный прием служит средством индивидуализации речи персонажей и позволяет придать повествованию своеобразный местный колорит. Следует отметить, что и в оригинальном тексте романа «Кунарду», и в его переводе, представлен словарь туземных слов, который упрощает понимание текста [Prichard, 1973, p. 243–244; Причард, 1959, с. 270–271]. Приведем несколько примеров из романа «Кунарду»:

11) “*Nabi, silly cowa-cowa! Look at the sun!...*” [Prichard, 1973, p. 117]. «**Наби**, глупые, **кова-кова!** Посмотрите-ка на солнце!...» [Причард, 1959, с. 126].

12) “*And Warieda talked murmurously. “Wiah! Wiah! Menoo, yienda Thetis cooboo!”*” [Prichard, 1973, p. 70].

«И Вариеда негромко повторял: - **Виа! Виа! Мену, йенда Фетида кубу!**» [Причард, 1959, с. 77].

В словаре туземных слов, представленном автором в конце книги, можно найти следующие значения: Наби – ты, вы; кова-кова – глупый; виа – нет; йенда – ты; кубу – маленький ребенок [Причард, 1959, с. 270].

В рассказе К.Герберта «Кайек-певец» (“*Kaijek the Songman*”) обращают на себя внимание вкрапления отдельных слов из племенных языков и короткие реплики аборигенов, которые представлены без пояснения автора. В этих случаях переводчики сохранили исходную форму иноязычных вкраплений, не уточняя их значение. Следует отметить, что в переводе М.Ермашевой вкрапления из племенных языков переданы при помощи транскрипции, а в

переводе И.Архангельской – при помощи компромиссного перевода (сочетание транскрипции и транслитерации). Приведем примеры:

13) “*Marjidi najjil!*” *grunted Kaijek, and spat over his shoulder to show his contempt*” [Herbert, 1975, p. 157].

Перевод М.Ермашевой:

« – **Марьиди найил!** – сердито пробурчал Кайек и плюнул через плечо в знак презрения» [Герберт, 1958, с. 292].

Перевод И.Архангельской:

« – **Марэжиди найэжил!** – проворчал Кайек и сплюнул через плечо, чтобы выказать свое презрение» [Герберт, 1957, с. 132].

14) “*She leapt and cried joyously, “Yakkarai!”*” [Herbert, 1975, p. 159].

Перевод М.Ермашевой:

«Она вскочила и радостно закричала:

– **Яаккараи!**» [Герберт, 1958, с. 295].

Перевод И.Архангельской:

«– **Яккараи!** – радостно закричала Ниниул и подпрыгнула» [Герберт, 1957, с. 134].

15) “*Kaijek picked it clean, spat on it, rubbed it on his thigh, weighed it, then looked at Ninyul and said with a grin, “Kudjing-gah-tobacca!”*” [Herbert, 1975, p. 157].

Перевод М.Ермашевой:

«Кайек стряхнул оставшийся песок, поплевал на самородок, потер его о бедро, взвесил в руке, затем взглянул на Ниньюл и сказал с усмешкой: – **Куджин-га-тобакка!**» [Герберт, 1958, с. 293].

Перевод И.Архангельской:

«Кайек отчистил его от породы, поплевал на него, потер о бок, взвесил на ладони, потом повернулся к Ниниул и сказал с усмешкой: – **Каджин-га – табак!**» [Герберт, 1957, с. 132].

Таким образом, вкрапления из племенных языков в австралийской художественной литературе служат средством создания самобытного местного колорита и представляют определенные сложности при переводе на русский язык. Мы уже отмечали выше, что в отношении передачи иноязычных вкраплений существуют две тенденции: 1) передача важнейших фраз с сохранением намека на чужеродность, 2) транскрибирование иноязычного вкрапления и добавление перевода или комментария. В приведенных примерах переводчики сохраняли исходную форму иноязычных вкраплений без каких-либо сокращений, добавляя пояснение только в том случае, если оно представлено автором оригинального произведения. В романе К.С.Причард «Кунарду» все вкрапления из австралийских племенных языков приведены без сокращений и переданы при помощи комбинации транскрипции и транслитерации по правилам английской фонетики. Пояснения к вкраплениям, предложенные автором произведения, воспроизведены и в переводном тексте. Такой подход позволил передать смысловое содержание большинства вкраплений в романе. Некоторые включения из племенных языков в романе не имеют пояснений ни в оригинальном, ни в переводном тексте. Как правило, они представляют собой часто повторяющиеся реплики или фрагменты песен, о значении которых можно догадаться благодаря контексту. В рассказе К.Герберта «Кайек-певец» вкрапления из языков аборигенов представлены без пояснения автора. В переводах на русский язык полностью сохранена их исходная форма (в переводе М.Ермашевой использована транскрипция, а в переводе И.Архангельской – компромиссный перевод) без добавления перевода или комментария.

3.4. Передача отклонений от литературной нормы в австралийской художественной литературе на русский язык

Понятие «отклонение от литературной нормы» включает в себя все случаи искажений литературного языка и речи. С.И.Влахов и С.П.Флорин предлагают разделять отклонения от литературной нормы на две группы:

1. Коллективные:

- 1) Просторечие.
- 2) Диалекты и народные говоры.
- 3) Арго, жаргоны, сленг.
- 4) Профессиональные языки.

2. Индивидуальные

- 1) Вольности устной речи.
- 2) Детский язык.
- 3) Ломаная речь.
- 4) Дефекты речи (косноязычие, шепелявость, сюсюканье, гнусавость, картавость, пришептывание, заикание и пр.).
- 5) Ошибки в произношении и правописании [Влахов, Флорин, 2012, с. 283].

Как правило, отклонения от литературной нормы в художественной литературе характеризуют местное или социальное происхождение говорящего и применяются авторами для создания своеобразного колорита. В.С.Модестов отмечает, что при передаче отклонений от литературной нормы «поиск следует начинать со сравнительного анализа имеющихся в национальной и переводной литературах однотипных примеров: выявление модели «отклонения» подскажет переводческое решение» [Модестов, 2006, с. 100].

Отклонения первой группы (коллективные) нередко используются в качестве основного языкового средства при создании художественного

произведения. В случае, когда целое произведение написано на наречии, диалекте и арго, его переводят средствами литературного языка, лишь указывая на своеобразие подлинника при помощи отдельных «сигналов» [Влахов, Флорин, 2012, с. 283]. Если отклонения от литературной нормы служат для создания речевой характеристики персонажей или для придания колорита произведению, возникает необходимость в компенсации и поиске соответствующего аналога или эквивалента в языке перевода, что позволяет передать намерение автора оригинала.

Традиционно при передаче сленга, арго или жаргона принято использовать функциональные аналоги или соответствия, т.е. искать в языке перевода элементы сниженного стиля. Однако это должны быть нейтральные слова или обороты, не характерные для какого-либо определенного диалекта или сленга, «но указывающие своими фонетическими, лексическими и синтаксическими особенностями на принадлежность к провинциализмам или жаргонизмам вообще» [Модестов, 2006, с. 102]. Главное преимущество такого подхода, а именно подбора нейтральных слов и оборотов, заключается в том, что подобными речевыми средствами в той или иной мере располагает каждый развитый язык. При переводе следует также учитывать и временной фактор, поскольку жаргоны, арго и сленг подвержены частым изменениям.

Некоторые исследователи отождествляют социальные диалекты с просторечием. Поэтому при отсутствии соответствий или функциональных аналогов в ПЯ, переводчик может прибегнуть к просторечию, которое позволит придать переводимому тексту своеобразную специфику подлинника. Так, просторечие может служить основным функциональным соответствием при передаче территориальных и социальных диалектов.

В отношении перевода диалектной речи существует правило, согласно которому диалектизм ИЯ нельзя переводить диалектизмом ПЯ, другими словами, по выражению В.Г.Гака, нельзя передавать «южнофранцузские диалектизмы с помощью особенностей южнорусских диалектов» [Цит. по

Влахов, Флорин, 2012, с. 285]. При передаче диалектизмов принято использовать элементы разговорной речи, но избегать диалектизмов и вульгаризмов языка перевода. В частных случаях, когда автор художественного произведения поясняет диалектную речь своего героя, достаточно лишь передать эту реплику на литературном языке, не подбирая аналог в языке перевода.

Вторая группа отклонений включает в себя умышленное и неумышленное словотворчество (оказиональные неологизмы, детская речь, ломаная речь, дефекты речи и т.д.). Подобные слова в большинстве своем не приживаются в языке. Отклонения от литературной нормы этого типа принято передавать при помощи функционального аналога с учетом сложившихся в языке перевода традиций в отношении передачи особенностей иностранной речи. Эти традиции нередко опираются на структурные расхождения внутри каждой пары языков. Например, в русской литературе при передаче немецкого акцента немецкие фонемы замещаются русскими (например, употребление мягкого «ль» вместо твердого «л» и т.д.). Ломаная речь персонажей нередко носит индивидуальный характер и передается по-разному в зависимости от замысла автора подлинника. В любом случае, при работе с какими-то ни было отклонениями от литературной нормы важен осторожный подход и чувство меры переводчика.

В некоторых произведениях австралийской художественной литературы можно встретить примеры отклонений от литературной нормы, многие из которых носят индивидуальный характер: ломаная вольная речь малообразованных австралийцев, а также искаженная английская речь аборигенов. Для такого рода речи свойственны фонетические, морфологические, а иногда и грамматические искажения.

И.Левый указывает, что при передаче ломаной речи малообразованных людей «единственное, что может сделать переводчик, – это отделить речь провинциала от речи более образованных персонажей, говорящих на

общенациональном языке. Если переводчик хочет избежать языкового натурализма, лучшим способом для этого будет прием намека. Чтобы дать понять читателю, что перед ним провинциал, удобнее всего использовать выражения достаточно нейтральные, не характерные для какого-нибудь определенного диалекта, но отличающиеся фонетическими, лексическими или синтаксическими особенностями, общими для нескольких диалектов, и потому ощущаемые не как принадлежность какой-то определенной местности, а скорее, как провинциализм вообще» [Левый, 1974, с. 140].

Подобные примеры неграмотной речи можно встретить в рассказах австралийского писателя Г. Лоусона «Стрижка собаки повара» (*“The Shearing of the Cook’s Dog”*) и «Товарищ отца» (*“His Father’s Mate”*). В переводе эти отклонения переданы нейтральными аналогами разговорного русского языка с сохранением «намека» на сниженный стиль. Приведем примеры:

1) *“Wotter yer growlin’ about?” asked one. “Wot’s the matter with yer, anyway?”* [Lawson₃, 1975, p. 31]. « – **Чего ты ворчишь?** – спросил кто-то. – **Что это на тебя нашло?**» [Лоусон₂, 1958, с. 92].

2) *“I don’t know nothing about yer dog!” protested a rouseabout; “wotyer getting’ on to me for?”* [Lawson₃, 1975, p. 31]. « – **Нужна мне твоя собака,** – заявил один из поденщиков. – **Чего ты ко мне привязался?**» [Лоусон₂, 1958, с. 92].

3) *“Wotter they bin doin’ to the cook now?” inquired a ringleader innocently, as he sprawled into his place at the table. “Can’t yer let Curry alone? Wot d’yer want to be chyackin’ him for? Give it a rest”* [Lawson₃, 1975, p. 31]. « – **Чем это они опять насолили повару?** – невинно спросил один из зачинщиков, усаживаясь на свое место за столом. – **Неужели вы не можете оставить риса в покое? Чего вы к нему пристааете? Бросьте измываться над человеком!**» [Лоусон₂, 1958, с. 92].

4) *“I seed a young – why – magpie up in the scrub, and yer oughter be able to catch it”* [Lawson₁, 1975, p. 37]. « – Я видел там, в зарослях, молодую ... ну... сороку, что бы тебе ее поймать?» [Лоусон, 1976, с. 32].

5) *“Seed old Corney in town Saturday, ‘n he said thur was enough to make it worth while bailin’ out. Bin bailin’ all the mornin’ ”* [Lawson₁, 1975, p. 38]. «– Встретил старого Корни в городе в субботу, и тот сказал, что там еще кое-что осталось и стоит потрудиться. Вот и работаем с утра» [Лоусон, 1976, с. 32].

6) *“Tain’t no use!” he said, sitting down on the clay and drawing his knees up. “Education’s failyer”* [Lawson₁, 1975, p. 38]. « – А... зачем? – сказал он, усаживаясь на кучу глины. – Образование вещь нестоящая» [Лоусон, 1976, с. 32].

7) *“No, my name’s Harry. A digger useter say I was a isle in the ocean to father ‘n then I was nicknamed Isle, ‘n then Isley”* [Lawson₁, 1975, p. 38]. « – Нет, меня зовут Гарри. Один старатель говорил, что я для отца с матерью все равно что остров в океане, и меня прозвали Островом, а потом Островком» [Лоусон, 1976, с. 33].

8) *“Yes, but thet was afore I was borned. He died, at least mother used ter say she didn’t know if he was dead; but father says he’s dead as fur’s as he’s concerned”* [Lawson₁, 1975, p. 38]. « – Да, но меня тогда еще на свете не было. Он умер; правда, мать говорила, что она не знает, умер он или нет, но отец говорит, что для него он все равно что умер» [Лоусон, 1976, с. 33].

Приведем еще несколько аналогичных примеров передачи ломаной речи из других австралийских рассказов:

9) *“Musta bin a wreck,” was his first thought”* [Palmer₁, 1975, p. 106]. «Не иначе – было крушение. Такая мысль прежде всего пришла ему в голову» [Палмер₁, 1957, с. 21].

10) *“Git to jiggery out of it, you stinkin’ rottin’ black sumpen, before I put a bullet through you”* [Herbert, 1975, p. 157].

Перевод М.Ермашевой:

«Убирайся к дьяволу! Вон отсюда, вонючая, мерзкая, чумазая скотина, пока я не всадил в тебя пулю» [Герберт, 1958, с. 292].

Перевод И.Архангельской:

«– Вон отсюда, черная дрянь, пока я в тебя пулю не всадил!» [Герберт, 1980, с. 131].

В рассказе К.Герберта «Кайек-певец» (*“Kaijek the Songman”*) речь аборигена Кайека представлена ломаными английскими фразами. В переводах на русский язык М.Ермашевой и И.Архангельской сохранена ломаная речь героя, однако перевод М.Ермашевой искажает некоторые оригинальные высказывания, в результате чего речь главного героя выглядит малопонятной и бессмысленной. Рассмотрим несколько примеров:

11) *“Kaijek coughed, spat again, then said, “Eh, boss – me wuk longa you, eh?”* [Herbert, 1975, p. 157].

Перевод М.Ермашевой:

«Кайек кашлянул, опять плюнул и проговорил:

– Эй, хозяин, мой ходил долго тебе, эй?» [Герберт, 1958, с. 292].

Перевод И.Архангельской:

«Кайек кашлянул, еще раз плюнул в огонь и сказал:

– Э-э, босс, моя работатать для твоя...» [Герберт, 1980, с. 131].

Вариант перевода М.Ермашевой не вполне точен, поскольку *“Me wuk longa you”* означает *“do you want me to work for you”*, и переводится как «Хочешь, чтобы я у тебя поработал?» [Мурат₁, 1975, с. 373].

12) *“Then Kaijek said, “Me prop’ly goot wukker, boss. Get up be-fore deelight, wuk like plutty-ell-”* [Herbert, 1975, p. 157].

Перевод М.Ермашевой:

«Затем он сказал:

– Мой очень хорошо ходил, хозяин. Встал до зари, ходил как черт» [Герберт, 1958, с. 292].

Перевод И.Архангельской:

«Потом Кайек сказал:

– **Я-то работать хорошо, босс. Вставал до света, работал черт-те как!»** [Герберт, 1980, с. 131]

Перевод М.Ермашевой снова не точен, поскольку фраза “*Get up be-fore deelight, wuk like pluttu-ell*” означает “*I get up before daylight and work pretty well*”, и переводится как «Я встаю на рассвете и неплохо работаю» [Мурат₁, 1975, с. 373].

13) “*Wha’nim?*” cried Kaijek, dropping his leg. Andy grabbed a pick-handle with a doughy hand, and shouted, “*I’ll show what name, you beggin’ son of a sheeter – I’ll show you what name – the ghost I will!*” And he rushed” [Herbert, 1975, p. 157].

Перевод М.Ермашевой:

« – **Чего кричать?!** – воскликнул Кайек, опуская ногу. Энди в бешенстве схватил кирку измазанными в тесте руками и завопил: – Я покажу тебе, что кричать, сукин сын, попрошайка! Я покажу тебе, что кричать! Попомнишь! – И он бросился на певца» [Герберт, 1958, с. 292].

Перевод И.Архангельской:

« – **Как сказал?!** – воскликнул Кайек, опуская на землю правую ногу. Вымазанной в тесте рукой Энди нашарил кайло. – Я тебе покажу «как сказал», сукин ты сын! – орал он. – Я тебе покажу «как сказал!»» [Герберт, 1980, с. 132].

“*Wha’nim*” буквально означает “*What name?*”, что в данном контексте переводится как «Как ты меня назвал?». В этом примере вариант перевода М.Ермашевой также неточен.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в австралийской художественной литературе преобладают, так называемые, индивидуальные отклонения от литературной нормы, характеризующие местное и социальное происхождение персонажей. При переводе речи малообразованных австралийцев на русский язык переводчики использовали средства

литературного языка, при этом сохраняя в речи героев намек на сниженный стиль. Тот же подход был использован и при передаче ломаной речи аборигенов. Однако в одном из переводов рассказа К.Герберта «Кайек-певец» встречаются неверные толкования ломаной английской речи аборигена Кайека, которые значительно искажают оригинальные высказывания главного героя.

Выводы по Главе 3

1. В проанализированных произведениях австралийской художественной литературы преобладают следующие лексико-тематические группы реалий: этнографические реалии, географические реалии и ономастические реалии.

2. Среди основных способов передачи реалий в художественной литературе можно выделить транскрипцию и транслитерацию. Если применение транскрипции или транслитерации по тем или иным причинам нежелательно, можно прибегнуть к переводу (замене), а именно: к созданию неологизма, замене реалии реалией ПЯ, приблизительному переводу и контекстуальному переводу.

3. Выбор приема передачи реалий в художественной литературе зависит от следующих ключевых факторов: характера текста, значимости реалии в контексте, характера реалии, особенности ИЯ и ПЯ, а также читателя перевода. Необходимо всегда учитывать способ подачи реалии автором оригинала и средства, которые использует писатель для раскрытия семантического и коннотативного содержания реалии.

4. При передаче реалий из проанализированных австралийских художественных текстов переводчики использовали следующие приемы: транскрипция, транслитерация, компромиссный перевод (сочетание транскрипции и транслитерации), калькирование, полукалька, описательный

перевод, генерализация, создание функционального аналога и контекстуальный перевод.

5. Преобладающими способами передачи слов-реалий в австралийских художественных текстах являются транскрипция, транслитерация и функциональный аналог.

6. В ходе анализа переводов реалий австралийского происхождения также были обнаружены следующие частные случаи: 1) использование разных способов перевода для передачи одной и той же реалии в рамках одного произведения; 2) добавление переводчиком внутритекстового комментария для уточнения значения реалии; 3) появление нескольких вариантов передачи одной и той же реалии в разных переводах.

7. В некоторых из рассмотренных нами переводах произведений австралийских писателей был обнаружен ряд семантических неточностей, которые являются результатом отсутствия у переводчика необходимого запаса определенных фоновых знаний, т.е. знаний о географии, культуре, быте и традициях страны, с языка которой он делает перевод.

8. Приведенные примеры демонстрируют, что семантические неточности, допущенные при передаче национально-культурной специфики австралийских художественных текстов, могут ввести читателя в заблуждение и, таким образом, привести к определенной коммуникативной неудаче.

9. Особую сложность при переводе австралийской художественной литературы представляет перевод иноязычных вкраплений из языков небольших австралийских племен или локальных групп, поскольку они имеют очень узкую сферу распространения и зачастую не зафиксированы в специализированных словарях и других подобных источниках.

10. В отечественном переводоведении можно выделить два основных подхода к передаче иноязычных вкраплений: 1) переводчик передает только важнейшие с точки зрения смыслового содержания фразы и намекает на чужеродность речи при помощи коротких реплик, не требующих пояснения; 2)

переводчик транскрибирует иноязычное вкрапление и добавляет перевод в комментарии или сноске.

11. При переводе иноязычных вкраплений австралийского происхождения в проанализированных произведениях переводчики использовали транскрипцию, транслитерацию и сочетание этих приемов, добавляя перевод в комментарии только в том случае, если он представлен автором оригинального произведения.

12. Отклонения от литературной нормы в художественных произведениях делятся на индивидуальные и коллективные и включают в себя все случаи искажений литературного языка и речи.

13. В некоторых произведениях австралийской художественной литературы можно встретить примеры отклонений от литературной нормы, многие из которых носят индивидуальный характер: ломаная вольная речь малообразованных австралийцев, а также искаженная английская речь аборигенов. Для такого рода речи свойственны фонетические, морфологические, а иногда и грамматические искажения.

14. При переводе речи аборигенов и малообразованных персонажей на русский язык переводчики австралийской художественной литературы использовали средства литературного языка, сохраняя в речи героев намек на сниженный стиль.

Заключение

Культурно-окрашенная лексика австралийских художественных текстов довольно специфична и часто вызывает определенные сложности при межъязыковой передаче. Данное исследование посвящено проблеме сохранения национально-культурного колорита австралийских художественных произведений при переводе на русский язык.

Национально-культурная специфика языка представляет собой совокупность особенностей средств одного национального языка по сравнению с другими языками, обусловленную своеобразным национально-культурным опытом определенной национальной общности людей. Важную роль для данного исследования играет понятие «межвариантная национально-культурная специфика», которая проявляется при сопоставлении отдельных национальных вариантов одного и того же языка (в данном случае – британского и австралийского).

Поскольку национально-культурная специфика представляет собой совокупность культурных и лингвистических особенностей в художественном произведении, возникает необходимость в поиске подходящей переводческой стратегии, позволяющей сохранить национальный колорит текста. При этом особое значение для теории и практики художественного перевода имеет решение следующих задач: разработка критериев оценки качества художественного перевода, а также выявление ключевых условий переводимости художественного текста.

Характерной чертой многих произведений австралийской художественной литературы является многообразие их национально-культурной специфики, в которой раскрываются особые географические, природные, социально-исторические и культурные условия жизни Австралии и ее населения.

Наиболее распространенными компонентами национально-культурной специфики в рассмотренных произведениях австралийских писателей являются слова-реалии, иноязычные вкрапления из языков аборигенов и отклонения от литературной нормы. Анализ способов перевода указанных компонентов национально-культурной специфики австралийской художественной литературы позволил выявить основные тенденции при передаче этих культурно-маркированных лексических единиц на русский язык.

В проанализированных нами произведениях австралийской художественной литературы преобладают следующие лексико-тематические группы слов-реалий: этнографические реалии, географические реалии и ономастические реалии.

При передаче реалий в австралийских художественных текстах переводчики использовали следующие приемы перевода: транскрипция, транслитерация, компромиссный перевод (сочетание транскрипции и транслитерации), калькирование, полужалка, описательный перевод, генерализация, создание функционального аналога и контекстуальный перевод. Все описанные приемы передачи реалий были использованы не изолированно, а в сочетании друг с другом. Преобладающими способами перевода слов-реалий в русских переводах австралийских художественных текстов являются транскрипция, транслитерация и функциональный аналог.

В ходе анализа переводов реалий австралийского происхождения также были обнаружены следующие частные случаи: 1) использование разных способов перевода для передачи одной и той же реалии в рамках одного произведения; 2) добавление переводчиком внутритекстового комментария для уточнения значения реалии; 3) появление нескольких вариантов передачи одной и той же реалии в разных переводах.

В некоторых из рассмотренных нами переводах произведений австралийских писателей был обнаружен ряд семантических неточностей. Ошибки подобного рода являются результатом отсутствия у переводчика

необходимого запаса определенных фоновых знаний, т.е. знаний о географии, культуре, быте и традициях страны, с языка которой он делает перевод. Приведенные примеры демонстрируют, что семантические неточности, допущенные при передаче национально-культурной специфики австралийских художественных текстов, могут ввести читателя в заблуждение и, таким образом, привести к определенной коммуникативной неудаче.

Особую сложность при переводе австралийской художественной литературы представляет перевод иноязычных вкраплений из племенных языков, поскольку они имеют очень узкую сферу распространения и зачастую не зафиксированы в специализированных словарях и других подобных источниках. При переводе произведений австралийской художественной литературы, содержащих вкрапления из языков аборигенов, переводчики использовали транскрипцию, транслитерацию и сочетание этих приемов по правилам английской фонетики, добавляя перевод в комментарии только в том случае, если он представлен автором оригинального произведения.

В некоторых произведениях австралийской художественной литературы можно встретить примеры отклонений от литературной нормы, которые носят преимущественно индивидуальный характер: ломаная вольная речь малообразованных австралийцев, а также искаженная английская речь аборигенов. Для такого рода речи свойственны фонетические, морфологические, а иногда и грамматические искажения. При переводе речи аборигенов и малообразованных персонажей на русский язык переводчики австралийской художественной литературы использовали средства литературного языка, при этом сохраняя в речи героев намек на сниженный стиль.

Ввиду ограниченного объема исследования мы проанализировали межъязыковую передачу лишь некоторых компонентов национально-культурной специфики австралийской художественной литературы, а именно: слов-реалий, иноязычных вкраплений из языков австралийских аборигенов и

отклонений от литературной нормы. Однако, как мы уже замечали, австралийские художественные тексты представляют большой интерес для исследования именно в силу многоплановости их национально-культурной специфики. В связи с этим представляется возможным провести также сравнительно-сопоставительный анализ переводного и оригинального текстов на материале других выразительных средств, раскрывающих специфические национальные черты австралийской художественной литературы.

Список сокращений и условных обозначений

абориг. – заимствование из аборигенных языков

австрал. – австрализм (употребительно в Австралии)

англ. – английское слово

в. – век

г. – год

гг. – годы

др. – другой

зд. – здесь

ир. – заимствование из ирландского варианта английского языка

исп. – испанское слово

ист. – относящийся к истории

ИЯ – исходный язык

какой-л. – какой-либо

кг – килограмм

км/ч – километр в час

кот. – который

КЭ – коммуникативный эффект

м – метр

нем. – немецкое слово

новозел. – употребляется в Новой Зеландии

о-в – остров

ок. – около

особ. – особенно

пер. – перевод

пиджин англ. – заимствование из пиджин английского

пр. – прочее

ПЯ – переводной язык

р. – река

разг. – разговорное слово (выражение)

р-он – район

рус. – русское слово

см – сантиметр

см. – смотрите

сокр. – сокращение

ср. – сравните

табл. – таблица

т.д. – так далее

тж. – тоже, также

т.е. – то есть

т.к. – так как

т.п. – тому подобное

туз. – заимствование из туземных языков

тыс. – тысяча

уст. – устаревшее слово

фр. – французское слово

что-л. – что-либо

шв. – шведское слово

шот. – заимствование из шотландского варианта английского языка

Список литературы

1. Акопян Ю.А. Лексико-семантические особенности австралийского варианта английского языка (на материале австралийской поэзии): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 159 с.
2. Австралийская литература: Сборник статей. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978. 175 с.
3. Алексеева М.Л. Перевод реалий и реалии перевода: особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского [Текст]: монография/ М.Л.Алексеева; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» 2-е изд., перераб. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2010. 221 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебн. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 416 с.
5. Аничкин О.Н. и др. Австралия / О.Н. Аничкин, Л.И. Куракова, Л.Г. Фролова. М.: «Мысль», 1983. 133 с.
6. Аполлонова Л.И. Особенности лексико-семантической системы австралийского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1991. 202 с.
7. Бабич Г.Н. Lexicology: A Current Guide. Лексикология английского языка: учеб. пособие/ Г.Н. Бабич. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2008. 200 с.
8. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2013. 240 с.
9. Беликов В.И. Австралийские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 12–13.

10. Беляева Т.М., Потапова И.А. Английский язык за пределами Англии: Пособие для студентов педагогических институтов. Л.: Учпедгиз, 1961. 150 с.
11. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 606 с.
12. Борисова Л.И. Лексические трудности перевода. М.: Билингва, 1999. 320 с.
13. Борисова Л.И., Парфенова Т.А. Справочник по общему и специальному переводу. М.: НВИ – Тезаурус, 2005. 328 с.
14. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание.: Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
15. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
16. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Учеб. пособие для студентов филол. спец. и преподавателей рус. яз. и лит. иностранцам. М.: Издательство Московского университета, 1973. 233 с.
17. Вейхман Г.А. Разговорный английский: Канада. Австралия. Новая Зеландия / Г.А. Вейхман. М.: Эксмо, 2014. 352 с.
18. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: изд-во Моск. ун-та, 1978. 174 с.
19. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: «Р.Валент», 2012. 406 с.
20. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сборник статей: пер. с англ., нем., франц. Вступительная статья и общая ред. перевода В.Н. Комиссарова. М.: Междунар. отношения, 1978. 232 с.
21. Галина Р.А. Художественный перевод: лексико-фразеологические проблемы. Научное издание. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. 204 с.
22. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

23. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Советский писатель, 1972. 262 с.
24. Гиривенко А.Н. Из истории русского художественного перевода первой половины XIX века. Эпоха романтизма: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 280 с.
25. Головчинская Л. Комментарий // Prichard K.S. Coonardoo (The Well in the Shadow) М.: Прогресс, 1973. С. 248–275.
26. Григорьева Е.М. Культурно-маркированная лексика австралийского варианта английского языка в словарях различных типов: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 230 с.
27. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
28. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 449 с.
29. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р.Валент, 2005. 416 с.
30. Зеленкова Ю.А. Проблема собственных и чужих реалий в оригинале и переводе в связи с эволюцией переводческих принципов: На материале романа Б.Стокера «Дракула» и его переводов на русский язык: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 260 с.
31. Зыкова И.В. Практический курс английской лексикологии = A Practical Course in English Lexicology: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. ин. языков/ Ирина Владимировна Зыкова. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 288 с.
32. Кабо В.Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 408 с.
33. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2006. 224 с.

34. Кашкин И.А. Для читателя-современника. Статьи и исследования. М.: Советский писатель, 1977. 556 с.
35. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 166 с.
36. Комиссаров₁: Комиссаров В.Н. Лингвистическое переводоведение в России: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 181 с.
37. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых (учебное пособие). М.: ЧеРо, 1999. 136 с.
38. Комиссаров В.Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). М.: Международные отношения, 1973. 215 с.
39. Комиссаров₂: Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
40. Копанев Л.И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск: Изд-во БГУ, 1972. 295 с.
41. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: [учебное пособие]/ О.А.Корнилов. 4-е изд. испр. М.: КДУ, 2013. 348 с.
42. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 396 с.
43. Лилова А. Введение в общую теорию перевода: Моногр./ Пер. с болг. Л.П.Лихачевой. М.: Высшая школа, 1985. 256 с.
44. Лингвистические аспекты теории перевода (хрестоматия). Ер.: Лингва, 2007. 307 с.
45. Любимов Н.М. Перевод – искусство. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1982. 132 с.
46. Мазирка И.О. Стилиевые особенности сатирических типологий в ранних произведениях С.Льюиса и некоторые вопросы художественного перевода // Актуальные проблемы истории, теории и методики преподавания

литературы в высших учебных заведениях. Орехово-Зуево: Орехово-Зуевский Государственный Областной Педагогический институт, 2003. С. 57–63

47. Макинтайр С. Краткая история Австралии/ Стюарт Макинтайр; пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 360 с.

48. Малаховский К.В. История Австралии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 400 с.

49. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.

50. Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство литературного института им. А.М.Горького, 2006. 463 с.

51. Морозов М.М. Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 145 с.

52. Мурат₁: Мурат В. Комментарий // Australian short stories. М.: Прогресс, 1975. С. 350 – 391.

53. Мурат₂: Мурат В. Об австралийском рассказе // Australian short stories. М.: Прогресс, 1975. С. 323–336.

54. Мурат₃: Мурат В. О некоторых особенностях английского языка Австралии// Australian short stories. М.: Прогресс, 1975. С. 337–349.

55. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке: учебник. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2008. 376 с.

56. Нелюбин Л.Л., Г.Т. Хухуни. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) : учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.

57. Нещименко Г.П. К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 30–45.

58. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация/ Оболенская, Ю.Л. Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2006. 335 с.
59. Орлов Г.А. Современный английский язык в Австралии: Учеб. пособие для пед. вузов. М.: Высш. школа, 1978. 172 с.
60. Ощепкова В.В. Англо-аборигенные культурно-языковые контакты и их влияние на формирование языковой ситуации в Австралии // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: ИИУ МГОУ, 2014. № 2. С. 116–122.
61. Ощепкова В.В. Встраивание аборигенного концепта “walkabout” в национальную австралийскую картину мира // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: ИИУ МГОУ, 2015. № 4. С. 94–104.
62. Ощепкова В.В. Эволюция смыслового содержания концепта “outback” в австралийской картине мира // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: ИИУ МГОУ, 2016. № 3. С. 210–219.
63. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М/СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. 336 с.
64. Перевод – средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика/ Сост. А.А.Клышко; предисл. С.К.Апта. М.: Прогресс, 1987. 640 с.
65. Петриковская А.С. Австралийский роман (Литература и общество) М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 278 с.
66. Петриковская А.С. Генри Лоусон и рождение австралийского рассказа. М.: Наука, 1972. 206 с.
67. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 328 с.
68. Писковец₁: Писковец Т.А. Австралийские микротопонимы в оригинале и переводе (на материале произведений австралийских писателей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №4(34): в 3-х ч. Ч.2. Тамбов: Грамота, 2014. С. 160–163.

69. Писковец Т.А. Особенности передачи австралийских реалий на русский язык // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. №1. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – С. 77–82.

70. Писковец₂: Писковец Т.А. Передача иноязычных вкраплений австралийского происхождения в русских переводах на материале романа К.С.Причард «Кунарду» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №12(42): в 3-х ч. Ч.2. Тамбов: Грамота, 2014. С. 141–143.

71. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. 146 с.

72. Попович А. Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980. 198 с.

73. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 662 с.

74. Почепцова Л.Д. Австралийские флористические названия: К вопросу о специфике англ. яз. в Австралии. Киев: Вища школа: Изд-во при Киев. ун-те, 1973. 125 с.

75. Причард К.С. Список туземных слов, встречающихся в тексте // Причард К.С. Кунарду или колодец в тени / пер. Т.Озерской и Э.Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. С. 270–271.

76. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов/ А.А.Реформатский; Под ред. В.А. Виноградова. 5-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2006. 536 с.

77. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. 4-е изд., стереотип. М.: «Р.Валкент», 2010. 244 с.

78. Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное об-во: пер. с англ./Ред. В.Р.Кабо. М.: Прогресс, 1989. 320 с.

79. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник/ З.К. Сабитова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 528 с.
80. Самсонова Е.В. Национально-культурный компонент экспрессивности: В языке австралийской художественной прозы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 179 с.
81. Сепир Э. Язык, раса, культура / Э.Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 185 – 194.
82. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков)/ В.В. Сдобников, О.В. Петрова. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 448 с.
83. Смирнов Л.Н. Отражение взаимодействия культур в художественном переводе // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)/ Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука, 2002. С. 378 – 393.
84. Смыслов С.П. Лексика, отражающая национально-культурную специфику коренных народов США как переводческая проблема (на материале произведений Дж.Ф. Купера): дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 160 с.
85. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю.Кузнецов. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 304 с.
86. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
87. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.Н. Непокупный. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
88. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 45–53.
89. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: (Учеб. пособие) М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.

90. Тимко Н.В. Фактор «культура» в переводе/ Н.В.Тимко; Курск. гос. ун-т. 2-е изд., дополн. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. 161 с.
91. Титова Л.Ю. Рыцарские реалии как объект теории и практики перевода: На материале романов Вальтера Скотта «Айвенго» и «Квентин Дорвард»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 206 с.
92. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш.шк., 1988. 239 с.
93. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.
94. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка/ Под ред. проф. А.А. Кретьова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 140 с.
95. Фесенко Т.А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002. 228 с.
96. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки / А.В. Федоров. Л.: Советский писатель. Ленинградское отд-ние, 1983. 352 с.
97. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак-тов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
98. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2000. 128 с.
99. Хрестоматия по переводоведению / Сост. Л.И.Сидорова, В.И.Тхорик. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004. 348 с.
100. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие: Для филологов и культурологов. М.: Флинта Наука, 2004. 181 с.

101. Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валуйцева И.И., Вековищева С.Н. Лингвистика и лингвисты: прошлое и настоящее: учеб. пособие для студентов и аспирантов высших учебных заведений. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 168 с.
102. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. М.: Прометей, 2003. 171 с.
103. Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода: вводная часть: учеб. пособие. Магадан: Изд. СВГУ, 2008. 182 с.
104. Чайковский Р.Р., Воронежская Н.В., Лысенкова Е.Л., Харитонова Е.В. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации: (основы теории): монография / Р.Р. Чайковский, Н.В. Воронежская, Е.Л. Лысенкова, Е.В. Харитонова; под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. Р.Р.Чайковского. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 224 с.
105. Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: Время, 2014. 448 с.
106. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 214 с.
107. Широносова В.С. Национально-культурная специфика языковой картины мира австралийской баллады: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2014. 191 с.
108. Элькин А. Коренное население Австралии. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. 248 с.
109. Юрьев А.Б. Национально-культурная специфика американского Юга и ее отражение в художественной литературе как переводческая проблема: на материале русских переводов произведений Т.Капоте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 125 с.
110. The ALS Guide to Australian Writers. A Bibliography 1963 – 1990. St. Lusia (Q.): University of Queensland press, 1992. 365 p.
111. The Angus & Robertson Concise Australian Encyclopaedia. Fully Rev. & Updated Ed. London, North Ryde (NSW): Angus & Robertson, 1986. 505 p.

112. Andrews B.G., Hooton J.W., Wilde W.H. *The Oxford Companion to Australian Literature*. Melbourne etc.: Oxford University Press, 1985. 760 p.
113. *Australia: A Chronology and Fact Book, 1606–1976* / Compiled and Edited by Alex C. Castles. Dobbs Ferry (N.Y.): Oceana, 1978. 151 p.
114. *Australian English: The Language of a New Society*. St. Lucia (Queensland): University of Queensland Press, 1989. 358 p.
115. Baker S.J. *The Australian Language*. Milson's Point (NSW): Currawong Press, 1978. 517 p.
116. Barnard M. *A History of Australia*. 2nd ed. Sydney: Angus & Robertson, 1963. 710 p.
117. Bassnett-McGuire S. *Translation Studies*. London, New-York: Methuen, 1980. 159 p.
118. Blake, Barry J. *Australian Aboriginal Grammar*. London, etc.: Croom Helm, cop. 1987. 220 p.
119. Blake, Barry J. *Australian Aboriginal Languages*. London etc.: Angus & Robertson Publishers, 1981. 137 p.
120. Capell A. *Linguistic Survey of Australia: Prep. for the Australian Institute of Aboriginal Studies*. Sydney, 1963.
121. Catford J. C. *A Linguistic Theory of Translation*. London: Oxford University Press, 1965. 103 p.
122. Cox F. *Australian English. Pronunciation and Transcription*. Cambridge, Melbourne, New York: Cambridge University Press, 2012. 238 p.
123. Delbridge A. *The Pronunciation of English in Australia*. Rev. Ed. by A. G. Mitchell and Arthur Delbridge. Sydney: Angus & Robertson, 1965. 81 p.
124. Dixon R.M.W. *Australian Languages: Their Nature and Development*. Cambridge, Melbourne, New York: Cambridge University Press, 2002. 734 p.
125. Dixon R.M.W. *Ergativity*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1994. 271 p.

126. Dixon R.M.W. Searching for Aboriginal Languages: Memoirs of a Field Worker. St.Louis etc.: University of Queensland Press, 1984. 330 p.
127. Douglas, Wilfred H. The Aboriginal Languages of South West Australia: Speech Forms in Current Use and a Technical Description of Njunar. Australian Aboriginal Studies №14/ Linguistic Series №4. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1968. 105 p.
128. Gentzler E. Contemporary Translation Theories. London, New York: Routledge, 1993. 224 p.
129. Green₁: Green H.M. A History of Australian Literature: Pure and Applied: A Critical Review of all Forms of Literature Produced in Australia from the First Books Publ. After the Arrival of the First Fleet until 1950, with Short Accounts of Later Publications up to 1960. Vol. 1: 1789-1923. Reprint. Sydney: Angus & Robertson, 1971. 842 p.
130. Green₂: Green H.M. A History of Australian Literature: Pure and Applied: A Critical Review of all Forms of Literature Produced in Australia from the First books Publ. after the Arrival of the First Fleet until 1950, with Short Accounts of Later Publications up to 1960. Vol. 2: 1923 –1950. Reprint. Sydney: Angus & Robertson, 1971. 845–1469 p.
131. Grossman E. Why Translation Matters. London, New Haven: Yale University Press, cop. 2010. 135 p.
132. Holbrook D. English in Australia Now: Notes on a Visit to Victoria and Other States. Cambridge: University Press, 1973. 248 p.
133. Jäger G. Translation und Translationslinguistik. Halle (Saale): Niemeyer, 1975. 214 S.
134. Jespersen O. Growth and Structure of the English Language. Oxford.: Blackwell, 1961. 244 p.
135. Leitner G. Australia's Many Voices: Australian English – the National Language. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2004. 396 p.

136. Meyer H.A.E. Vocabulary of the language spoken by the aborigines of the southern and eastern portions of the settled districts of South Australia, viz., by the tribes in the vicinity of Encounter Bay, and (with slight variations) by those extending along the coast to the eastward around Lake Alexandrina and for some distance up the river Murray: Preceded by A grammar, showing the construction of the language as far as at present known. Adelaide: Allen, 1843. 111 p.

137. Moore G.F. A descriptive vocabulary of the language in common use amongst the aborigines of Western Australia: With copious meanings, embodying much interesting information regarding the habits, manners and customs of the natives and the natural history of the country. London: Orr, 1842. 171 p.

138. Murray-Smith S. Right Words: A Guide to English Usage in Australia. 2. ed. Ringwood (Vic.) etc.: Viking, 1989. 439 p.

139. Nida E.A., Taber C.R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill, 1969. 220 p.

140. O'Grady J. Aussie English: an Explanation of the Aussie Idiom. London: Nicholas Vane, 1966. 104 p.

141. Prichard K.S. Glossary of Native Words // Prichard K.S. Coonardoo (The Well in the Shadow) M.: Ипорпеcc, 1973. P. 243–244.

142. Ramson W.S. Australian English: An Historical Study of the Vocabulary 1788–1898. Canberra: Australian National University Press, 1966. 195 p.

143. Reiß K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen. München, 1978. 124 S.

144. Reiß K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen: Niemeyer, 1984. 245 S.

145. Savory T. The Art of Translation. New and Enl. Ed. London: Cape, 1968. 191 p.

146. Schmidt A. The Loss of Australia's Aboriginal Language Heritage. Canberra: Aboriginal Studies Press, 1990. 147 p.

147. Snell-Hornby M. Translation Studies: an Integrated Approach. Rev. Ed. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins Publishing Company, 1988–1995. 170 p.
148. Steiner G. After Bible: Aspects of Language and Translation. London, New York: Oxford University Press, 1975. 507 p.
149. Teichelmann C.G., Schürmann C.W. Outlines of a grammar, vocabulary, and phraseology, of the Aboriginal language of South Australia, spoken by the natives in and for some distance around Adelaide. Adelaide: Published by the authors, at the native location, 1840. 76 p.
150. Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins Publishing Company, 1995. 311 p.
151. Turner G.W. The English Language in Australia and New Zealand. 2nd Ed. Reprint. London: Longman, 1972. 241 p.
152. Wilkes G.A. Exploring Australian English. Sydney: ABC Enterprises, 1986. 96 p.
153. Wurm S.A. Languages of Australia and Tasmania. The Hague, Paris: Mouton, 1972. 208 p.

Список словарей

154. АНЗЛС: Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под рук. В.В.Ощепковой, А.С.Петриковской. 2-е изд., стереотип. М.: Рус.яз., 2001. 216 с.
155. БСАРА: Бизнес-словарь: Англо-русский и русско-английский. М.: ООО «Издательство АСТ»; «ЮНВЕС», 2001. 688 с.
156. БАРС АВВУ Lingvo: Большой англо-русский словарь АВВУ Lingvo / колл. авторов под общ. рук. В.П.Селегея. М.: АБИ Пресс, 2010. 1426 с.
157. БНРС: Большой немецко-русский словарь / К.Лейн, Д.Г.Мальцева, А.Н.Зуев и др. 14-е изд. испр. М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. 1159 с.

158. БФРС АВВУУ Lingvo: Большой французско-русский словарь АВВУУ Lingvo. М.: АБИ Пресс, 2010. 930 с.
159. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. Изд. 3-е, испр., перераб. М.: Мартин, 2011. – 704 с.
160. Ефремова₁: Ефремова Т.Ф. Новый толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т.1: А – О. 1209 с.
161. Ефремова₂: Ефремова Т.Ф. Новый толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т.2: П – Я. 1088 с.
162. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
163. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь: В новой редакции: 210 000 слов, словосочетаний, идиоматических выражений, пословиц и поговорок. Изд. 3-е, доп. и испр. М.: Цитадель-трейд: ЛАДА: РИПОЛ КЛАССИК, 2005. 832 с.
164. Aboriginal Words of Australia. Frenchs Forest (NSW): Reed, 1983. 144 p.
165. Concise Oxford English Dictionary. Oxford, New York: Oxford University Press, 2004. 1708 p.
166. Dixon R.M.W., Ramson W.S., Thomas Mandy. Australian Aboriginal Words in English: Their Origin and Meaning. Melbourne: Oxford University Press, 1990. 225 p.
167. Endacott, Sydney J. Australian Aboriginal Words and Place Names and Their Meanings. 10th. ed. Melbourne: Acacia press, 1973. 64 p.
168. Reed A.W. Aboriginal Place Names. Sydney, Melbourne, Wellington, Auckland: Reed, 1970. 144 p.
169. Reed A.W. Aboriginal Words and Place Names. Adelaide, Sydney, Melbourne, Brisbane, Perth: Rigby limited, 1977. 286 p.
170. The Macquarie Dictionary. McMahons Point (NSW): Macquarie library, 1982. 2062 p.

Список художественной литературы

171. Герберт К. Кайек-певец // 40 австралийских новелл / пер. И.Архангельской. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 128–134.

172. Герберт К. Кайек-певец // Австралийские рассказы/ пер. М.Ермашевой. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 288–295.

173. Дэвисон Ф.Д. Письмо от Коллины // Австралийские рассказы/ пер. И.Бернштейн. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 247–254.

174. Кэйси Г. Говорящий забой // 40 австралийских новелл / пер. М.Михелевич. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 135–140.

175. Лоусон₁: Лоусон Г. Заряженная собака // Австралийские рассказы/ пер. Л.Либерзон. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 127–134.

176. Лоусон₂: Лоусон Г. Стрижка собаки повара // Австралийские рассказы / пер. Л.Либерзон. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 91–94.

177. Лоусон Г. Товарищ отца // Г. Лоусон. Рассказы. К.С. Причард. Девяностые годы/ пер. А.Кривцовой. М.: Издательство «Художественная литература», 1976. С. 27–36.

178. Маршалл А. Как друзья укрепляют мое здоровье // Австралийские рассказы/ пер. Н.Ветошкиной. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 329–332.

179. Маршалл А. Как ты там, Энди? // 40 австралийских новелл / пер. С.Литвиновой. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 259–268.

180. Маршалл А. Серая Кенгуру // Маршалл А. Избранное / пер. О.Кругерской. М.: Правда, 1986. С. 255–260.

181. Моррисон Дж. Человек на берегу Маррамбиджи // Австралийские рассказы/ пер. В.Маянц. М. Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 391–400

182. Палмер₁: Палмер В. Выброшенный за борт // 40 австралийских новелл / пер. Н.Ветошкиной. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 20–30.

183. Палмер В. Последний отпуск // Австралийские рассказы/ пер. В.Маянц. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 228–238.

184. Палмер₂: Палмер В. Улов // 40 австралийских новелл / пер. И.Боронос. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 30–39.

185. Причард К.С. Кунардун или колодец в тени / пер. Т. Озерской и Э.Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 271 с.

186. Причард₁: Причард К.С. Нгула // Австралийские рассказы/ пер. С.Кругерской. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 157–168.

187. Причард К.С. Удача // // 40 австралийских новелл / пер. Н.Лосевой. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 56–63.

188. Причард₂: Причард К.С. Удача // Австралийские рассказы/ пер. Э.Питерской. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 203–209.

189. Радд₁: Радд С. Как мы начинали // Австралийские рассказы/ пер. И.Левиной. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 150–154.

190. Радд₂: Радд С. Наш первый урожай // Австралийские рассказы / пер. И.Левиной. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 154–156.

191. Уайт П. На свалке // Современная австралийская новелла: Сборник. / пер. Н.Волжиной. М.: Прогресс, 1980. С. 120–152.
192. Хэдоу Л. Воскресный день // Австралийские рассказы/ пер. Н.Ветошкиной. М.: Государственное издательство художественной литературы ГОСЛИТИЗДАТ, 1958. С. 333–338.
193. Хэтфилд У. Там дышит человек // 40 австралийских новелл / пер. С.Дзенин. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 141–146.
194. Casey G. Talking Ground // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 220–226.
195. Davison F.D. A Letter from Colleen // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 136–141.
196. Hadow L. Sunday Afternoon // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 180–183.
197. Hatfield W. “Breathes There a Man...” // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 130–135.
198. Herbert X. Kaijek the Songman // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 154–159.
199. Lawson₁: Lawson H. His Father’s Mate // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 32–41.
200. Lawson₂: Lawson H. The Loaded Dog // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 49–55.
201. Lawson₃: Lawson H. The Shearing of the Cook’s Dog // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 30–32.
202. Marshall₁: Marshall A. How my Friends Keep Me Going // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 171–173.
203. Marshall₂: Marshall A. How’s Andy Going? // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 160–167.
204. Marshall₃: Marshall A. The Grey Kangaroo // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P.167–171.

205. Morrison J. The Man on the 'Bidgee // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 192–200.
206. Palmer₁: Palmer V. Jettisoned // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 106–112.
207. Palmer₂: Palmer V. Last Leave // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P.113–122.
208. Palmer₃: Palmer V. The Catch // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 123–129.
209. Prichard K.S. Coonardoo (The Well in the Shadow). М.: Прогресс, 1973. 275 p.
210. Prichard₁: Prichard K.S. Luck // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 100–105.
211. Prichard₂: Prichard K.S. N'goola // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 83–92.
212. Rudd₁: Rudd S. Our First Harvest // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 71–73.
213. Rudd₂: Rudd S. Starting the Selection // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 68–70.
214. White P. Down at the Dump // Australian Short Stories. М.: Прогресс, 1975. P. 242–268.

Список электронных источников

215. The Macquarie Complete Australian Dictionary app. Based on the complete Macquarie Dictionary Sixth Edition. Macquarie Dictionary Publishers 2015. (Приложение для мобильных устройств)

Приложение А. Краткий словарь этнографических и географических реалий из австралийских художественных тестов, послуживших материалом для исследования

Afghan – уст. погонщик верблюдов (*погонщики верблюдов, приехавшие в конце XIX в. в Австралию из Афганистана, Египта, Ирана, Турции и др. стран; работали в основном в засушливых р-нах континента*) [АНЗЛС, 2001, с. 27].

Banksia – банксия (*кустарник или небольшое дерево*) [АНЗЛС, 2001, с. 49].

Bardies – бардиз (*съедобные личинки некоторых видов бабочек и жуков, кот. аборигены едят либо живыми, либо испеченными в золе*) [АНЗЛС, 2001, с. 49].

Banyan – 1. абориг. баньян (*название кустарника в западной Австралии, из прочной и волокнистой коры кот. аборигены плетут веревки*) 2. смоковница бенгальская [АНЗЛС, 2001, с. 49].

Belah – абориг. казуарина (*Casuarina cristata; дерево; широко распространено в восточной Австралии, в р-нах с сухим умеренным климатом*) [АНЗЛС, 2001, с. 52].

Billy – «билли», чайник или котелок с проволочной ручкой (*в кот. кипят чай жители буша; неотъемлемая часть австралийских пикников. Слово вошло в обиход с 1850-х*) [АНЗЛС, 2001, с. 53–54]

Bingee ache – туз. боль в животе [Головчинская, 1973, с. 261].

Black beef – «черная говядина». Здесь речь идет о том, что с некоторыми верованиями и церемониями австралийских аборигенов, в частности погребальными обрядами, в прошлом связывался обряд каннибализма (людоедства). Отдельные факты его в прошлом удостоверены серьезными исследователями (Howitt, Roth). Однако каннибализм существовал не у всех племен и не составлял регулярного явления. Преобладающим мотивом

каннибализма были религиозно-мистические верования: иногда аборигены поедали части тела убитых воинов, как своих, так и врагов, чтобы приобрести их качества. У некоторых племен погребальные обычаи требовали, чтобы родственники умершего ели части его тела. Все это относится к прошлому. В настоящее время каннибализм нигде в Австралии не существует [Головчинская, 1973, с. 263].

Black-birding – похищение туземцев островов южных морей и продажа их для работы на сахарных плантациях в Квинсленде и для других тяжелых работ; *black-bird* – похищенный туземец; *black-birder* – судно, перевозящее рабов, также работорговец [Головчинская, 1973, с. 263]

Boggabri – название сухих низкорослых кустарников [Мурат₁, 1975, с. 381].

Boujera – «кормовой район» племени или локальной группы [Мурат₁, 1975, с. 361].

Boundary-rider – объездчик (*помощник на ферме, в чьи обязанности входит содержание в порядке и ремонт изгородей и загонов для скота*) [АНЗЛС, 2001, с. 60]

Brigalow – абориг. бригалу (*Acacia harpophylla*; разновидность акации, древесина кот. используется аборигенами для изготовления копий, бумерангов, боевых дубинок и т.п.)

Bucklegaroo – обряд инициации [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 151]

Bulya – яд [Причард, 1959, с. 270].

Bungarra (*bung-arrer, bungarrow*) – абориг. ящерица [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 104].

Bush – 1. буш (*большие пространства некультивированной земли в Австралии и Новой Зеландии, поросшие кустарником или деревьями до 10-12 м высотой*) 2. лес (*в Австралии и Новой Зеландии*) 3. внутренние р-ны австралийского материка [АНЗЛС, 2001, с. 64].

Cockie – (сокр. от *cockatoo*) какаду (распространенный в Австралии попугай с хохлом на голове, часто имеющий белое, белое с желтым, розовым или красным оперение) [АНЗЛС, 2001, с. 73].

Cooee – междометие, заимствованное из туземных языков и используемое как призыв к вниманию в чащобах Австралии. Туземцы произносят долгим первый слог и заканчивают его более высоким звуком [Мурат₁, 1975, с. 357].

Cooboo – абориг. ребенок [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 166].

Coolamon – куламон (деревянный таз, используемый аборигенами для хранения и переноски воды, семян и т.п.; используется также как детская люлька) [АНЗЛС, 2001, с. 77]

Coolardie – абориг. куларди, гуделка (музыкальный инструмент, состоящий из дощечки, прикрепленной к концу ремня; быстрое вращение дощечки производит прерывистый гудящий звук) [АНЗЛС, 2001, с. 77].

Coolwenda – северо-западный сорокопут [Причард, 1959, с. 270].

Coolyah – разновидность сладкого дикого картофеля [Причард, 1959, с. 270].

Corroboree – абориг. 1. корробори (священный, праздничный или военный танец) 2. песня, сопровождающая танец корробори [АНЗЛС, 2001, с.78]

Creek – «крик», ручей, небольшая река, которые наполняются водой только в период дождей [Головчинская, 1973, с. 248].

Damper – пресная тонкая лепешка (испеченная в золе) [АНЗЛС, 2001, с.81].

Dijeridoo (*didjeridoo*) – абориг. диджериду (музыкальный духовой инструмент, представляющий собой длинную, ок. 2 м, деревянную или бамбуковую трубу) [АНЗЛС, 2001, с. 84]

Dilly-bag – 1. небольшая сумка (используется для продуктов и личных вещей) 2. плетеная сумка (из скрученной травы или волокон пандануса и др. растений) [АНЗЛС, 2001, с. 84]

Dingo – абориг. австралийская дикая собака динго [АНЗЛС, 2001, с. 84].

Doe – самка кенгуру [АНЗЛС, 2001, с. 85].

Emu – эму (крупная нелетающая трехпальцевая австралийская птица, родственная страусу; имеет голубую кожу на голове и шее, длинное, ниспадающее коричневое оперение; рост – до 1,8 м, вес – до 55 кг; способна не уставая пробегать большие расстояния со скоростью 60 км/ч; обитает в степях Австралии и Тасмании. Эму изображен на гербе Австралии) [АНЗЛС, 2001, с. 90].

Fire corroboree – танец огня (перевод наш – Т.А.).

Fire-stick – палка для разжигания огня (обычно тлеющая палка, переносимая аборигенами во время кочевки со стоянки на стоянку, особ. на о-ве Тасмания) [АНЗЛС, 2001, с. 95].

Gilgai – абориг. гилгай, бочаг (блюдецвидное углубление в почве, образующее естественный резервуар для дождевой воды) [АНЗЛС, 2001, с. 102].

Gin – туземка [Головчинская, 1973, с. 248]

Gina-gina – абориг. джина-джина (женское платье) [АНЗЛС, 2001, с. 102]

Gnamma hole (*namma hole*) – абориг. «водяная дыра» (подземная полость, образующая естественный резервуар со своей растительностью и животным миром; водоем, углубление в скале, заполненное водой) [АНЗЛС, 2001, с. 145].

Heeler – хилер (особая австралийская порода собак с густой шерстью; первоначально помесь шотландской овчарки с динго. Собаки этой породы используются как загонщики овец) [АНЗЛС, 2001, с. 110].

Jinki – дух [Причард, 1959, с. 270]

Joey – детеныш, малыш (обычно кенгуру или поссума) [АНЗЛС, 2001, с. 118].

Kala miah – дровяной сарай [Причард, 1959, с. 270].

Kangaroo dog – порода австралийских собак (*используется для охоты на кенгуру и динго*) [АНЗЛС, 2001, с. 121].

Kelpie (или *kelpie dog*) – австралийская овчарка с остроконечными ушами и гладкой шерстью [Мурат₁, 1975, с. 373].

Koodgeeda – кудгида [Причард, 1959, с. 270].

Kurrajong – караджонг (*дерево высотой до 18 м; аборигены использовали эти деревья для изготовления веревок и палочек для добывания огня, употребляли в пищу корни и семена; это дерево часто имеет правильную пирамидальную форму и разводится в садах и парках*) [АНЗЛС, 2001, с. 127].

Kylie – кайли, легкий бумеранг (*разновидность бумеранга. Одна его сторона плоская, другая выпуклая*) [АНЗЛС, 2001, с. 127]

Lubra – абориг. лубра (*молодая темнокожая женщина или девушка-аборигенка*) [АНЗЛС, 2001, с. 132].

Message stick – палочка-послание (*палочка длиной ок. 30 см, цилиндрической или плоской формы, являющаяся знаком полномочий гонца, передававшего устные послания одного аборигена племени другому. На палочке не было письменного послания, но был нанесен рисунок, по кот. гонец мог найти источник воды*) [АНЗЛС, 2001, с. 139].

Milli-milli – милли-милли (*дощечка-письмо с выжженными на ней знаками или особая палочка с зарубками, где каждая зарубка имела вполне определенное значение*) [АНЗЛС, 2001, с. 140]

Minga – зд. большой черный муравей [Aboriginal words of Australia, 1983, p. 105].

Moppin-garra – колдун [Причард, 1959, с. 271]

Mountain-ash – эвкалипт (*в основном используется для Eucalyptus regnas, но может обозначать и другие виды эвкалиптов, растущих в горах*) [АНЗЛС, 2001, с. 142].

Mulba – абориг. абориген [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 171].

Mulga – 1. малга (название используется для обозначения нескольких разновидностей растений рода *Acacia*, произрастающих в центральных р-нах Австралии; чаще всего так называют кустарник ли дерево *Acacia aneura* с серо-зеленой листвой и коричневой древесиной) 2. буш, дикая местность 3. щит аборигена [АНЗЛС, 2001, с. 143].

Mumae – абориг. отец [Мурат₁, 1975, с. 362].

Music sticks – музыкальные палочки (примитивный музыкальный инструмент, представляющий собой деревянные палочки; ударяя их друг о друга, музыканты создают аккомпанемент для поющих или танцующих) [АНЗЛС, 2001, с. 144].

Namma hole (*gnamma hole*) – абориг. «водяная дыра» (подземная полость, образующая естественный резервуар со своей растительностью и животным миром; водоем, углубление в скале, заполненное водой) [АНЗЛС, 2001, с. 145].

Narlu – злой дух [Причард, 1959, с. 271].

Nuba, noova – абориг. мужчина, с которым разрешен брак [Причард, 1959, с. 271]

Nyoongar – абориг. абориген, темнокожий человек [АНЗЛС, 2001, с. 152].

Old man – взрослый кенгуру, самец [АНЗЛС, 2001, с. 154].

Out-back station – ферма во внутреннем р-не Австралии [АНЗЛС, 2001, с. 155].

Paspalum – разновидность травы, широко распространенная в Новом Южном Уэльсе, растет густыми пучками [Мурат₁, 1975, с. 382].

Pink-eye – «пинк-ай» (традиционные обрядовые празднества аборигенов, совпадающие по времени с христианским Рождеством, кот. приходится в Южном полушарии на лето) [АНЗЛС, 2001, с. 160].

Quandong – туземное название нескольких разновидностей деревьев, которые приносят плоды с косточками, похожие на персики [Мурат₁, 1975, с. 62].

Rouseabout (*rousabout*) – поденщик, чернорабочий (*особ. в период стрижки овец*) [АНЗЛС, 2001, с. 172].

Soak – углубление в почве, в кот. после дождей скапливается вода (*в Западной Австралии*) [АНЗЛС, 2001, с. 180].

Scrub – 1. скраб, куст, кустарник 2. местность, на кот. произрастают невысокие деревья [АНЗЛС, 2001, с. 176].

Sheep-Ho dog – пастушья собака, стерегущая овец [Мурат₁, 1975, с. 353].

Spinifex – спинифекс (остролистая колючая трава, растущая на песках и закрепляющая песчаные дюны) [АНЗЛС, 2001, с. 182].

Squatter – 1. *уст.* скваттер (*скотовод, овцевод, самовольно поселившийся на коронных землях, но позже получивший их в аренду*) 2. богатый, уважаемый человек, делец; 3. *уст.* житель буша, занимавшийся угоном скота, перепродажей алкоголя, обычно отбывший срок заключения [АНЗЛС, 2001, с. 182]

Store-miah, miah – туземное название сарая или шалаша [Мурат₁, 1975, с. 362]

Sundowner – 1. сезонный работник; 2. лентяй, нерадивый работник (*бродяга, свэгмен появляющийся на ферме слишком поздно, чтобы приняться за какую-л. работу, но вовремя, чтобы поесть*) [АНЗЛС, 2001, с. 185]

Swag – узел с пожитками [АНЗЛС, 2001, с. 185]

Swagman – *австрал. уст.* свэгмен (*человек, кот. скитается по стране, живет на случайные заработки; все его пожитки – в скатанном одеяле [swag] за плечами; бродяга*) [АНЗЛС, 2001, с. 185].

Tarlu – тотем [Причард, 1959, с. 271].

Tommy-axe – измененное в духе народной этимологии слова *tomahawk*, проникшее в английский язык из языков американских индейцев и вытеснившее в Австралии из широкого употребления англ. *hatchet* [Мурат₁, 1975, с. 372].

Tucker – пища [Головчинская, 1973, с. 253].

Tuckerdoo – тукерду, сласти [Причард, 1959, с. 271].

Two-up – австрал., новозел. разг. азартная игра с подбрасыванием двух монет (типа русской «орлянки»; выигрыш в ней зависит от того, на какую сторону упадут подброшенные монеты – «орел» или «решка») [АНЗЛС, 2001, с. 192]

Uloo – туземный поселок [Причард, 1959, с. 271].

Wagga – вога (*импровизированное одеяло или накидка из мешков или чего-л. подобного*; тж. Wagga blanket, Wagga rug) [АНЗЛС, 2001, с. 195]

Wallaby – абориг. валляби (*небольшое сумчатое животное; некоторые виды его напоминают кенгуру, другие – поссума по внешнему виду и размерам*) [АНЗЛС, 2001, с.196].

Whip bird – небольшая австралийская птица, названная так потому, что ее крик похож на свист хлыста [Мурат₁, 1975, с. 363].

Willy-willy – пылевой ураган [Головчинская, 1973, с. 260].

Winning-arra – вихрь, смерч [Причард, 1959, с. 270].

Wombat – абориг. вомбат (*крупное сумчатое животное, роющее норы и живущее в них, с короткими ногами и очень маленьким хвостом; внешне напоминает медведя*) [АНЗЛС, 2001, с. 199].

Wommera (*womera, woomera, wammara, womra*) – приспособление для метания копья, копьеметалка [Dixon, Ramson, Thomas, 1990, p. 184].

Wurley – хижина аборигенов, построенная из веток, сплетенной травы и листьев [АНЗЛС, 2001, с. 200]

Yam stick – длинная заостренная палка, используемая аборигенами для выкапывания корней вьющихся лиан [АНЗЛС, 2001, с. 201]

Приложение Б. Частотность анализируемых реалий по лексико-тематическим группам

Таблица Б.1 – Общая частотность анализируемых реалий

№	Группы реалий	Количество	%
1	Этнографические реалии	62	34,4
1.1.	Быт	17	9,4
1.2.	Труд	8	4,4
1.3.	Люди	10	5,6
1.4.	Искусство и культура	15	8,3
1.5.	Этнонимы	9	5
1.6.	Другие	3	1,7
2	Географические реалии	39	21,7
2.1.	Объекты физической географии	9	5
2.2.	Фауна	18	10
2.3.	Флора	12	6,7
3	Ономастические реалии	79	43,9
3.1.	Антропонимы	21	11,7
3.2.	Топонимы	58	32,2
	Всего:	180	100%

Таблица Б.2 – Частотность этнографических реалий

Подгруппы	Быт	Труд	Люди	Искусство и культура	Этнонимы	Другие
Количественные данные	17	8	10	15	9	3
%	27,4	12,9	16,1	24,2	14,5	4,8

Таблица Б.3 – Частотность географических реалий

Подруппы	Объекты физической географии	Фауна	Флора
Количественные данные	9	18	12
%	23,1	46,2	30,8

Таблица Б.4 – Частотность ономастических реалий

Подруппы	Антропонимы	Топонимы
Количественные данные	21	58
%	26,6	73,4